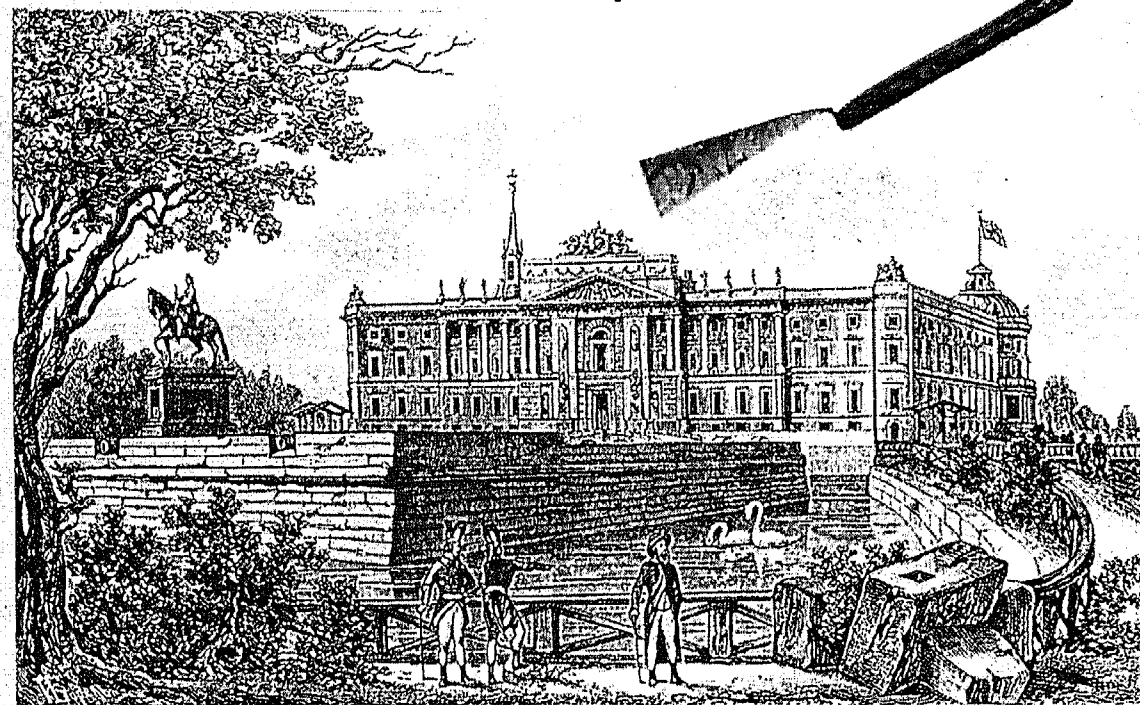

Петербургская библиотечная школа

ПОВЕСЯ
КНИЖНАЯ
СЕТЬ РЪКИ
НАПОЮЩАЯ
ВСЯ СЛЕННУЮ

Санкт-Петербургское
библиотечное
общество

Санкт-Петербургское библиотечное общество

© Петербургское библиотечное общество, 2002

УЧРЕДИТЕЛЬ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЕ
БИБЛИОТЕЧНОЕ ОБЩЕСТВО
191025 С.-Петербург,
наб. р. Фонтанки, 46
тел. (812) 311 27 53
факс (812) 311 22 47
pmo@pl.spb.ru

Регистрационный № П 1360 ФГУ
“Северо-Западное окружное
Межрегиональное ТУ МПТР России”
от 03 марта 1995 г.

При перепечатке материалов ссылка на журнал “Петербургская библиотечная школа” обязательна

Издательский отдел Библиотеки Российской АН
(199034, Санкт-Петербург, Биржевая л., 1)
Ротапринт ОПП Библиотеки Российской АН
(199034, Санкт-Петербург, Биржевая л., 1)
Тираж 500 экз. Зак. № 20

Номер подписан в печать 23.03.2003 г.

У нас в гостях

- Главное качество ответственность:
Интервью с главным редактором
журнала СПбГУКИ «ЗЕРКАЛО»,
студентом 5-го курса Библиотечно-
информационного факультета
Егором Яковлевым 3–7
- Д. Скрипка.** «Рамштайн». 19 ноября
в Ледовом дворце состоялся концерт
всемирно известной немецкой
группы 8–11
- Н. И. Сергеева.** Первые страницы:
К 85-летию со дня основания
СПБГУКИ 11–21
- С. Спиваковская.** По ком звучит
«Реквием» 22–25
- К. Климович.** Демонстрация тайны
и боли 25–27
- Н. Лагутина.** Интерактивная
литература 27–29
- Б. Г. Кипнис.** Гусарская баллада.
Храбрые гусары были славой
и гордостью императорской
России 30–33

Научные исследования

- И. М. Беляева, Н. Г. Медведева.**
Взаимодействие в научных
исследованиях и новых технологиях:
Из опыта Библиотеки РАН 34–37
- А. А. Порпляк.** Из истории газеты
«Санкт-Петербургские ведомости»
XVIII века 37–47

Зарубежный опыт

- Веспа Нииникангас, Инкери Няйтсаари.**
Владение предметом как фактор
успеха 48–59

Переводы

- Читатель и книга: Малоизученный
аспект отношений 60–71

Редакционная коллегия

Чалова З. В.
Акимова Т. А.
Басов С. А.
Ежова М. Ф.
Комиссарчик Н. М.
Колпакова Н. В.
(отв. редактор)
Косачева Л. Г.
Кулинченко Л. В.
Лалинайте О. В.
Минкина В. А.
Монакова Т. Ю.
Новикова Т. И.
Рудая З. А.
Секретарева Л. Г.
Соколов А. В.
Соколова Н. В.
Тихонова Е. В.
Шеповалова Е. В.

Литературная редакция

Юдахина О. Г.

Компьютерная верстка

Ухвалова А. В.

Информация

Н. В. Колпакова. Программа
«Открытый мир» — для российских
библиотекарей 72–74

И. В. Филаткина. Филадельфия:
Впечатления о городе и зимней
конференции Американской
библиотечной ассоциации 74–76

Издатель и читатель 77–80

А. Куманова. Штрихи к творческому
портрету профессора
И. В. Гудовщиковой 81–89

А. Д. Ноздрачев 90–96

У НАС В ГОСТЯХ

ЖУРНАЛ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВ

Зеркало

ГЛАВНОЕ КАЧЕСТВО — ОТВЕТСТВЕННОСТЬ: ИНТЕРВЬЮ С ГЛАВНЫМ РЕДАКТОРОМ ЖУРНАЛА СПБГУКИ «ЗЕРКАЛО», СТУДЕНТОМ 5-ГО КУРСА БИБЛИОТЕЧНО-ИНФОРМАЦИОННОГО ФАКУЛЬТЕТА ЕГОРОМ ЯКОВЛЕВЫМ

— Егор, тебя никогда не принимали за твоего знаменитого тезку — редактора «Московских новостей»?

О, довольно часто. Видя в «Зеркале» рядом с надписью «главный редактор» имя и фамилию Егор Яковлев, люди почему-то часто делают заключение, что маститый московский редактор решил патронировать молодежное питерское издание. Всегда очень жаль их разочаровывать. Но, откровенно говоря, это совпадение нередко задает положительный тон в разговорах о журнале. Собеседники реагируют на него, удивляются и начинают слушать меня внимательнее, как будто я и есть тот самый Егор Яковлев, а вовсе не студент СПбГУКИ.

— Почему вы назвали Ваш журнал «Зеркало»? Не боитесь, что Вас будут путать с известной телепередачей?

Когда мы придумывали название, никто из нас даже не надеялся, что наш журнал будут знать за стенами вуза. На самом деле, до той известности, которую имеет программа Николая Сванидзе изданию еще ой как далеко. Но в принципе, если

существует два Егора Яковлева, почему бы не существовать и двум «Зеркалам»?

Каждый человек вправе сам трактовать это название. Кто-то понимает его просто: «Зеркало» как отражение действительности. Но вообще-то настоящее зеркало, в которое мы все смотримся каждый день, предмет странный и загадочный. Согласно поверьям разных народов, оно может и исцелять людей, и предсказывать будущее, и запоминать события, произошедшие перед ним, и многое другое. Перенося вместе с названием в журнал самую явную способность предмета — отражать действительность, мы незаметно переносим и все остальные его способности. Поэтому название «Зеркало» — не такое простое, как кажется.

А для самих создателей оно наполнено особым смыслом. После того как макет закончен, на кальке выводят его зеркальную копию, в просторечье называемую зеркалкой. И вот, когда мы делали первый номер, я приходил к верстальщице и спрашивал: «Ну, что, зеркалка готова? Она отвечала: «Нет. Мне не хватает того-то

и того-то». И так длилось почти две недели. За это время слово «зеркалка» в наших «профессиональных», а точнее полностью непрофессиональных разговорах случайно трансформировалось в «зеркало». И когда, наконец, героическими усилиями макет был выведен, мы, вернувшись к вопросу названия журнала, решили, что исторически сложилось назвать издание «Зеркало». Для нас это название является своего рода символом преодоления препятствий, связанных с началом нового дела.

— Ты заговорил о профессионализме. Ведь на своем факультете вы не обучались журналистике, редактированию и издательскому делу. Как вам удалось освоить все эти дисциплины?

Среди нас нет, да и не может быть ни одного дипломированного журналиста. И мы действительно непрофессионалы в том смысле, в каком непрофессионалами являются спортсмены-олимпийцы. Мы не получаем за работу денег и делаем все на общественных началах. Такова специфика и, я бы сказал, прелесть студенческой прессы по определению. Но это не значит, что мы не стремились создавать качественное издание. Уже после выхода первых номеров стало понятно, что одной энергии мало, нужны знания. И мы стали учиться — через учебники, через обучающие программы, через общение с настоящими специалистами.

Мне как редактору очень помогло участие в проекте Министерства Иностранных дел, посвященном изучению биографии выдающегося отечественного дипломата, светлейшего князя Александра Михайловича Горчакова. Проект был очень масштабным: в него входил и поиск затерянного где-то на территории Троице-Сергиевой Пустыни захоронения Горчакова, и установление памятника дипломату, и написание книги о времени и служении этого государственного деятеля. Реализация всех этих планов заняла пять лет (1997–2002). Я подключился к этой работе в 2000 г. В рамках практики третьего курса мне было поручено инфор-

мационное обеспечение проекта. Но постепенно я втянулся, и наряду с основными обязанностями мне с помощью профессионалов довелось осуществить редактирование монографии Представителя министра иностранных дел РФ в Петербурге Виктора Лопатникова «Пьедестал. Время и служение канцлера Горчакова». В скором времени эта книга будет переиздана издательством «Молодая гвардия» в серии «ЖЗЛ». Это, безусловно, был бесценный опыт.

Похожий путь у каждого из нас. И на сегодняшний день подобралась команда, которой я горжусь и думаю, что ей мог бы гордиться любой главный редактор университетского журнала. Каждый из наших постоянных корреспондентов имеет публикации не только в «Зеркале», но и в других периодических изданиях, в том числе весьма солидных. Алена Лейченко, заместитель главного редактора — прекрасный специалист по информационному обеспечению и, по моему мнению, одна из лучших студенток университета. Несмотря на свою молодость (мы вместе учимся), она является заведующей медиатеки Северо-Западного Политехнического университета. Светлана Спиваковская успешно работала на Ленинградском областном телевидении. Дмитрий Скрипка — постоянный автор журнала «Компьютерный-грайс». Кирилл Климович был главным редактором молодежной сетевой газеты «Точка». Анастасия Кулькова — известный сетевой автор, в Интернете она опубликовала более двадцати статей под псевдонимом. Ольга Гордиенко и Мария Ильенкова имеют публикации в музыкальном журнале «Никоткуда». Вместе с тем мы не утрачиваем запасов молодой энергии. В этом году работать к нам пришли отличные ребята со второго курса.

— В чем основные отличия вашего журнала от другой студенческой прессы?

Журналист «Гаудеамуса» Виталий Сараяв написал, что непременимыми атрибутами студенческой прессы являются подборка избитых анекдотов на последней полосе, мрачно-ризографические фото-

графии и статьи типа «наша редакция — самая крутейшая редакция». Мы пытаемся разрушить все эти стереотипы. Журнал состоит из двух информационных блоков. Один посвящен университету, другой называется «Культура и мир». Мы ориентируемся не на среднестатистического балбеса, которому подавай пошлые шуточки и откровенные статьи про личную жизнь Бритни Спирз, а на человека, которому не все равно, какие проблемы у современного мира. Юра Шагунов или Дарья Донцова вряд ли попадут на наши страницы — только если мы решимся обсуждать проблему массовой культуры в целом. Нам интересны противоречивые люди и явления, которые оказывали и продолжают оказывать реальное влияние на образ мысли и духовное развитие общества. Наши герои — это Уорхолл и Эшер, Генри Миллер и Курт Воннегут, Бисмарк и Ленин, Фассбиндер и Альмодовар, Сорокин и Стогов. Иными словами, наша целевая аудитория определяется не столько возрастом, сколько активностью жизненной позиции. Мы стараемся делать журнал актуальным, проблемным и познавательным, что согласуется с нашими понятиями о культуре.

Второе. Многие студенческие издания изначально агрессивны по отношению к старшему поколению. Конфликт отцов и детей они решают через самоизоляцию: «не суйтесь со своими советами, отстаньте от нас, это наша территория». Правда, «отцы» тоже этим грешат. Мы же стремимся наладить диалог между студентами и администрацией. И я очень рад, что ректор СПбГУКИ Павел Алексеевич Подбологов, и другие представители администрации не стесняются общаться со студентами через студенческий журнал. Вот, к примеру, в текущем номере у нас будет материал о студенческом фольклоре, подготовленный проректором по науке Валентином Вадимовичем Головиным. Там выйдет также статья профессора Аркадия Васильевича Соколова «Доживем до воскресения» об отношении современных студентов БИФа к библиотечной профессии. Извест-

ный военный историк Борис Григорьевич Кипнис предложил нам материал о нашумевшем фильме Александра Рогожкина «Кукушка». У нас публиковались заведующая кафедрой гуманитарной информации Галина Феофановна Гордукалова (наш самый главный вдохновитель), заведующая кафедрой музееведения Надежда Ивановна Сергеева, профессор Исаак Александрович Майзель и многие другие, не стесняясь обращаться к студентам. Все эти люди — друзья нашего журнала. И для студентов, особенно первокурсников / второкурсников, статьи которых опубликованы рядом со статьями преподавателей, это очень важно. Это укрепляет особую атмосферу доверия, работает на внутренний имидж вуза.

Следующее отличие — стремление к оригинальности. «Зеркало» впервые начало систематическую публикацию материалов по истории вуза и зданий, в которых он расположен. Помимо этого мы активно стимулируем выпускников университета писать воспоминания об их студенческой жизни. Вот, например, в прошлом номере мы впервые опубликовали полную версию мемуаров зав. кафедры библиографии и информации Челябинской Академии культуры Исаака Григорьевича Моргенштерна. Мы также начали сбор и публикацию студенческого фольклора. Все эти материалы эксклюзивны, и больше их нигде не найдешь.

Но даже в материалах о мировой культуре, где добиться эксклюзива гораздо труднее, мы требуем от наших авторов нестандартности мнения и стиля. Слепое перекачивание из Интернета будет отвергнуто. Прочитав статью из «Зеркала», читатель должен задуматься и заинтересоваться. Только тогда можно считать, что материал удался. К такой позиции мы пришли не сразу, и получается это далеко не всегда, но то, что получается — большое достижение.

— *Говорить можно еще долго, но основные черты, как мне кажется, названы.*

Ваш журнал победил на первом фестивале студенческой прессы в двух номинациях. Расскажите об этом поподробнее.

Можно по разному относиться к газете «Gaudeamus», но то, что она сделала для развития студенческих изданий Питера трудно переоценить. Благодаря ей, а также институту развития прессы и администрации Санкт-Петербурга, представители студенческих газет и журналов города впервые собрались вместе и почувствовали, что они не одиноки. У всех нас одни и те же проблемы: отсутствие опыта, недостаток средств, имидж неразумных детей, принимающих за талант свой юношеский максимализм. Но собрали нас не в песочнице, а в «Доме журналиста», что, как мне кажется, является лучшим показателем признания студенческой прессы серьезным и достойным занятием.

Три дня проходила научно-практическая конференция, которую должен был увенчать конкурс студенческих СМИ. О, этот день я запомню на всю жизнь. Утро ушло на поиск мультимедийного проектора, с помощью которого мы хотели показать виртуальную презентацию «Зеркала». Наш журнальчик маленького формата, обычная стендовая презентация для него подходит. Обегав весь институт, мы за два часа до начала выставки, наконец, нашли такой проектор на кафедре музееведения. Когда приехали в ДК «Невский» выяснилось, что в единственном установленном там компьютере — времен мамонтов и неандертальцев! — неисправны дисковод и CD-ROM. Следующие полтора часа были потрачены на поездку к ближайшему во всех смыслах другу и «изъятию» у него нормального компьютера. Назад добирались на такси: полчаса простояли в пробках, но похоже успели вовремя — все возможные спонсоры и рекламисты приехали только к половине шестого. В это время наша презентация уже играла всеми цветами радуги на стенде «Зеркала».

Нам присудили победу в двух номинациях: «лучший конкурсный материал» и «смелость проекта». Наш журнал оказался единственным изданием, отмеченным жюри дважды. И одним из немногих вузовских изданий, вообще попавших в чис-

ло призеров. Но главный успех даже не в том, что «Зеркало» теперь отмечено наградами. За время конференции я окончательно понял, что значит делать что-то вместе. Я и не думал, что идея журнала может настолько сплотить людей. Именно это чувство единения и принесло нам, не скрою, очень желанные дипломы фестивалю. В его существовании и состоит настоящая победа.

— *Главное качество, которым должен обладать журналист студенческой прессы?*

Ответственность. Насколько важно то, что мы делаем, я понял после одного разговора. Однажды академик Борис Васильевич Ананьич спросил меня, отсылаю ли я экземпляр «Зеркала» в библиотеку Института Российской Истории РАН. Я ответил, что журнал у нас чисто студенческий, ненаучный, и вряд ли в этом есть смысл. Он на это ответил, что через какое-то время историки начнут изучать, какими были молодые люди начала XXI века, чего они хотели, о чем думали, к чему стремились, и «Зеркало» послужит важным источником для таких представлений. И уж точно оно вызовет интерес тех, кто будет изучать историю учебных заведений Петербурга. Я никогда не думал так далеко. Но нам действительно «не дано предугадать, как наше слово отзовется». И это накладывает колоссальную ответственность.

В коммерческих изданиях люди очень часто делают все хорошо и вовремя, потому что иначе они потеряют работу. Здесь таких стимуляторов нет. Поэтому в «Зеркале» остаются работать только те люди, которые обладают врожденным чувством ответственности, которые готовы брать на себя работу и выполнять ее. Бывают, конечно, ошибки. Они бывают у всех. Но мы не стремимся отстоять свое право на ошибку, мы просто ее исправляем.

— *Планы на будущее?...*

Их очень много. После успешной городской презентации нашего журнала нам делают немало предложений участвовать в других проектах. Сейчас

часть нашей редакции занята подготовкой альманаха «Шел солдат» Санкт-Петербургского Совета ветеранов. Статьи нашим корреспондентам заказывает новый журнал «Библиотечное дело». Обязательно будет продолжаться сотрудничество «Зеркала» с петербургским МИДом, на этом стыке возможно появление еще одного периодического издания. Также нам предложили принять участие в создании сборника воспоминаний об Университете Культуры, посвященного 85-летию вуза. И, конечно, мы будем работать с нашими новыми друзьями из организации «Молодежный город» и «Gaudeamus».

В мае планируем провести концерт авторской песни, посвященный смене редакции. Почти все те, кто стоял у истоков «Зеркала», заканчивают в этом году университет. Наша старая команда приобретает другой статус. Мы будем стараться развивать журнал, искать для него как новые выходы, но «Зеркало» — журнал Уни-

верситета культуры и искусств, и его редактором должен быть студент этого вуза.

— *Чем бы тебе хотелось закончить это интервью?*

Закончить хотелось бы добрыми словами в адрес нашего (и моего, в частности) учителя — профессора Галины Феофановны Гордукаловой. Без нее не было бы ни «Зеркала», ни многого другого. Галина Феофановна — уникальный человек. Все студенческие проекты на БИФе проходят при ее участии и поддержке. Студентов своей группы она не только помнит по именам, но и обладает способностью в каждом открыть неповторимый личный талант. Она вникает в образ мысли и стремления каждого и всем старается помочь. Она любима и уважаема не только сотрудниками «Зеркала», но вообще всеми студентами библиотечного факультета. Думаю, что если это интервью прочтут ее прежние выпускники, они со мной согласятся.

Спасибо за интервью. Удачи Вам и Вашему замечательному журналу.

Беседовала *Елена Панько*
(Санкт-Петербургский государственный университет)

Dort, wo die Sterne waren,
Drehen sich Feuerraeder
Wir feiern einen Leidenschaft
Dei Schmerz ist schoen wie nie

Там, где звезды был ранес,
Вертятся круги огня,
Воспеваем мы страдания,
Прекрасна боль, как никогда

Rammstein, Feuerraeder, 1999

«Раммштайн»

19 ноября в Ледовом дворце
состоялся концерт всемирно известной немецкой группы

Они не сделали Германию мировой столицей альтернативной музыки, так называемого Industrial'a, и не они создали этот новый стиль из смеси техно и рок-ролла. И тем не менее, современная немецкая музыка ассоциируется всюду именно с ними, без их песен не обходится ни один претендующий на солидность сборник композиций из характерного жанра. Создав не так уж и много (как не вспомнить здесь огромные собрания кассет «Scorpions», «Pink Floyd», «Queen» и других исполнителей «звездного» ранга), они успели вписать себя в историю музыки периода смены столетий. Они принадлежат к тем немногим исполнителям, поющим на родном языке, кому удалось сломать стену страха перед мировой сценой. Они из тех, кто вслух заявил о своем нежелании подстраиваться под общепринятые стандарты и доказал, что не только музыка в формате MTV может получить всеобщее признание. Что же помогло им добиться успеха?

Причину популярности «Rammstein», феномен их фантастического успеха, нередко сводят к языку лирики. Понятие красоты языка субъективно, так же, как субъективно его восприятие, однако любая речь обладает своими уникальными особенностями, отличающими ее среди прочих. Здесь, конечно, эффект разорвавшейся бомбы произвела агрессивная, яркая выразительность немецкого языка. Но дело не только в звучании, а еще и в том, как разнолик немецкий в устах одного и того же человека! Насколько жестко, разделяя и чеканя слова, исполняет Тиль Линдемани песни «Herzeleid» и «Du Hast», настолько же нежно и мягко слова песен «Klavier» и «Mutter» перетекают у него в целые строфы.

Помимо этого успех «Rammstein» объясняется редким умением музыкантов полностью соотнести содержание лирики с формой своих выступлений. Текст на неизвестном нам языке нельзя понять, но можно почувствовать его смысл, уло-

вить его на подсознательном уровне. Искусство талантливого исполнителя и состоит в умении донести смысл — интонацией, жестами, эмоциональным подтекстом, создать какие-то образы.

Песня «Kokain» создает впечатление, что поют ее несколько человек — Тиль творит чудеса с тембром голоса. Во время концерта вокруг солиста стоят пять человек, похожие на средневековых рыцарей — это три гитариста, ударник и клавишник; традиционный состав рок-команд, который выделяется манерой держаться. Тевтонский стиль воплотился здесь в строгой и агрессивной одежде, подтянутые, крепкие парни на первом плане, бесстрастно, но мастерски играющие на гитарах, выглядят, как пришельцы из прошлого, но в этой игре нет фальша, безвкусицы и легкомыслия, присущего коммерческим исполнителям, стилизующимся под Средневековье. Внешнее впечатление усиливает огонь, который периодически вспыхивает на сцене во время выступления музыкантов. Огонь несет в себе символическое значение, он не возникает сам по себе. Человек горит, когда страсти переполняют его, он горит, когда он страдает, когда он пытается понять и осмыслить свое бытие, свою сущность, которая где-то между инстинктом и разумом, когда он освобождается от греха в припадках мучительного раскаяния. В одной из песен Тиль появляется на сцене, в стальном плаще, охваченном пламенем, руки его подняты, словно он распят на кресте; склонив голову, он поет: «Человек горит». Песня состоит из обрывков фраз, создающих образ смерти и запустения: ...Человек горит... Ребенок умирает... Море пламени... Кровь течет на асфальт... Спасения нет...» и т. д.

Получаешь удовольствие и от самой музыки, ритмичной и тяжелой, которую музыканты определяют как танц-металл. Настоящую немецкую рок-музыку никогда не перепутаешь с американской, слушатель видит скелет каждой песни, она очень логична и пропорциональна, не склонна к импровизациям, которые могут разрушить ее основы, подобные сводам готиче-

ского собора. Эмоциональные или идейные линии, которым подчинены отдельные синглы, могут проходить через несколько песен и объединять их в целый альбом. Rammstein — всецело немецкая группа, и им эти линии свойственны. Они есть во всех трех студийных альбомах, даже в так называемом Fun-Addition'e к сборнику «Greatest Hits» (Das Modell, Kokain, Wilder Wein и др.). Наиболее отчетливо проступает тема одиночества, доводящего до сумасшествия и тоски (тема тоски, вероятно, является самой излюбленной темой немецких и австрийских исполнителей, магическое слово Sehnsucht слышится всюду, будь то мрачная лирика Oomph и Das Ich, меланхоличные песни KMFDM и Einstuerzende Neubauten, агрессивный рок от Richthofen или даже альбомы весельчаков с родины Моцарта Megahertz). Rammstein вывели слово Sehnsucht (тоска) в название одного из альбомов и в название первой песни. Путешествия дарят воспоминания, но не заглушают тоску, а сбежать от нее невозможно — таковы грустные размышления лирического героя песни.

Тоска прячется, как насекомое,
Во сне ты не замечаешь,
Что она тебя жалит,
Уже нигде не смогу стать счастливым
Палец скользит по карте к Мексике

Но там же погружается в океан

Тоска так жестока

Дебютный альбом «Rammstein» носил близкое по смыслу название «Herzeleid» («Муки сердца»), но звучал выразительнее и агрессивнее. Для лирического героя «Rammstein» характерно нежелание смириться с тоской, он предпочитает мучения успокоению, бессмысленные действия — покорности. Страдания доводят до умопомрачения: так, главный персонаж песни «Heirate Mich» («Женись на мне»), утратив возлюбленную, сходит с ума, ползает возле церкви среди могил, проводит

ночи возле Ее надгробного камня. Сила абсурдного чувства толкает его на ненормальный поступок:

Руками я землю копаю глубоко,
Чтоб обрести, что так горько утратил.
В сиянье месяца прекрасно твое платье,
И я целую рот твой холодный.

«Rammstein» намеренно заставляют слушателя содрогнуться — холодным сердцем нельзя почувствовать чужие переживания. Тексты песен — крик нравственного сознания. Перед страстями отступают законы морали, отчаяние, граничащее с безумием и красотой, обрушивается на восприятие, глубоко задевая все чувственные рецепторы, вызывая у слушателя бурю эмоций, заставляя его почувствовать себя героем песни, кем бы герой этот не был. В этом музыканты преуспевают — пронзительные, щемящие душу мелодии клавишных инструментов контрастируют с жестким драйвом электрогитар и сопровождаются великолепным вокалом, производя непередаваемое впечатление на меломанов — его действительно нельзя описать, но можно сравнить с впечатлением, которое вызывают у ценителей литературы романы Франца Кафки, заключающие в каждом фрагменте особое настроение.

В любом альбоме песням Rammstein свойственна разноликость. Существуют агрессивные по форме и содержанию композиции, такие как «Asche zum Asche» («Пепел к пеплу»), «Tier» («Зверь»), «Eifersucht» («Ревность»), «Wollt ihr das Bett in Flammen sehen?» («Хотите увидеть кровать в огне?»). Они отражают в полную силу негативные человеческие склонности и эмоции. Другой ряд композиций отличается медлительностью и мелодичностью. Это «Seemann» («Моряк»), «Wilder Wein» («Дикое вино») и «Alter Mann» («Старик»). Последнюю один из журналов назвал «одой жизненному опыту и вечным ценностям» — красиво, но не совсем точно. Оды как таковой тут нет, а жизненный опыт, напротив, вынуждает старика, героя песни, мучаться в преддвее-

рии будущего. В стремлении познать свою судьбу и в страхе перед ней, «вертящей» нами «как куклами», говоря аллегориями из Das Alte Leid (Старая тоска), проявляется беззащитность и беспомощность человека. Узнав «...сколько сказок тебе ещё осталось пережить, ты будешь умолять об избавлении» — говорит старик. И в чем оно, это избавление? Старик находит его в смерти, его собеседник, оставшись один, тяготится этим вопросом, но не может ответить. Смерть остается единственным нашим спасением от превратностей существования, средством избежать злого рока.

Слаба вера Rammstein и в загробную жизнь. В «Engel» («Ангел») поется, что «ангелами становятся только те, кто достойно прожил земную жизнь». Но зачем к этому стремиться, если они столь же одиноки и беззащитны, как и люди? Если они живут в постоянном страхе «упасть с неба»? В припеве жалобы ангелов прерывает приговор героя — «Знает Бог, я не хочу быть ангелом!». Весьма аморальный клип на песню служит убедительным подтверждением его словам.

Означает ли все это, что «Rammstein» порывают с верой? Все же нет. За «Engel» и «Tier» следует «Bestrafe Mich» («Покарай меня») — песня, обращенная к Богу. Смысл прост: человек грешен и за свои грехи должен быть наказан. Самое худшее — нежелание их признать. Отсюда и обращение — «покарай меня» — есть, ведь, за что. Как обычно, здесь заложена антитеза: Бог велик, Бог строг — но Он же и милостив. Это отражается в поговорке, которая здесь включена в припев — «Der Herr Gott nimmt, der Herr Gott gibt» (Бог возьмет, Бог подаст). Разумеется, Он подает и помогает лишь тем, кто верит в Него и кто способен любить, но это, по видимому, не всем очевидно.

«Herzeleid» — это духовный завет авторов песни, изведавших горечь жизни, новому поколению, влюбленным. «Храните друг друга от одиночества двоих...» (Zweisamkeit). Даже вдвоем нельзя замыкаться от мира вокруг нас, ибо «...время,

что вы существуете вместе коротко, многие годы сольются и будут казаться вам как минуты» — поется в песне. «Herzeleid» («Муки сердца») — расплата за пренебрежение этим заветом...

Песни прежних альбомов Rammstein игнорируют серый быт и политику (влюбом радикальном ее проявлении), этические и нравственные догмы, не попирая их бессмысленно и нарочито, а просто не замечая. В них нет надуманности и лицемерия, и в то же время часто отсутствует всякая благопристойность. Они где-то на грани между красотой, как положительным явлением жизни, и злом, между символизмом и натурализмом, они ничему не учат, но отражают переживания. Все внимание сосредоточено как раз на внутреннем мире, через который мы смутно видим мир внешний.

Новый альбом «Mutter» потерял многие отличительные черты лирики музыкантов. Ориентация на широкие массы не очевидна, но чувствуется; неплохо поработала и цензура, давшая слабину лишь относительно трека Zwitter; результатом стала утрата прежнего настроения, которое создавала у поклонников музыка «горящих тевтонцев» и первые строчки в хит-парадах рок- и поп-музыки. Rammstein создают для себя новый стиль, их музыка теперь мягче и мелодичнее, смысл песен — понятнее (и поверхностнее), сами песни во многом напоминают баллады. Впрочем, начальный период творчества редко походит на зрелый, все течет и все изменяется, возможно, и к лучшему. Зато теперь меня не покидает уверенность, что новый альбом исполнителей мы увидим гораздо скорее, чем нынешний.

Надежда Ивановна Сергеева, профессор кафедры музееведения

ПЕРВЫЕ СТРАНИЦЫ: К 85-летию со дня основания СПбГУКИ

Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств начал деятельность в бурные революционные годы. Вся его жизнь — постоянный поиск, борьба и перестройка. И, тем не менее, он отметил ряд юбилеев и сейчас готовится к новой праздничной дате, которая (так случилось!) совпадает с юбилеем Петербурга. Нет, конечно, нам не 300, а 85 лет. Нас породило не появление на географической карте нового города, а революция, начавшаяся в нем в 1917 году. Но революция завершила свою историю крахом идей и дел, а наш Университет продолжает жить.

Вот и в этом учебном году, летом 2001 года, по количеству заявлений, поданных абитуриентами в приемную комиссию, Университет занял 7-е место среди вузов города. Это дает нам право «вписаться» в группу наиболее востребованных вузов Петербурга, возглавляемую Санкт-Петербургским университетом. Что придает нам силы? В чем неординарность нашего

Университета, его стойкость, непреходящая потребность в нем общества?

Конечно, жизненность подобного организма определяется и проверяется всей его историей. Но бесспорно и то, что будущее новорожденного во многом зависит от заложенного в начале развития. Отсюда естественно обращение к прошлому, к давно минувшим дням, к тому «предку»

нашего Университета, который возник и переживал период становления в сложных и чрезвычайно противоречивых условиях революционной России.

1918 год. 20 декабря. Именно в этот день в Петрограде состоялось открытие нового учебного заведения, названного Институтом внешкольного образования. Мы именуемся Санкт-Петербургским государственным университетом культуры и искусств. Названия не раскрывают родства. Но тем не менее оно бесспорно и искать его надо не в названии. Да, наш Университет на протяжении более 80-ти лет своей истории переименовывался 6 раз: в 1924 году в Педагогический институт политпросветработы, в 1925 году в Коммунистический политико-просветительный, в 1941 году в Ленинградский библиотечный, в 1964 году в Институт культуры, в 1993 году в Санкт-Петербургскую академию культуры и, наконец, в 1999 году в Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств. С 1924 года носил имя Н.К.Крупской. Бесспорно, эти переименования отражают изменения времен и идей, развитие наук, а также финансовое состояние страны, сферы образования и культуры. Однако целевая установка и суть образовательных задач, подвергаясь определенной корректировке и смещению акцентов, продолжали играть раньше и сейчас образующую роль. Это позволяет нам говорить о том, что нынешний Университет культуры и искусств является прямым преемником Института внешкольного образования, открытого в 1918 году в Петрограде.

И не только наш Университет, но и другие подобного рода вузы, которые значительно позже возникали в разных концах нашей страны и функционируют сегодня. Более того, мы вправе утверждать, что 20 декабря 1918 года — дата, которая выходит за рамки жизни одного учреждения. Это начало нового направления в истории высшего образования. Тогда оно называлось внешкольным, затем культурно-просветительным, теперь культурологическим.

Строго говоря, за начало отсчета времени создания нашего Университета и нового направления в высшем образовании можно взять и другую дату — 23 июня 1917 года. В этот день Первый Всероссийский съезд рабочих и солдатских депутатов вынес решение о создании института, а также краткосрочных курсов по отдельным отраслям внешкольного образования. Однако решение не было выполнено. Но идея продолжала жить. В августе 1918 года на одном из заседаний Первого Всероссийского съезда по просвещению опять шел разговор об организации краткосрочных курсов и особого высшего учебного заведения для подготовки специалистов в области внешкольного образования. Таким образом, мысль, рожденная Февралем 1917 года, продолжала жить и после Октября 1917 года. Более того, разговоры начинают переходить в дело. Вскоре после съезда, а именно 29 сентября 1918 года, Внешкольный отдел Комиссариата просвещения Союза Коммун Северной области открыл инструментальные курсы по внешкольному образованию. Программа курсов, рассчитанная на шесть недель, намечала подготовку организаторов и руководителей внешкольных учреждений. Число курсантов составило 177 человек. В программу кроме общего курса входило знакомство с работой народных домов и рабочих клубов, курсов и школ для взрослых, подготовка лекторов и чтецов популярных лекций. Курсы действовали до 19 декабря 1918 года, а на следующий день — 20 декабря, начал работу новый Институт внешкольного образования.

Пока курсы спешно готовили остро необходимые кадры, столь же спешно и напряженно велась работа по созданию постоянно действующего высшего учебного заведения. Она осуществлялась в соответствии с декретом, подписанным 28 ноября 1918 года Народным Комиссаром просвещения А. В. Луначарским и комиссаром по внешкольному образованию Л. Р. Менжинской. Декрет предписывал открыть в Петрограде «особый институт»

под названием «**Институт внешкольного образования**». Любопытно, что этот же декрет одновременно заявлял о дальнейшей работе специально организуемых курсов, предусматривая, таким образом, взаимодействие курсовой и вузовской форм подготовки специалистов внешкольного образования.

Постоянное обращение к идее подготовки профессиональных внешкольников, переход уже в первый революционный год к ее реализации и практической деятельности, факт сосуществования разных форм образования — краткосрочных и протяженных во времени свидетельствуют об острой потребности в специалистах для внешкольного просвещения народа.

В этом отношении Россия не была исключением из общеевропейского процесса. Проблема распространения просвещения приобретала особую актуальность и остроту как правило в условиях становления революционного движения, преобразовательных устремлений общества. В странах, вторгнутых в революцию, актуализировались вопросы просвещения народа. Так было, например, в Англии (XVII век), Франции (XVIII век), Германии (XIX век). Так стало и в России (XX век) и проявилось в 1917–1918 и в последующие годы в издании журналов просветительской направленности («Народное просвещение», «Внешкольное образование»), работ крупнейших педагогов, посвященных этим проблемам: Е. Н. Медынского, В. А. Невского, В. А. Зеленко, Г. Г. Тумима; в организации специального отдела внешкольного образования в составе Комиссариата народного просвещения; в созыве съездов и совещаний по вопросам народного просвещения и внешкольного образования в Москве, Петрограде и других городах России. Важно отметить, что интерес к просвещению вообще и внешкольному в частности активизировался еще в преддверии событий 1917 года. Так, по частной инициативе и действию земств в России проводились съезды по народному образованию: в Мос-

кве (1911 год), Харькове (1913 год), Ярославле (1915 год) и других городах; создавались учебные заведения педагогического профиля и не только в Петербурге (Петрограде) и Москве. Отсюда делаем вывод — новое правительство, пришедшее к власти в октябре 1917 года, фактически продолжает линию, наметившуюся в области просвещения в предреволюционные годы.

Это естественно. Революция не терпит бунтарства. Идеолог тех лет В. И. Ленин утверждал, что «государство сильно сознательностью масс. Оно сильно тогда, когда массы все знают, обо всем могут судить и идут на все сознательно». Нарком просвещения А. В. Луначарский инструментом достижения этой цели называет внешкольное образование, «гигантский орган пропаганды ряда образовательных, то есть *научных и художественных* ценностей, гигантский аппарат *культурного просвещения народа*» [курсив Н. С.].

Здесь, во-первых, проявилось то, что было характерно для того времени: просвещение вытесняется и заменяется более практическим, внешкольным образованием.

Во-вторых, А. В. Луначарский делает акцент на *культурном просвещении* народа методами внешкольного образования. Объектом его являлось взрослое население, степень просвещенности и уровень образования которого не позволяли ему активно и сознательно включаться в новую жизнь России. На них должны были направить внимание специалисты, подготовка которых вверялась новому типу учебного заведения — институту внешкольного образования.

В-третьих, Россия была богата педагогами — энтузиастами в области просвещения. Но они пришли из другого, дореволюционного мира, и новое правительство не доверяло этим «старым педагогическим кадрам». «У них многому можно было поучиться, — отмечала Н. К. Крупская, — но большинство из них не может до конца приспособиться к новым условиям, понять сущность той перестройки,

которая необходима». «Они, — продолжает Н. К. Крупская, — постоянно сбиваются на старые приемы, старые навыки связывают их по рукам и ногам, суживают размах». Отсюда, по ее мнению, необходимы новые кадры, способные весь внешкольный аппарат поставить на службу «углубленной коммунистической пропаганде» [курсив Н. С.], имевшей целью «открыть массам глаза на все явления, происходящие в природе и на структуру современного общества и его развитие». Такой именно намечалась линия в развитии внешкольного образования — от *культурного просвещения к коммунистическому* воспитанию. Такую роль должно было сыграть новое высшее учебное заведение, основанное в Петрограде в 1918 году: подготовить кадры новой формации, способные содействовать образованию, а через него и коммунистическому воспитанию народа.

Однако решить эту задачу оказалось не просто. Основы нового института пришлось закладывать в основном тем самым «старым кадрам», которым Н. К. Крупская призывала не доверять народное просвещение. Наступит день, когда она направит в уже работающий в Петрограде Институт внешкольного образования письмо, в котором выразит недовольство его работой, заявит, что «он не так поставлен, как нужно». И тогда в Институте появится комиссия, и работающий ректор будет смещен, а сам институт будет подвергнут преобразованию. Но объективно причастность к организации Института опытных ученых — педагогов сыграла положительную роль в его дальнейшей судьбе, предопределила его стойкость и разумность по отношению к новым веяниям, умение сохранять при всех трудностях подлинную научность в образовании студентов.

Но это потом. А пока — 1918 год. Как уже отмечалось, 28 ноября этого года был подписан декрет о создании Института внешкольного образования. Это было трудное время. Шел первый год гражданской войны. У тех, кому предстояло выполнять

это решение Первого Всероссийского съезда просвещения, не было опыта организационной работы. Они знали *как* преподавать, но как сформировать условия для этого — им было неизвестно.

Но тем не менее, уже в день подписания декрета состоялось первое заседание организационного бюро. На следующий день, 29 ноября, был назначен первый заведующий (позже директор, ректор) будущего института. Им стал известный педагог, автор ряда работ по педагогике и внешкольному образованию, профессор Василий Адамович Зеленко.

Организационное бюро во главе с В. А. Зеленко приступило к определению учебных планов, программ, структуры и внутреннего распорядка жизни будущего института. Работа велась напряженно, бюро собиралось ежедневно и, судя по протоколам его заседаний, обсуждение каждого вопроса сопровождалось дискуссией, за которой следовали все новые и новые изменения и дополнения учебных планов.

Наконец, 3 декабря 1918 года отдел Внешкольного образования Комиссариата просвещения обратился к трудящимся (термин, вошедший в оборот в то время) с сообщением (рекламой), что в Петро-

Портрет В. А. Зеленко

граде 20 декабря открывается Институт внешкольного образования. Определялась его цель: «подготовка работников по внешкольному образованию, инструкторов, заведующих культурно-просветительными отделами, заведующих внешкольным образованием, театральным делом, библиотекарей, клубных работников, преподавателей школ взрослых и подростков, преподавателей физического воспитания и др.». Широчайший спектр специализаций, но с общей единой ориентацией — внешкольная работа. Это обращение было адресовано «всем волостным, уездным, губернским совдепам».

В Уставе создаваемого Института, разработанного в то же время Внешкольным отделом Наркомпроса под руководством Л. Р. Менжинской, подчеркивалось, что открываемый «Институт внешкольного образования — есть *Государственное Высшее учебное и ученое учреждение*». На фоне действующих в то время различных курсов, частных и общественных учебных заведений такого рода заявление знаменательно. Государство как бы брало Институт под свое покровительство, в том числе и финансовое обеспечение, но одновременно и подчинение. С одной стороны подобное положение Института предопределило длительность его жизни. С другой — подчиненность требованиям государственных органов власти лишала его самостоятельности, что с годами ощущалось все более и более.

Устав определял направления деятельности Института, которые придавали ему значимый характер: образовательную, научную и просветительскую. Создавался вуз, который должен был не только готовить специалистов внешкольного образования, но и вести научную разработку проблем этого вида деятельности с последующей передачей знаний широким кругам населения, то есть осуществлять и просветительскую функцию.

Первый набор был определен в 300 человек. Срок обучения в зависимости от специальности устанавливался от 3 до 6 месяцев. Читайте внимательно. Это не

ошибка. Именно шесть месяцев (с 20 декабря 1918 года до 20 июня 1919 года) отпускаясь первым студентам Института внешкольного образования для овладения необходимыми знаниями и умениями. Опять проявление той же потребности в таких кадрах. Студенты обеспечивались общежитием и столовой, командированные — полным содержанием, около 100 человек стипендией в размере 500 рублей в месяц. Институт брал на себя обеспечение студентов работой. Для того времени — это прекрасные условия.

20 декабря 1918 года, как и предполагалось, состоялось открытие Института. 265 человек, зачисленных на I курс, получили возможность назвать себя студентами не только одного из первых советских вузов, но, что особенно важно, совершенно нового типа высшего учебного заведения.

Происходило это в доме №35 по Надеждинской улице (ул. Маяковского). Еще в 1906–1908 годах известным архитектором П. Ю. Сюзором к зданию был пристроен гимнастический зал. В этом зале и собралась первая группа студентов первого института внешкольного образования.

На торжественном открытии Института перед его студентами и преподавателями выступил с большой речью А. В. Луначарский. Он говорил, в духе того времени, об огромном значении, которое в новых условиях приобретало внешкольное образование, об отношении советского правительства к внешкольной работе, о задачах, которые рабоче-крестьянское правительство ставит перед внешкольными учреждениями и работниками. В этот же день начались занятия. Первая лекция по истории русской литературы была прочитана известным литературоведом, профессором В. А. Десницким.

Что же представлял собой первый студенческий состав нового высшего учебного заведения? С нашей точки зрения он парадоксален. Из 265 человек, зачисленных в институт в декабре 1918 года, 20 человек имели высшее образование, 20 — незаконченное высшее, 121 — законченное

Дом, в котором начал свою работу Институт, был построен еще в 1858 году архитектором В. В. Шромом для некоего Н. Миняева. В 90-х годах XIX века здание, владела купчиха Е. Е. Евстигнеева, а в 1910-е годы в нем разместилось общество «Маяк», созданное еще в 1900 году по инициативе американского банкира-предпринимателя Джемса Стокса. Общество занималось, как было написано в его уставе, нравственным, умственным и эстетическим воспитанием молодежи. Большая часть его членов относилась к так называемому «среднему классу» и именно на его представителей направляли внимание организаторы общества, воспитывая в них «опору нации и государства», существовавшего до 1917 года в России. Обществу содействовали попечители и меценаты. Главный из них П. Г. Ольденбургский, имевший прямое отношение к одному из домов нашего Университета (Дворцовая набережная, дом 2). Среди попечителей-меценатов общества «Маяк» был и другой наш «знакомый» — владелец в то время дома № 7 по Миллионной улице миллионер В. А. Ратьков-Рознов.

Руководители общества «Маяк» воспитывали в своих подопечных настроения преданности царю и старому режиму, их идеология не соответствовала той, которую несла революция 1917 года. Поэтому естественен был его конец, дом освоботился и в 1918 году был передан создаваемому Институту внешкольного образования. Так первым адресом нашего Университета стал дом 35 по Надеждинской улице.

среднее образование и 76 студентов — низшее и незаконченное низшее образование, остальные — незаконченное среднее и домашнее образование.

Петербургцы составили большинство записавшихся — 200 человек, а из провинции — 65. Это предопределяло организацию учебного процесса: студентам давалась широкая теоретическая подготовка,

которая восполняла пробелы в общем образовании и знакомила со всеми видами внешкольной работы, а затем узкая специальная по одному из ее видов. Отсюда структура Института — деление его на обязательное для всех основное и ряд специальных отделений, и построение первых учебных планов, подразделяющихся на курсы общего и практического характера.

Основное отделение ставило своей задачей дать студентам общетеоретическую и политическую подготовку, а также общее представление о всех видах внешкольной работы. Здесь наряду с общеобразовательными дисциплинами (историей культуры и литературы, политической экономией, математикой, анатомией и прочим) преподавались предметы, знакомившие с внешкольной работой и вопросами искусства. Обращаю внимание на то, что еще не было (это придет потом) ни марксистско-ленинской философии, ни истории партии. Большое значение придавалось классическим формам общегуманитарного образования.

Специальные отделения ставили своей целью подготовить специалистов по отдельным видам внешкольной работы. В составе этого отделения 1918/1919 учебного года были два подотдела — административно-инструкторский и по подготовке кадровых работников. Эти подотделы в свою очередь распадались на различные специализированные группы. По итогам приема 1918 года образовались следующие специальные группы:

1. Книжно-библиотечного дела — 96 человек.
2. Школы, курсы, лекции — 68 человек.
3. Театрально-музыкального просвещения — 34 человека.
4. Заведование внешкольным образованием — 9 человек.
5. Музейно-выставочного и справочно-экскурсионного дела — 8 человек.

Остальные распределились по другим группам: физическое воспитание, инструкторы по внешкольному образованию и прочее.

Всмотримся в это перечисление специальностей и специализаций, с которых начинал свою жизнь Институт внешкольного образования. Сравним с современной структурой нашего Университета. Конечно, названия звучат иначе, но отсюда пришла к нам многопрофильная подготовка специалистов для библиотек, театральных и музыкальных учреждений, музеев и экскурсионного дела, клубов.

Любопытен список мест, учреждений, для которых институт внешкольного образования готовил специалистов: от народных университетов до чайных, столовых и даже складов, мастерских, опытных полей и прочее. Везде должен был быть слышен голос «внешкольника», ощущаться его воздействие на людей разных профессий, разного социального положения, возраста, политических убеждений, содействуя просвещению и воспитанию населения в нужном для советского правительства направлении.

Открытие нового института не могло пройти незамеченным. Этот факт привлек внимание крупных ученых, видных деятелей искусства и практиков внешкольной работы. А. В. Луначарский взял на себя чтение курса «Методы обществоведения», Л. Р. Менжинская — «Основные вопросы народного образования». Ряд общенаучных дисциплин читали крупнейшие специалисты своей области. Так, лекции по философии естествознания читал В. Л. Комаров, курс анатомии и физиологии — Ф. Е. Тур, курс истории Б. Д. Греков, А. Е. Пресняков, физиологии растений — Н. А. Максимов и другие.

К работе в институте были привлечены известные специалисты в области книговедения и библиографии — Н. П. Лихачев, А. Г. Фомин, П. К. Симони; талантливые актеры и режиссеры, музыканты и художники — А. А. Брянцев, П. П. Гайдебуров, Н. Ф. Скарская, Б. В. Зон, Е. В. Гаккель, П. А. Петров-Бояринов, В. И. Бейер; теоретики и практики внешкольной работы — В. А. Зеленко, О. Э. Вольценбург, А. Н. Гуревич, Г. Г. Тумим, Н. Э. Сум и другие.

Примечательно то, что Институт уже в первый год деятельности заложил основы практики, нашедшей широкое применение в последующие годы. Воспитанники Института становились его преподавателями. Одним из первых был оставлен Т. Н. Горелов, слушатель курсов, на базе которых был создан Институт. Он стал научным сотрудником театральной специализации. Но пока этот факт был исключением. Главная тяжесть обучения студентов лег-

Портрет А. А. Брянцева

ла на плечи тех, кого называли «старыми» кадрами. Они создавали учебные планы, программы, учебные пособия, по которым учили студентов.

Организаторы Института внешкольного образования взялись за чрезвычайно ответственную и благородную задачу. Но уже на подступах к практической работе со студентами они столкнулись с целым рядом трудностей. Главная из них заключалась в отсутствии каких бы то ни было традиций. Нужно было создавать (именно создавать, а не пересматривать и не перерабатывать) учебные планы и программы.

«Самым трудным делом для нового Института было вооружение студентов теорией внешкольного образования, — вспоминала Л. Р. Менжинская. — Разработанной теории до революции не было...». Л. Р. Менжинская, призывая к ее созданию, кроме того усложняла положение коллектива Института, уже тогда требуя подхода к разработке теории внешкольной работы с позиций марксизма-ленинизма. «Перед школой взрослых, библиотекой, клубом и его вечерами и докладами, — пишет Л. Р. Менжинская, — мы ставили задачу добиться у широких масс понимания программы и тактики

партии». Поэтому первые годы работы учебных отделений Института были особенно трудными как для преподавателей, так и для студентов. Проблемы, что считать главным, а что второстепенным в обучении, каков должен быть объем теоретических знаний, как организовать практическую сторону процесса обучения, как уложить все в короткие сроки, отведенные на обучение студентов, прошедшего в Институт без теоретической подготовки, — волновали всех кому пришлось участвовать в создании вуза.

Выработка программы шла опытным путем, в спорах, с частыми срывами и отклонениями. И главной бедой стала перенасыщенность образовательных программ.

В качестве примера такого перенасыщения плана можно привести вариант учебного плана по театральному делу. П. П. Гайдебуров представил организационному бюро Института расчет занятий, который должен был дать студентам за шесть месяцев (!) многоплановые знания: специальные лекции и практические занятия, циклы по импровизации, гриму, костюму, зодчеству, декорации и прочее, и особенно ритмика. Кроме того, П. П. Гайдебуров настаивал на обязательном посещении театральных спектаклей и последующим их обсуждением. Бюро согласилось и постановило: два раза в месяц посещать театры. Обсуждая учебный план, преподаватели долго спорили о том, нужен ли для театрального отделения специальный курс анатомии и физиологии, такие предметы, как «Ритм в труде», «Введение в эстетику», «Лепка и рисование». И бюро утверждает и эти предметы, отводя на их изучение по 4, по 2 часа: внешкольник должен ориентироваться в самых различных областях культуры.

В то время господствовало представление о внешкольниках как энциклопедистах. Это вело к универсализму учебных планов, особенно в общенаучной подготовке, и следовательно их перегруженности. Тем не менее на аудиторные занятия отводилось по 6 часов (с 10 до 14 и с 16 до 18, или с 18 до 20 часов), по субботам с 10 до 14 часов.

Другой значительно большей трудностью для первых преподавателей института внешкольного образования, оказалось требование Наркомпроса и особенно Н.К.Крупской осуществлять подготовку специалистов с позиций марксизма-ленинизма. Их поддерживали и некоторые студенты. Так один из выпускников, впоследствии известный режиссер В. И. Горчаков, вспоминая в 1934 году время обучения в институте, писал, что «Марксистского, большевистского, непримиримо классового воспитания нам Институт не дал». В самом деле, о каком большевистском направлении можно было говорить, когда, например, преподаватели библиотечного дела следовали учению Н.А.Рубакина, обвиненного В.И.Лениным в «аполитичности» и «надпартийности».

Один из последователей Н.А.Рубакина преподаватель Я.В.Рывлин будучи сторонником «терпимого отношения к чуждым мнениям» рекомендовал: «при выдаче книг ничего не навязывать, дать читателю все то, к чему его тянет, а в процессе беседы с ним указать на существование противоположных взглядов по тому или иному вопросу». Читатель сам составит свой ответ на вопрос, а библиотекарь, утверждал Я. В. Рывлин, «должен быть непартийным в своей работе». Рывлин был не одинок, на его позициях в то время стояли библиотекovedы Б. П. Гуцин, А. Г. Фомин.

Подобные настроения были присущи и студентами. Например, студент Сазонов на выпускной конференции в июне 1919 года выступил в защиту лозунга Я. В. Рывлина о беспартийной позиции библиотекаря: «Библиотекарь должен быть беспартийным, должен знакомить читателя со всеми политическими течениями и направлениями, содействовать выбору правильного пути, но не непременно того пути, который привел бы читателя к партии, к которой принадлежит библиотекарь».

К этому следует прибавить, что среди студенчества первого набора было немало лиц, принадлежащих к анархистам, меньшевикам, эсерам. Членов большеви-

Портрет А. А. Брянцева

стской партии было всего 7 человек. В анкетах при приеме в Институт на вопрос об отношении в Советской власти можно было встретить такие ответы: «Не разделяю принципов Советской власти» по тому или иному вопросу, например, по религиозному, или «сочувствую партии анархистов» и так далее.

Особенно выделялась группа анархистски настроенного студенчества. Ими устраивались «вечера грусти и печали», организовывались кружки по изучению сочинений М. А. Бакунина и П. А. Кропоткина.

Все это вызывало недовольство Н. К. Крупской, которая в начале 1919 года писала «... мне кажется, что институт не так поставлен, как нужно... вопросам марксизма и социализма отведено слишком мало времени. Это мне кажется чрезвычайно серьезным недостатком».

Эта противоречивость во взглядах на внешкольное образование, обнаружившая себя уже в первый год работы Института, особо остро проявилась на первой его конференции.

Быстро промчался первый, 1918/1919 учебный год. И длился он всего полгода. Уже в июне 1919 года первым выпускникам Петроградского института внешкольного образования были вручены дипломы.

В июне же, 6–7 числа, была проведена конференция. Ее организация была связана с читаемым в Институте курсом «Техника культурно-просветительской работы». Инструкторской группе было предложено в качестве учебного задания разработать проект программы конференции и провести ее. Конференция должна была, с одной стороны, подвести итоги первому полугодю работы Института, с другой — предоставить слушателям возможность самостоятельно проявить свои силы на большой творческой и организационной работе. Одновременно эта конференция стала формой организации выпуска студентов. Ею закончился первый учебный год (вернее полугодие), первый набор студентов завершил свое образование и выпускникам предстояло в новой роли — специалистов-внешкольников, приступить к практической деятельности.

Главными участниками этой конференции были студенты, но в ее работе приняли участие преподаватели, представители Внешкольного отдела Наркомата просвещения, отделов народного образования городских районов. Вел конференцию — директор В. А. Зеленко.

На общем собрании (то есть пленарном заседании) и на секциях, которые соответствовали делению Института по специальностям, были прослушаны и обсуждены доклады студентов и некоторых преподавателей. Тематика этих докладов свидетельствует о том, что Институт искал не только практические пути совершенствования внешкольной работы во всех ее аспектах, но и пытался найти теоретические подступы к решению важнейших ее вопросов. Вот некоторые из тем: «Основные элементы культурно-просветительной деятельности и задачи внешкольника» (Козлова), «Основные задачи и цели внешкольного образования в связи с состоянием России» (Овейчик), «Теоретические основы организации и деятельности клуба» (лектор Я. В. Рывлин), «Задачи театрального дела на местах и роль инструктора по внешкольному образованию» (Брейдо), «Книга как орудие распростра-

нения культуры и пропаганды идей социализма» (Петухова и Архипова), «Руководство чтением» (Кочина), «Социальное значение библиотек» (Васильева), «Народно-музыкальные кружки и их задачи» (Инджей Томсон) и др. Всего было прочитано 40 докладов, из них лишь четыре сделаны преподавателями.

На этой же конференции было принято решение об организации объединения слушателей Института внешкольного образования. Примечательна его цель: совместная разработка вопросов теоретического и практического характера и превращение Общества (этого объединения) в центр, откуда все слушатели, разъехавшиеся по местам, могут получить ответ на вопросы, возникающие в процессе работы.

Одной из первых организовалась книжно-библиотечная секция Общества, председателем которой стала слушательница (студентка выпуска 1919 года) П. Н. Архипова-Хилкова, а товарищем председателя преподаватель Н. Э. Сум. Секция проводила заседания с отчетами и докладами. Начали создаваться секции школ и курсов, музейная. Работа Общества проходила в помещении Института.

Несмотря на краткость первого учебного года, основание Института было заложено всерьез. Много было основано именно в эти полгода. Например, Библиотека Института. Ее начало было положено книжным фондом бывшего Общества грамотности, а также книгами, приобретенными у О. К. Булановой, потомка декабриста В. И. Ивашева. Чуть позже, в декабре 1919 года Совет Института примет решение о присвоении библиотеки имени первого его заведующего В. А. Зеленко.

В первые дни жизни Института, в декабре 1918 года, была создана первая редакционная комиссия для подготовки к изданию учебных пособий. Коллегия рекомендовала к изданию в качестве учебного пособия работу «Упрощение декорации», автор которой А. А. Брянцев, бывший тогда одним из преподавателей театрального отдела Института, просла-

вил свое имя созданием Театра Юных Зрителей (ТЮЗ).

В это же время на основе выставки курсов, предшествующих открытию Института создается Музей внешкольного образования. Его первый заведующий — И. Мордвинов.

При Институте продолжали действовать краткосрочные курсы. Так 25 января 1919 года открылись курсы инструкторов по внешкольному образованию в красноармейских частях. Начинает функционировать подготовительное отделение для абитуриентов, не имеющих достаточного образования для поступления в высшее учебное заведение. Наконец, уже весной 1919 года определяются условия следующего приема студентов, перерабатываются с учетом полученного опыта учебные планы и объявляется увеличение сроков обучения до двух лет.

На этом можно было бы закончить первую страницу истории нашего Университета. Однако не сказано еще, пожалуй, главное: каких же специалистов должен был готовить Институт, что такое внешкольный работник, каково его назначение? Почему среди специализаций фигурирует театр, музыка, а почему не театральный институт, консерватория?

Это проблема дискуссионная, и главным образом она связана с тем направлением в подготовке внешкольников, которое осуществлялось в рамках театрального и музыкального отделов (тогда еще в терминологии Института не существовало понятий кафедра, факультет). Бытует мнение, что руководители этих отделов рассматривали свое назначение как подготовку специалистов, сферой деятельности которых является самостоятельное творчество и на уровне, прежде всего, его организации. Руководитель театрального отдела П. П. Гайдебуров считал задачей Института «дать общее художественно-культурное понятие об искусстве в целом, чтобы лицо, прослушавшее курс, не став профессионалом (к чему отдел и не стремился), тем не менее имело возможность приобрести необходимый

материал и загореться желанием побуждать и направлять местные творческие силы к самостоятельности».

Очень близки к этому и суждения руководителя музыкального подотдела П. А. Петрова-Бояринова. «Жизнь, — писал он, — настойчиво требует работников, которые обладали бы вполне достаточными знаниями и умениями, чтобы организовать хоровой коллектив, вести занятия по изучению нотной грамоты со взрослыми, заинтересовать народ им же созданной песней и повести его на путь нового песенного творчества, организовать музыкальный кружок, устроить народно-музыкальный спектакль, концерт...».

Таким образом, те, кто взял на себя решение задачи подготовки внешкольников, понимали ее как прежде всего организационную и ограниченную рамками самостоятельности, а не художественно-творческую. Но это не рассматривалось как самоцель, ибо в самостоятельности и ее организации руководители театрального и музыкального отделов видели широкие возможности развития творческих способностей человека. Такой подход к образованию в рамках Института вызывал возражения. Это с одной стороны. С другой, — недостаточное внимание к идеологическому воспитанию порождало недовольство руководства Наркомпроса.

Первые месяцы работы Института породили проблемы, дискуссии, которые пройдут через всю его историю. Но, как говорят, в споре рождается истина. Во всяком случае принципы организации обучения внешкольных работников, положенные в основу молодого Института, при всей дискуссионности получили одобрение Первого Всероссийского съезда по внешкольному образованию, собравшегося 5 мая 1919 года.

Так началась история принципиально нового высшего учебного заведения, коллектив которого предложил столь же принципиально новые образовательные программы и подходы к их реализации. Первый выпуск был сделан. Надо было идти дальше. Одобрение работы воодушевляло.

ПО КОМ ЗВУЧИТ «РЕКВИЕМ»

Наркотики... Вы можете как угодно относиться к ним. Но, даже говоря наркотикам «нет», вы невольно становитесь зрителем кино про наркотики.

Именно об отражении темы наркомании в фильмах, которые мы смотрим, и в умах режиссеров, которые эти фильмы создают, я и собираюсь поговорить.

Нельзя не отметить, что тема эта хоть и не нова, но по-прежнему актуальна.

Вообще, кинематограф в последнее время сильно изменился. Пропаганда наркотиков, в хорошем понимании этого термина, встречается в зарубежном видео все чаще и чаще. Теперь, например, стало даже модно вместо постельных сцен показывать, как герои вовсю долбят марихуану. Это уже вполне нормально и, к тому же, якобы придает фильму блеск новизны, свободы и близости к массам. А для продюсеров это самое главное — ведь все американское кино, по сути своей, попсовое.

Безусловно, в хорошем кино суть не в том, как много травы было выкурено, сколько колес заглочено и машин заширяно. Наркотики являются своеобразным

флагом, символизирующим оппозиционное восприятие реальности.

В российском прокате возникла ситуация весьма хаотичная. Наркотическая тема разработана прямо до мелочей. «Трэйнспоттинг», «Карты, Деньги, Два Ствола» «Реквием по мечте», «Траффик», «Кокаин» «В отрыв!», «Где моя тачка, чувак?», «Страх и ненависть в Лас-Вегасе» «Кислотный Дом»... Причем, одни почти яростно агитируют против наркотиков («Реквием» и «Траффик»), другие вроде пропагандируют или, во всяком случае, очень легкомысленно к этому относятся («В отрыв!», «Где моя тачка, чувак?»). В головах зрителей, должно быть, царит полный хаос. Но, разумеется, кино про наркотики — не намек для воодушевления мутных голов к копированию того, что происходит на экране...

Итак, фильмов много, подход некоторых режиссеров вполне меркантилен. Режиссер «независимого» кино, Стивен Со-

ЭТО

ХАРАКТЕРНЫЙ

КАДР

ИЗ ФИЛЬМА

«КИСЛОТНЫЙ ДОМ»

ПО ПРОИЗВЕДЕНИЮ

ИРВИНА

УЭЛША

дерберг, снявший «Траффик», ненавидящий коммерческие голливудские проекты, — среди прочего, обвиняет Голливуд в том, что он отобрал у авторского кинематографа секс и насилие. Теперь к этой добыче можно добавить и наркотики.

Давайте разберемся

Первым (и потому культовым) для российского зрителя стал фильм «На игле». Помню, как публику шокировала ломка, продемонстрированная в «Трейн-спотинге». Кстати, фильм был поставлен по сценарию известного шотландского писателя Ирвина Уэлша, который много пишет о наркотиках. По его произведениям был снят и в 98-м у нас вышел «Кислотный Дом» (Acid House) и чуть позже «В Отрыв» (Gol). Уэлш считается писателем так называемой «продвинутой молодежи». В своих интервью он говорит:

— Я стараюсь использовать современную культуру, такую, как видео-музыка «эсид хаус», различные разновидности наркотической культуры, различные переживания — все, что происходит вокруг. Вероятно, поэтому мои книги рассчитаны скорее на эмоциональное, а не на интеллектуальное восприятие. Если я захожу философии, то я обращаюсь к философам, а не к романистам. Мои книги — это воплощение принципа «эйсид хауса»: постоянное развлечение. Постоянный джангл, сделанный из наших чувств.

Фильмы, снятые по романам Уэлша, действительно, своеобразны.

И если вы не увидели в них отношения автора к наркотикам, рекомендую обратиться к оригиналу.

Существует особая категория фильмов (т.н. Cannabis Home Video), рассчитанная на публику, «расширившую свое сознание» перед просмотром... Такие фильмы обычно непонятны простым смертным и разве что не отмечены грифом: «Smoke before watching»

К ним я бы отнесла — «Карты, Деньги, Два Ствола» и «Страх и Ненависть в Лас-Вегасе». В первом случае, это очень юморной и динамичный английский фильм с приятным саундтреком. Кроме самих

карт, денег и, соответственно, двух стволов, в фильме присутствует немало марихуаны, а также некоторые полезные советы по ее выращиванию и распространению.

Во втором — за основу взят тройственный конфликт человека, его сознания и наркотиков. Великолепная режиссура Терри Гилльяма, потрясающая игра Джонни Деппа и Беницио Дель Торо, красочное воспроизведение выхватываемых героями глюков, — все это создает в удолбанном мозгу зрителя захватывающий эффект личного присутствия;

Особого рассмотрения, на мой взгляд, требуют фильмы «Траффик», «Реквием по мечте» и «Кокаин».

Промоутеры «Траффика» решили создать фильму скандальную репутацию, местами даже с истерическим оттенком.

«Траффик» отнюдь не выглядит ни манифестом за легализацию наркотиков, ни гимном в честь борцов с ними. Это не больше, чем просто кино, ибо вряд ли для кого-то будет открытием, что милые шестнадцатилетние подростки утром могут ходить в хорошую частную школу, а вечером забивать косяки в притоне.

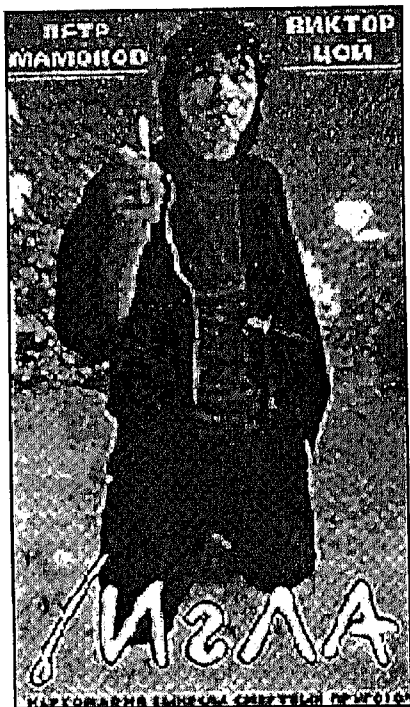
После содерберговского «Траффика» нам предлагается вторая кинопопытка объективного рассказа о наркобизнесе. Тут не глобальный наворот с идейным подтекстом, а история маленького человека, сделавшего и потерявшего большие деньги...

...Он выйдет на свободу в 2015, — если доживет...

История жизни простого американского парня по имени Джордж Джанг проста, как чизбургер: родился, вырос, поехал в Калифорнию, влюбился в стюардессу, стал торговать марихуаной, заработал прилично, был взят с поличным, сел в тюрьму. Сосед по камере рассказал про колумбийский кокаин, вышел, начал торговать коксом, грузил коробками баксы, получил маслину в предплечье, продолжил дело, опять сел в тюрьму...

Так. Стоп.

Все кино пересказывать не буду. История эта не выдумана, а ее главный герой — реальный мистер Джанг — выйдет на сво-

А ЭТО

НАЗЕРНОЕ,
САМЫЙ
ИЗВЕСТНЫЙ
ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ
БЛОКБАСТЕР
О НАРКОТИКАХ

боду только в 2015. Если доживет, ибо не молод и здоровье шалит. Его фотографию вы собственными глазами увидите в конце сеанса, перед титрами. Сможете сравнить оригинальную личность бывшего компаньона Пабло Эскобара (колумбийского наркобарона, одного из создателей и бессменных лидеров Медельинского картеля, крупнейшего в прошлом поставщика кокаина в США). Кстати, в середине 80-х он был застрелен в перестрелке с правительственными агентами. Эту личность нам изображает неподражаемый Джонни Депп.

И, наконец, пару слов о фильме «Реквием по мечте». Для меня он особенный. Взяв его в прокате я в первый раз не вернула кассету... В жизни талантливого независимого режиссера Дэррена Аранофски «Реквием по мечте» (Requiem For A Dream) это второй фильм. Его особенностью я бы назвала то, что он не потерял объективности в отражении реальности и в тоже время, — художественной ценности. Критики отмечают, что картина впол-

не может прогодиться для лечения начинающих, еще наивных наркоманов и перевоспитания драгдилеров. Побочным эффектом будет непереносимость музыки «Кронос квартета».

Настраиваясь посмотреть «Реквием», готовьтесь к полуторачасовым похоронам.

Аранофски сохранил за собой возможность вытворять с изображением все что угодно. Если сюжет до жути обыкновенен, то его экранное воплощение многих заставит содрогнуться. Аранофски отдал чудовищным мучениям героев чуть ли не треть фильма. Он хочет, чтобы вас выворачивало вместе с наркоманами. Картинка «Реквиема» физиологически непереносима. Кадр дрожит с какой-то нечеловеческой частотой, искажается неестественными цветами, чудовищно дискомфортной оптикой. Монтаж одних и тех же коротких действий — шприц, наркотик в вене, расширяющийся зрачок или банка, ладонь, таблетки в рот, пульт телевизора — навязчиво повторяется десятки раз. Режиссер хочет довести вас до головокружения, до

тошноты. Ему мало просто объяснить, что колоться — это плохо, что счастье в этом деле эфемерно. Это мало кого убедит. А потому он просто потрошит ваш мозг.

Причем он пугает не только химическими препаратами. Еще страшнее угроза массового психоза, телешоу, может быть, хуже героина. Самые душераздирающие сцены именно про это. Наглотававшуюся таблеток мать Гарри посещают такие кошмарные телефантасмагории, что домохозяйкам, невзначай попавшим на киносеанс, наверняка захочется повыкидывать все телеящики по возвращении домой. Аранофски не ограничивается только галлюцинациями и непереносимыми ломками, он предельно натуралистично показывает зверские методы лечения. Визуальное мастерство, всевозможные технические трюки, искусно использованные фильтры, специальные камеры, особая оптика — все это стихия Аранофски, в ней он виртуоз. И за каскадом жутких фокусов человеческая трагедия не теряется.

Вообще это фильм об одиночестве, сыром и промозглом как поздняя осень. Интересная линия — все начинается летом, а заканчивается зимой. Даже лето не может осуществить свою мечту быть летом круглый год...

Подведем итог.

Наркотическая идиллия, мечта о новых психических возможностях, о расширении сознания, да просто о кайфе умерла. Но общество еще не созрело до того, чтобы по-другому отнестись к наркотикам. И война за наши умы продолжается на телеэкранах... И будет продолжаться, пока каждый не сделает свой выбор. Цитируя А. Троицкого, миллионы не до конца лишенных мозгов молодых людей отказываются понять лежащие на поверхности истины: наркотики — это религия для самых слабых: наркотики — это самоутверждение для дураков: наркотики — это энергия быдла. Наркотики и свобода, наркотики и достоинство — вещи взаимоисключающие. Точка.

Кирилл Климович

ДЕМОНСТРАЦИЯ ТАЙНЫ И БОЛИ

Благодаря этим книгам, мы можем, приблизиться к пониманию оригинального и уникального видения мира, рожденного западной культурой первой половины XX века.

«Пришло время сбалансировать сознание эротического опыта с самим опытом. Это значит, что мы должны быть почти-тельны к сексу, испытывать благоговейный восторг перед странным поведением плоти. Должны включить в литературный язык «непечатные» слова, поскольку они — неотъемлемая часть наших мыслей и обозначают определенные органы тела и его важнейшие функции. Ощущение непристойности рождается только в том случае, когда разум презирает тело, а тело ненавидит разум и сопротивляется ему».

Я позволил себе начать статью столь длинной цитатой, поскольку она чрезвычайно важна для понимания процессов,

происходивших в западной литературе первой половины XX века. Эти слова принадлежат Дэвиду-Герберту Лоуренсу, выступившему в 1928 году в защиту своего скандального «неприличного» романа «Любовник леди Чаттерлей». Публикацию статьи Лоуренса можно считать точкой отсчета нового явления в литературе, представленного, в первую очередь, такими именами как Генри Миллер, Лоуренс Даррел, Луи-Фердинанд Селин и, с некоторой оговоркой, — Анаис Нин.

Появление в 1934 году романа Генри Миллера «Тропик Рака» вызвало бурю эмоций среди европейской общественности. В 1961 году, когда книга после долгого запрета была издана в США, издателям предъявили около 60 судебных исков «за безнравственность». История незадачливого писателя в Париже, изобилующая непечатными словами и обращениями к читателю, типа: «Это не книга. Это — клевета, издевательство, пасквиль.<...> Это затажное оскорбление, плевков в морду Искусству, пинок под зад Богу, Человеку, Судьбе, Времени, Любви, Красоте... всему чему хотите.», шокировала современников. Сейчас по прошествии многих лет литературоведы почтительно склоняют голову перед «классикой XX века». Миллер разбудил поколение битников — Берроуза, Керуака и американских постмодернистов: Пинчона, Барта, Воннегута, — писателей, без которых сегодня мы уже не можем представить себе современную культуру.

Книга Миллера — это обращение к внутреннему миру человека, причем автор рассуждает о том, о чем раньше в литературе считалось неприличным говорить, тем более в таких выражениях. Например, о том как секс, становясь суррогатом любви, разъедает душу. Впрочем, как и любой классический текст, «Тропик Рака» предполагает множество интерпретаций. Ключ к пониманию романа заложен в названии и раскрывается в самом начале: «Нас ждут неслыханные потрясения, неслыханные убийства, неслыханное отчаяние.<...> Рак времени продолжает разъ-

есть нас». Неприкаянные герои Миллера мечутся в круговороте жизни и пытаются утопить свой страх перед временем в сексе, спрятать под маской цинизма. «Настоящие ли это мужчины и женщины, спрашиваю я себя, или марионетки, или даже не марионетки, а только тени марионеток, болтающихся на невидимых ниточках?» По Миллеру мир просто валится с ног от усталости. Люди свободны с своих действиях, но не могут и не умеют пользоваться своей свободой.

Книга только на первый и очень невнимательный взгляд производит впечатление «безнравственной». Может, например, показаться, что женщин герои «Тропика Рака» рассматривают исключительно как объект удовлетворения сексуальной потребности. Всех мужчин раздражает, когда «эти шлюхи» говорят о чувствах. Однако на страницах романа мы можем встретить дешевую проститутку с маленьким ребенком, которого ей нужно кормить, и более дорогую, которая просит клиента подождать, потому что в нескольких шагах от места работы умирает ее мать. Циничный и озлобленный на все и вся, главный герой каждый день ходит встречать свою жену и страдает от того, что ее нет рядом. Книга соткана из противоречий, как и сама жизнь.

Лучше всех о значении появления подобного произведения написала в своем знаменитом предисловии к первому изданию романа Анаис Нин: «В мире, окончательно парализованном самоанализом и страдающем запором от изысков духовной пищи, это грубое обнажение живого человеческого тела равносильно оздоровительному кровопусканию. Брутальность и непристойность оставлены без прикрас — как демонстрация тайны и боли, всегда сопутствующих акту творчества».

Что касается творчества самой Анаис Нин, то вряд ли оно занимает сколько-нибудь значимое место в истории мировой литературы. Гораздо более интересны ее воспоминания. Дневник Розы Хуаны Анаис Антолины Анжелы Нин-и-Куль-

мель, который она вела в течение всей своей сознательной жизни, выдержал массу переизданий и переведен на несколько языков. Сегодня российский читатель может впервые познакомиться с дневником (издана его часть, включающая воспоминания с 1931 по 1934 год). По мнению Генри Миллера, он занял достойное место среди откровений Блаженного Августина, Абеяра, Руссо и Пруста.

Анаис Нин было, что записывать. В круг ее общения входили такие люди, как Антонен Арто, Сальвадор Дали, Пабло Неруда, известный психиатр и психолог Отто Ранк, наконец, сам Генри Миллер. Однако дневник интересен не только с фактологической стороны, но и с психологической. Прежде всего тем, что начала его одиннадцатилетняя девочка, а закончила семидесятилетняя женщина. И все эти годы Анаис с предельной, порой шокирующей, откровенностью записывала свои мысли, сны, сексуальные переживания. Известно, что каждый человек является как бы сконцентрированным выражением своей эпохи и, благодаря этому замечательному документу, мы можем приблизиться к пониманию оригинального и уникального видения мира, рожден-

Анаис Нин

ного западной культурой первой половины XX века.

Загадочной и таинственной Анаис посвящены шесть книг, два десятка университетских диссертаций и знаменитые французские духи «Анаис-Анаис». Уже на закате жизни она удивленно скажет: «Мы собираемся достичь луны? Это не так уж далеко. Человек должен идти в более далекий путь — в свой внутренний мир».

Наталья Лагуткина

ИНТЕРАКТИВНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Небольшой обзор литературных ресурсов рунета, опубликованный в прошлом «Зеркале», вызвал большой интерес у наших читателей. Поэтому мы решили поговорить на эту тему более подробно. Итак, еще раз. Что такое сетевая литература? Вопрос далеко не тривиальный, уж точно не имеющий однозначного ответа-определения, и все же попробуем ввести это понятие хотя бы в какие-то рамки. Во-первых, подразумеваются литературные произведения, для которых по тем или иным причинам выбрана сетевая форма публикации. А во-вторых, — тексты, в которых широко использованы возможности гипертекстовой разметки (HTML).

С выделением из общей всемирной паутины отдельного русскоязычного сегмента — рунета, появились и особенности,

отличающие его от всех прочих. Так, например, сайтов, посвященных культуре, искусству и информации в процентном соотношении гораздо больше чем развлекательных порталов, доминирующих в других странах. За несколько лет (уже!) своего развития рунет достиг достаточно большого объема, укрепил собственные позиции, привлек новых пользователей и сохранил прежних.

Сетература, скорее всего, со временем (уж очень много особенностей) выйдет из литературы и станет самостоятельным видом искусства. Как в свое время из театра выделился кинематограф. Вот, еще раз, кстати, пример того, как технологии породили новый вид творчества.

Сетевая литература из понятия абстрактного, малопонятного, неизвестного, перекочевала в категорию общепринятых и доступных, как по форме, так и по содержанию. Но неоспоримым остаётся ряд предпосылок, заранее определяющих форму сетевой литературы. Прежде всего, важную роль играет свободная публикация. Любой желающий может отдать на суд публике произведение, которое в жизни не прошло бы отбора из-за не слишком высокой литературной ценности или вообще отсутствия таковой. Следовательно, авторов в сети очень много, так же как и произведений. Во-вторых, у авторов всегда есть возможность исправить уже опубликованное произведение. Зная это, писатели расслабляются, позволяют себе вывешивать почти черновики своих опусов, которые за день или два могут быть изменены до неузнаваемости.

Не стоит забывать и об объеме произведений. В сети вряд ли когда-нибудь появиться второй Лев Толстой, потому что читать длинные тексты с экрана очень сложно, а распечатать на принтере роман в нескольких томах не каждый отважится, так что подобный текст, скорее всего,

будет отложен. Гораздо более пристальным вниманием будут награждены небольшие рассказы и миниатюры, и это стимулирует авторов склоняться именно к малым формам. Также возрождается эпистолярный жанр и полиавторность произведений. При этом авторами могут быть не двое, а сразу несколько десятков человек, при условии размещения произведения на общедоступном ресурсе.

О сетевых конкурсах

«Тенета-Ринет» (<http://teneta.rinet.ru/>) — исторически первый литературный конкурс русского Интернета, не имеющий аналогов ни в России, ни за ее пределами. Конкурс стал признанным центром сетевой литературной жизни и в 1999 году выиграл титул « сетевого литературного проекта года » в рейтинге сетевых экспертов РОТОР++. В коллегия номинаторов входят кураторы российских и зарубежных литературных сайтов, как крупнейших и хорошо известных, так и недавно открывшихся. В профессиональном жюри конкурса согласились работать более двадцати известных писателей, критиков, обозревателей, издателей и культуртрегеров.

Портал Литер.ру (это портал состоящий из <http://www.stihi.ru>, <http://www.proza.ru>, <http://www.hi-hi.ru>, <http://www.izdat.ru>, <http://www.klassika.ru>, не правда ли названия говорят сами за себя?) собрал у себя самую большую коллекцию современной русскоязычной литературы. Разместить произведение на одном из этих сайтов может любой зарегистрированный пользователь. Для участия в конкурсе необходимо быть номинированным одним из редакторов сайта. Главный редактор — Дмитрий Кравчук — за несколько лет работы портала видел не одно сменяющее поколение авторов. Почему уходят авторы с сайта? Неужели из-за того, что исчерпали себя? Многие называют другие причины — общий низкий уровень опубликованных произведений, погони за рейтингами.

Сервер современной литературы «Самиздат» при самой крупной библиотеке Мошкова (<http://www.lib.ru>) назначен для создания авторских литературных разделов. Вы регистрируетесь, создаете свой раздел, записываете в него произведения, после одобрения модератором они станут доступны всем. Рейтинг этого ресурса несколько меньше, но соседство с библиотекой его значительно облагораживает.

А также существует ещё множество литературных конкурсов, которые проводятся месяц или два, на небольших сайтах и приуроченные к какому либо событию. Так, например, конкурс любовной лирики на сайте знакомств, авторской сказки на портале, посвященном фольклору и т. д.

Личности

Хотелось бы назвать Вячеслава Курицына, одного из крупнейших на сегодняшний день критиков. Сайт <http://www.guelman.ru/slava> существует с 1998 года, ежедневно обновляется новостями литературной жизни, как онлайн, так и офлайн. Один из самых любопыт-

Вячеслав Курицын Леха Андреева

<http://levin.rinet.ru/>, представляет между тем (в разделе «Друзья и знакомые») несколько крупнейших поэтов и прозаиков нынешней России. Ещё одна личность в русской сетевой литературе — Лёха Андреев — сетевой поэт, литератор, обозреватель. Одновременно являясь главным редактором в газете НЕТ, редактором в lenta.ru, колумнистом в vesti.ru и gazeta.ru, он создал несколько собственных литературных проектов. Одним из главных является журнал поэзии хайку — <http://www.net.cl.spb.ru/frog/>. Здесь можно найти ссылки на web-страницы хайколюбов Японии, США, Канады, Англии, Норвегии, Сингапура, Бразилии и других стран, узнать об истории хайку, а также прочесть переводы зарубежных поэтов на русский, и просто современные русские трехстишия. На сайте можно поиграть в ренгу — поэтическую игру, сродни буриме. Посетителям предлагается упрощённый вариант этой игры, по сравнению с настоящими японскими правилами. Несмотря на то, что Алексей Андреев не является востоковедом и хайку для него только увлечение, проект имеет популярность и явля-

Виктор Пелевин

Эту фотографию
в качестве своей
предъявляет Макс Фрай

ных разделов сайта — список стга. Сочинители, отобраны не по принципу популярности, симпатии или антипатии создателя сайта, а как представляющие всевозможные разные способы существования современной отечественной словесности: авангардисты, академические филологи, почвенники, либералы, авторы массовых жанров, сетераторы. Подчеркнуто домашняя, приватная страница

ется, пожалуй, одним из самых заметных журналов о японской поэзии в рунете. А ещё многие знают Алексея Андреева ещё как организатора конкурса сказок Нетский мир, автора журнала Фуга, который посвящен различным аспектам футурологии и пургенетики. Также к списку сетевых знаменитостей можно прибавить Баяна Шириянова, Макса Фрая, Виктора Пелевина (да-да они тоже начинали в сети).

Борис Григорьевич Китнис, преподаватель кафедры истории

ГУСАРСКАЯ БАЛЛАДА

Храбрые гусары были славой и гордостью императорской России

Гусары появились в Венгрии во второй половине пятнадцатого века, когда король Матиаш Корш, победитель турок, назначил воинскую повинность, получившую название «Хус ар» (Хус — 20; ар — деньги). Само по себе это название обозначало сумму, выделявшуюся на каждого двадцатого дворянина, который должен был нести службу в армии. Гусары просуществовали в Венгрии лишь чуть более восьмидесяти лет, так как в 1540 году единое венгерское королевство перестало существовать. Король Иштван II пал смертью героя в битве с турками и страна была расчленена. Западная часть королевства и Словакия достались австрийскому императору. С той поры и началось шествие гусаров по Европе.

Изначально гусары не походили на тех, чей облик знаком нам по портретам XIX века и современным кинофильмам. На гусарах была одета тонкая кованая металлическая кольчуга, на голове легкий шлем с кольчужным оголовьем. Зимой одевалась куртка — ментия, носившаяся на левом плече. К ней крепились ястребиные либо орлиные крылья, чтобы предохранить левую руку, держащую поводья, от сабельных ударов.

В XVI веке шествие гусаров разделилось на два потока. Первый поток — германский. Став подданными императора, гусары честно защищали турецко-австрийскую границу. Второй поток — польский. Князь трансильванский Стефан Баторий в 1576 году был избран крулем польским, и вместе с ним гусары явились на землю Речи Посполитой. Во время Смуты, наступившей после смерти Бориса Годунова при Лжедмитрии, гусары явились на Русь. Они сражались в войсках Яна Сапеги, осаждавшего во время Семибоярщины

Троице-Сергиеву лавру. Гусары также служили гетману Ходкевичу, стремившемуся «закрепить» Москву за Польшей. На упомянутых ранее венгерских гусар они уже не походили.

Легкий шлем заменился кованым «со стрелкою», защищавшей нос, кольчужные доспехи уступили место латам. Это были уже панцирные гусары, прославившие себя блестящими атаками на крымских татар и турецких спагов. Сия мощная кавалерия так понравилась первым Романовым, что при Михаиле Федоровиче на Руси появились вербованные гусарские шкvadроны из немцев и поляков. А при Алексее Михайловиче в них стали зачислять и отечественных дворян.

К моменту восхождения на престол Петра I гусары растворились среди русского воинства. Петр предпринял попытку «завести гусар» еще в 1707–1711 годах, но безуспешно. А двадцать лет спустя фельдмаршал Бурхард Христофор фон Миних после похода на Крым и Очаков вновь вернулся к этой идее и оказался более удачлив.

При Елизавете Петровне же Россия обзавелась грузинскими, сербскими и македонскими гусарскими полками. К тому времени сформировался и внешний облик гусара. Теплый ментик (бывшая мантия), высокая шапка, ботинки ниже колен и легендарная ташка — сумка для ношения документов и личных вещей — таков был русский гусар «образца» второй половины восемнадцатого столетия. «Гусар должен атаковать с присущей ему наглостью», — писал генерал Фермор. Так впервые была зафиксирована психология российского гусарства. В эпоху Екатерины II гусарские полки в большинстве своем состояли из русских солдат и, что осо-

бенно важно, офицеров. Эта традиция, закрепленная Павлом I, продержалась до падения империи. Екатерининская эпоха стала своего рода точкой отсчета, с которой началось вхождение гусарства как идеологии в отечественный менталитет и культуру. В ряды гусар вливаются люди, являющиеся носителями интеллектуальной мысли элитарного уровня.

Кто же стал первым гусаром-легендой? Традиционно и ошибочно эту роль отводят Денису Давыдову. Но на самом деле первой была кавалерист-девица Надежда Дурова. Кто читал внимательно страницы ее автобиографии, где сказано, что она дочь гусарского офицера? Матушка выбросила ее из кареты за плач, отец подобрал ее и отдал на попечение гусару, ставшему ее нянькой и воспитателем. Впечатления детства, как известно, самые яркие. Потому воспоминания о саблях, барабанах, доблести гусарской не остались без следа. И, будучи уже замужней женщиной, в 1806 году она уехала на войну, навсегда связав себя с кавалерией. Когда за воинскую доблесть Надежда была произведена в офицеры и получила Георгиевский крест, Александр I определил ее в Александровский гусарский полк. Увы, вскоре Надежда Дурова этот полк покинула: свету стало известно ее увлечение Михаилом Андреевичем Милорадовичем, после чего кавалерист-девица стала уланом.

Второй легендой русского гусарства является, конечно, Денис Давыдов. Он первым идентифицировал себя как гусара. Начиная он службу в Лейб-гвардии Конногвардейском полку, но долго удержаться в бонтоном кругу пылкий стихотворец не смог, а за басни «Сон» и «Голова и ноги» был переведен в армейские гусары. С момента его появления в Белорусском гусарском полку начинается формирование облика гусара — романтического поэта, буяна и храбреца. Таким был Давыдов, которому, как всякой сильной личности, многие стремились подражать.

Надо заметить, что несмотря на яркий образ и великолепие стихов Давыдова,

Надежда Дурова

Первым Гусаром столетия современники признавали совсем другого человека — храброго Якова Петровича Кульнева. Больше всего Кульнев почитал Суворова, и не случайно. Суворов содействовал вызову его матушки Луизы Францевны из Восточной Пруссии еще во времена Семилетней войны. Кульнев даже любил писать по-суворовски. Вот выдержки из приказа о знаменитом ледовом походе на Аланские острова 1809 года: «Бог с вами, я перед вами, князь Багратион за вами. Поход до шведских берегов венчает все труды. Море не страшно тому, кто уповает на Бога». Текст написан слогом суворовской «Науки побеждать». Кульнев, как говорили современники, «был лев на поле боя, ягненок, когда труба пела отбой».

Смерть Кульнева стала фактически прямой цитатой из высказывания генерала Лассала: «Гусар, который не убит в тридцать лет — не гусар». Кульнев погиб 20 июля 1812 года. Последние слова его были обращены к гродненским гусарам: «Друзья, не уступайте ни шага родной земли, победа вас ожидает».

Неудивительно, что символом этой эпохи стал образ гусара, выполненный великой кистью Кипренского. Портрет

Евграфа Давыдова перерос рамки живописного полотна — он стал образом эпохи. К этому времени завершилось формирование облика героя. Он стал теперь достоянием культуры на уровне хорошо узнаваемого всеми знака. Гусарство — беспробудный кутеж и отчаянная лихость, ошеломляющее бескорыстие и постоянное безденежье, нарочитое презрение к накоплению состояния, крестов, чинов, но постоянное алканье славы, любви, свободы и игры. Гусар — признанный герой не только на поле славы, но еще и на «театре» любви, он само мужское воплощение любви. Без него не может обойтись ни один роман, ни один рассказ или водевиль. Образ приживается в «сниженной», простонародной культурной среде с такой же легкостью, как и в позолоченной ауре светской культуры.

Ни одна выдающаяся судьба, ни одно из ряда вон выходящее творчество не могло отныне «не зацепить» образа гусара. С этой поры гусарство становится символом мужества, лихости, озорства и свободы во всех ее высоких и низких ипостасях. Неудивительно потому, что в 1813 году в гусары попадает умнейший из русских комедиографов Александр Сергеевич Грибоедов. В рядах иркутского гусарского полка он проделал кампанию 1813–1814 годов.

Неудивительно и то, что в рядах Лейб-гвардии гусарского полка оказывается и самобытнейший русский философ Петр Яковлевич Чаадаев. Было в нем нечто в высшей степени рискованно гусарское, заставившее отказаться от блестящей карьеры флигель-адъютанта императора, заняться философией и, написав скандальные и непревзойденные по глубине «Философические письма», расколоть российское общественное мнение на два лагеря, существующие и ныне — западников и славянофилов. А дальше...

В литературе гусара до уровня символа первым поднял Александр Сергеевич Пушкин. Его Сильвио в «Выстреле» — герой бунта, но это бунт индивидуальности в защиту, однако же, общей свободы, а по-

этому, начав с банальной дуэли, он погибает, сражаясь за свободу, пусть чужого и чуждого ему, народа, за свободу выбора, за свободу судьбы. Тем же гением Пушкина создана «Капитанская дочка», где самый яркий образ второго плана — гусарский ротмистр Зурин. С этого момента начинается шествие гусар по произведениям отечественных литераторов.

В тридцатые-сороковые годы что-то стало надламываться в гусарстве. Николаю Павловичу уже не нужны были люди свободные: он предпочитал исполнителей. Для русского гусарства настала «мирная пора». Они должны были подравняться, подстричься на один манер и отпустить усы. Отныне им было запрещено носить ментики — исторический символ гусарского братства — на левом плече, только за спиной. Нетрудно понять, почему поручику Михаилу Юрьевичу Лермонтову приходилось трудно в гусарской среде времен Николая Первого. До известной степени его гибель в 1841 году явилась этапным моментом в развитии русского гусарства. Но уже рождена пером поэта «Тамбовская казначейша» с ее гусарско-улановскими мотивами.

Наибольшего блеска и развития образ гусара достигает под пером Льва Толстого — в первую очередь благодаря героям «Войны и мира» Денисову и Николаю Ростову. Но вспомним повесть «Два гусара». Гусары двух поколений: отец — благородный кутила, спасший когда-то честь молодого человека, и его сын, холодный расчетливый чиновник в гусарской форме — антигусар. Князь Нехлюдов из «Воскресения» — гвардейский гусар в прошлом. Есть в этом некая внутренняя семантика, почти не выходящая на поверхность произведения. Быть может, не воскресла бы душа Нехлюдова, не сохранил он в себе гусарскую искру ушедшей эпохи. В том же ряду — малоизвестное сегодня философское полотно Репина «Искушение» (1877 г.). На нем изображены гусар и монахиня, ведущие под сводами храма безмолвный разговор. Быть может, это не только борьба плотского и духовного,

но и их союз. Плоть призывает дух вернуться в мир, где его так не хватает.

Таким образом, совершенно очевидно, что русская культура вместила в себя феномен гусарства. Кроме России ни одна страна, на территории которой когда-либо побывали гусары, за исключением гусарской альма-матер Венгрии, не приняла их как часть собственного социокультурного менталитета.

Увы, к концу девятнадцатого века места для гусар становилось все меньше. Появились аэростаты, удушающие газы, скорострельное оружие. И на краю пропасти, в которую суждено было рухнуть России, пропасти под названием «мировая война и революция», гусарство расцвело последним, прощально пышным цветом. Последние десять лет существования империи освящены замечательными именами. Первое из них — имя Николая Степановича Гумилева, ныне неустанно цитируемого. Когда начинается первая мировая война, Гумилев пытается поступить в Царско-сельский гвардейский гусарский полк,

но неудачно — вынужден надеть уланскую форму. В ней он запечатлен на фотографии 1915 года с Анной Ахматовой и сыном — будущим знаменитым ученым — на руках. Через год Гумилев все же становится корнетом Александрийского гусарского полка, и знаменитые стихи его о «гусарах смерти», запутавшихся в «сетях любви», не аллегория, но автобиография.

Князь Владимир Палей, морганатический сын великого князя Павла Александровича, и князь Олег Константинович, сын поэта К. Р. (великого князя Константина Константиновича), бывший даровитым и многообещающим литературоведом, — также блестящие гвардейские гусары начала двадцатого столетия. Олег Константинович был сражен немецкой пулей в Восточной Пруссии в сентябре 1914 года. Владимира Палея в июле 1918 года большевики живьем сбросили в шахту. В июле 1921 года в Петрограде расстрелян Николай Гумилев... Это был конец эпохи, рухнувшей в бездну. Гусары оказались не нужны.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ И НОВЫХ ТЕХНОЛОГИЯХ: ИЗ ОПЫТА БИБЛИОТЕКИ РАН

Ирина Михайловна Беляева — зам. директора по научной работе, БАН
Надежда Григорьевна Медведева — д. т. н., БАН

Одной из основных функций библиотеки является обеспечение сохранности накопленного обществом книжных богатств, представляющих собой огромную культурную и духовную ценность.

Сложность проблемы обеспечения сохранности фондов заключается в ее многоплановости. И даже крупнейшие библиотеки России (РГБ, РНБ, ВГБИЛ, БАН), располагающие мощными службами консервации и квалифицированными кадрами, не всегда в состоянии охватить все стороны этой проблемы. В связи с этим особую значимость приобретает привлечение к решению вопросов сохранения библиотечных фондов специалистов научно-исследовательских учреждений различной ведомственной принадлежности. Формы сотрудничества могут быть самыми разными — от договоров о творческом содружестве до работы по грантам и хозяйственным договорам. Библиотека РАН имеет большой опыт взаимодействия в области научных исследований обеспечения сохранности фондов с вузами, научно-исследовательскими институтами, учреждениями культуры России и других стран.

В истории человечества, к большому сожалению, часто именно катастрофы и аварийные ситуации, приводившие к разрушению памятников культуры, становились мощными ускорителями создания научных разработок и внедрения их в практику. Данная печальная и несколько парадоксальная ситуация в полной мере нашла свое отражение и после самого разрушительного в библиотечной истории пожара в БАН.

Давние дружеские и творческие контакты сложились у БАН с Научно-исследовательским центром экологической безопасности (НИЦЭБ) РАН. В тяжелые дни после пожара 1988 г. директором О. А. Громовым и заведующим лаборато-

рией микологии и микробиологии этого института В. К. Донченко была разработана и внедрена в БАН оригинальная технология конвективной сушки стабилизированных замораживанием книг и газет. В ходе работы за короткий срок была сконструирована аэродинамическая система, позволяющая достигнуть эффекта сушки без малейшего повреждения книг. По этой технологии было высушено около 180 тысяч единиц.

Активное сотрудничество с этим институтом продолжается и до настоящего времени. Так, значительная часть микробиологических исследований по тематике разработки экологически безопасных способов защиты документов от биоповреждений проводится на базе и с участием высококвалифицированных специалистов этого института.

В настоящее время одним из основных и наиболее распространенных способов защиты от повреждений, вызываемых микроорганизмами, является применение различных химических соединений, обладающих биоцидным действием. В связи с постоянно повышающимися природоохранными требованиями по безопасному для окружающей среды применению биоцидов в практике используют незначительную их часть из числа известных, но часто и у них при длительном использовании выявляются негативные свойства.

В силу этого остается актуальной проблема разработки новых критериев оценки биоцидов, отражающих и отдаленные последствия их применения не только для качеств, долговечности материалов, но и влияющих на деструктивную активность микроорганизмов, на характер биоповреждений, возникающих в определенных ситуациях или при снижении активности биоцида в обработанном им материале с течением времени. Под действием биоцидов

возможно не только ингибирование, но и стимуляция синтеза таких «агрессивных» метаболитов, как органические кислоты, ферменты, алкалоиды, стимуляция пигментообразования, образование нехарактерных для деструкторов метаболитов, в том числе аллелотических, влияющих на взаимоотношения биоповреждающих агентов, способствующих возникновению новых биоценозов. Некоторые биоциды оказывают мутагенное действие, результатом чего может быть появление более активных биодеструкторов и т. д. Степень и многообразие «вторичных» эффектов могут быть весьма значительными и их необходимо учитывать при оценке каждого биоцида. В рамках этой проблемы совместная работа с НИЦЭБ РАН ведется по согласованному плану научных исследований. Проведен поиск высокоактивных фунгицидов широкого спектра действия из числа природных соединений, в т. ч. антибиотиков с определенным типом ингибирования. Результаты фундаментальных исследований по проблеме защиты материалов от биоповреждений отражены в различных публикациях, в т. ч. в журнале «Микология и фитопатология». По таким основным показателям, как высокая фунгицидная активность, широкий спектр действия, отсутствие токсичности для человека и животных, свойство ингибировать пигментогенез и не влиять на кислотопродукцию у грибов, экологическая чистота, эти соединения представляют научно-практический интерес в решении проблемы создания средств защиты от микоповреждений.

Примеры сотрудничества БАН по некоммерческим договорам можно продолжить. Так, в течение ряда лет совместно со специалистами Государственного института прикладной химии (ГИПХ, СПб.) проводились исследования по разработке способов упрочнения термодеструктированной бумаги поли-пара-ксилиленом. Для бумаги документов, подвергшихся термоокислительной деструкции во время пожара, этот метод наиболее эффективен, так как позволяет избежать вредного воздействия на об-

рабатываемый объект в процессе нанесения покрытия. Полимеризация мономера происходит во всем объеме обрабатываемого объекта, что делает возможным консервацию таких сильно разрушенных объектов, как бумага, пострадавшая от воздействия высоких температур. Возможность проведения многократных повторных обработок повышает прочность материала до необходимого уровня. Нанесение поли-пара-ксилиленового покрытия позволяет также закреплять изображения, выполненные в осыпавшейся технике – карандашом, пастелью, а также водостойкими красками, такими, как гуашь, акварель, чернила. Преимуществом этого метода консервации является также и то, что методом газофазной полимеризации можно обрабатывать книгу, сшитую в блок. Разработка указанных методов консервации библиотечных материалов стала возможной благодаря эффективному сотрудничеству наших специалистов с учеными ГИПХа, использованию современной инструментальной базы этого института.

Наряду с вопросами консервации термодеструктированной бумаги серьезную проблему представляет реставрация кожаных переплетов книг, подвергшихся термической деструкции. Под воздействием высоких температур и воды кожа переплетов становится ломкой, на ней появляются наслоения сажи, грязи, а в некоторых случаях и плесени. После пожара 1988 г. эти задачи специалисты Библиотеки решали вместе со специалистами Центрального научно-исследовательского института кожаной промышленности (ЦНИИКП).

Совместно с сотрудниками этого института под руководством к. х. н. Е. С. Хориковой был разработан комплексный метод очистки, дезодорирования, пластификации и защиты от биоповреждений кожаных переплетов книг. Разработанный состав для чистки, дезинфекции и дезодорирования содержит комплекс поверхностно-активных веществ различной природы, а также вспомогательные вещества, обеспечивающие пластифицирова-

ние обрабатываемой кожи. Применение данного состава обеспечивает эффективную очистку кожи переплетов от грязи, копоти, воска, следов клея. Последующая пластификация (жирование) с применением композиции на основе ланолина и хлорсинтема позволяет восстановить эксплуатационные свойства кожи — эластичность, мягкость.

Этот способ защищен авторским свидетельством СССР и широко используется в БАН для восстановления и стабилизации кожаных переплетов. К настоящему времени обработано более 1700 переплетов. Ежегодный мониторинг свидетельствует о высокой эффективности этой методики.

В качестве примера, когда творческое сотрудничество с коллегами тесно переплетается с работой по грантам и договорам, можно привести программу по фазовой консервации фондов. Программа фазовой консервации начала осуществляться в БАН с 1989 г. в рамках международного сотрудничества с Библиотекой конгресса (БК) США. Объединенными усилиями были разработаны основные подходы и достигнуты определенные результаты по внедрению программы.

На первом этапе работ БК взяла на себя обеспечение необходимым оборудованием и микроклиматическими контейнерами. В БАН были поставлены книгоизмеритель, позволяющий получить точные размеры документа, и компьютер на средства, выделенные журналом «Reader's Digest». До 1994 г. микроклиматические контейнеры изготавливались в США на средства спонсоров фирмой Custom Manufacturing Inc. (CMI).

В сентябре 1994 г. на средства, полученные по гранту института им. П. Гетти (США), в БАН было установлено оборудование с программным обеспечением, позволяющее поточным методом с максимальной автоматизацией изготавливать индивидуальные контейнеры для каждого документа. Была получена из США и партия специального архивного картона.

Специалистами БАН (консерваторами и хранителями) успешно разрабатывалась

технология внедрения, необходимые методики, соответствующие инструкции, нормативы; осуществлялись все стадии процесса перевода изданий в форму фазового хранения. К настоящему времени в форму фазового хранения переведено более 42 000 документов.

Для более масштабного внедрения программы необходимо было решить вопрос о разработке и производстве отечественного картона для консервации документов.

К проработке этого комплекса вопросов были привлечены ОАО ВНИИБ (Всероссийский институт целлюлозно-бумажной промышленности), имеющий специализированные лаборатории с многолетним опытом разработки картона различного назначения и соответствующую экспериментальную базу.

На первом этапе — в 1992–1993 гг. разработка технологии производства архивного картона проводилась в рамках договора о творческом сотрудничестве.

В 1999–2000 гг. на средства гранта, выделенного БАН Институтом «Открытое общество», при непосредственной поддержке Регионального центра программы ИФЛА по сохранности и консервации для России, СНГ, стран Балтии и Восточной Европы нам удалось завершить разработку технологии промышленного производства бескислотного картона для консервации документов. Технология запатентована. Опытная партия картона в количестве 11,7 т распределена между учреждениями культуры России.

Изготовленный картон имеет в своей основе высокосортную беленую хвойную целлюлозу, синтетическую проклейку и мел в качестве наполнителя, играющего роль буфера между окружающей средой и документом. В составе картона отсутствуют кислотообразующие компоненты. Процесс изготовления картона проводится в слабощелочной среде. Его щелочной резерв составляет не менее 2–3%. Отечественный картон соответствует международным требованиям, предъявляемым к архивному картону.

В настоящее время можно с достаточно высокой степенью объективности утверждать, что разработанная в БАН программа фазовой консервации зарекомендовала себя как универсальный, гарантированный способ и эффективный превентивный метод обеспечения сохранности. Мы постоянно консультируем наших коллег по вопросам фазовой консервации, проводим стажировки. В марте 2001 г. прошел мастер-класс по этой теме.

Устойчивые профессиональные отношения сложились у реставраторов БАН с коллегами из реставрационных организаций России и зарубежных стран. Стажировки, проведение совместных реставрационных советов и семинаров, совместная работа по реставрации памятников — все это в конечном итоге воплощается в отреставрированных и сохраненных для будущих поколений документах. Ярким примером такого сотрудничества может служить реставрация альбома Виниуса.

«Книга Виниуса» хранится в Библиотеке Академии наук с 1718 г. Очень привлекательный, чудом уцелевший до наших дней художественный альбом включает рисунки и гравюры, большинство из которых голландские. В 1993 г., в процессе отбора экспонатов к выставке «Петр I и Голландия», альбомом заинтересовались специалисты из Нидерландов. Выставка готовилась в рамках программы «Российско-голландские научные и культурные связи в эпоху Петра I», инициатором и исполнителем которой с голлан-

дской стороны являлся Амстердамский исторический музей (АИМ). Альбом привлек внимание своей историей, художественной ценностью и уникальностью.

Из-за интенсивного использования в течение трехсот лет альбом приобрел многочисленные повреждения, которые создавали угрозу быстрого разрушения. Выставлять альбом было нельзя, тогда Амстердамский исторический музей обратился к Библиотеке Российской Академии наук (БАН) с предложением произвести реставрационные работы в Нидерландах. Библиотека приняла предложение, так как состояние альбома давно вызывало опасения. После очень непростых и затяжных организационных работ, связанных с оформлением документации для вывоза, наконец 23 апреля 1997 г. альбом был доставлен в Амстердам и началась его реставрация. Реставрационные работы над альбомом были выполнены нашими и голландскими реставраторами в короткий срок с минимальным вмешательством, уважением к уникальному памятнику и сделали его вновь доступным пользователям. 23 июня 1997 г. альбом был выставлен в Амстердамском историческом музее и привлек к себе большое внимание посетителей музея и специалистов.

Сегодня совершенно очевидно, что только совместными усилиями специалистов библиотек, научно-исследовательских институтов и учреждений культуры можно обеспечить сохранность библиотечных фондов для будущих поколений.

ИЗ ИСТОРИИ ГАЗЕТЫ

«САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЕ ВЕДОМОСТИ» XVIII ВЕКА

Александр Александрович Порпляк — финансовый менеджер ООО «НТ Бункеринг»

Периодическая печать как предмет исторического источниковедения

В последнее время отмечается повышенный научный интерес к сложившейся

в обществе системе информации, или, как ее принято называть, системе массовых коммуникаций. Основное внимание исследователи уделяют современному состоянию этой системы: раскрытию характер-

ных черт составляющих ее компонентов, специфических особенностей их развития и взаимодействия, установлению закономерностей функционирования всей системы массовых коммуникаций в целом.

Не обойдена в исследованиях и одна из старейших составных частей системы общественной информации — периодическая печать. Объясняется это тем, что пресса остается главным средством формирования и главной формой выражения общественного мнения, общественно-политических интересов различных классов, социальных прослоек.

Эти свойства периодической печати проявлялись на всем протяжении длительной ее истории. Тем не менее, изучение исторических форм прессы, их развития и совершенствования ведется пока в основном методами описательного историко-литературного исследования.

Периодическая печать — сложный и по своему составу, и по выполняемым функциям исторический источник. Для пользования исторической наукой материалов периодической печати, в том числе и русской газетной периодики, следует установить объективные их возможности. Необходимость подобного анализа определена С. С. Дмитриевым, одним из немногих исследователей, занимавшихся разработкой теоретико-методологических и методических проблем источниковедческого изучения периодической печати XVIII—XIX веков: «Представляется назревшим и неотложным делом включение журналов и газет — этих ведущих форм периодической печати XVII—XX вв. — в число предметов изучения исторического источниковедения»¹. Среди письменных исторических источников периодическая печать занимает особое место в силу присущей ей способности сохранять для истории живое движение общественной жизни. В. И. Вернадский писал, что «развитие научной мысли находится в теснейшей и неразрывной связи с народным бытом и общественными установлениями — ее развитие идет в сложной гуще исторической жизни, и

лишь долгим усилием научной работы и исторического творчества могут быть в хаосе прошлого отысканы основания, которые поддерживают современные научные настроения, те корни, которые дадут ростки в будущем развитии научных изысканий»².

Периодическая печать стала первым социальным средством массовой информации. Поэтому особенно важно проследить, что представляла собой историческая реальность, в которой возник конкретный номер газеты. Не менее важно установить авторство и достоверность источника. Значение имеют и обстоятельства создания источника, так как в одних и тех же условиях один и тот же человек может создавать совершенно разные документы и по полноте, и по достоверности. Неудивительно, что и в первые годы советской власти рассматриваемому вопросу придавали значение: «Придавая огромное значение изучению прессы как источника информации и социальных явлений, В. И. Ленин 13 августа 1921 г. предлагал создать специальную комиссию для сбора и обработки газетного материала»³.

Газета

«Санкт-Петербургские ведомости» в системе русской газетной периодики XVIII века

Русская газетная периодика XVIII в. имеет уже вполне сложившуюся традицию изучения. В основном в исследовании петровских «Ведомостей», «Санкт-Петербургских ведомостей» и «Московских ведомостей» господствовали библиографический и историко-литературный подходы. Газеты XVIII века изучались библиографами и историками русской журналистики, ставившими своей целью или возможно более точное библиографическое описание изданий, или воссоздание истории газет, включая моменты организационной работы по выпуску изданий и, отчасти, характеристику состава печатавшихся материалов. Именно в этой среде происходило накопление

наблюдений источниковедческого порядка, хотя цели специального источниковедческого изучения русских газет XVIII века и не ставилось.

Б. И. Есин отмечал: «У нас мало сведений об организации работы редакций газет XVIII в. и более позднего времени. Собрать максимально полно все, что относится к данной стороне газетного дела, — очередная задача исторической журналистики. Но мы можем отметить вполне удовлетворительную оперативность редакции «Санкт-Петербургских ведомостей». Так, например, в номере от 4 января 1771 г. мы находим сообщения от 20, 18, 13, 11, 10 декабря. Если учесть широту информации: от Петербурга до Казани и от Англии до Турции, — то следует признать газету достаточно оперативной, особенно принимая во внимание средства передачи информации того времени.

Важно отметить работу переводчиков, распоряжением начальства ставших журналистами. Их трудами, их умением отобрать материал для газеты из иностранных источников во многом определялись достоинства и недостатки «Санкт-Петербургских ведомостей».

Газета середины и конца XVIII века уже представляется богатным материалом для исследователя жанров периодической печати, хотя, конечно, многие жанры находятся в зачаточном состоянии. Наряду с информацией, встречается репортаж и зарисовка. Законченный этнографический очерк о калмыках находим мы, например, в № 53 «Санкт-Петербургских ведомостей» за 1728 г. В XVIII веке две газеты⁴ вполне справлялись с информацией грамотного населения. Попыток издания новых газет почти не делалось⁵.

Таким образом, газета «Санкт-Петербургские ведомости» XVIII века является богатейшим историческим источником, благодаря тому, что представляет собой оригинальный материал, который, во многих случаях, нигде не дублируется. Что касается примера Б.И. Есина с калмыка-

ми, «Санкт-Петербургские ведомости» этому народу, наряду с киргиз-кайсаками⁶, уделяли достаточно много внимания, и по крупицам в данной газете можно собрать достаточно большой этнографический, и не только, материал. Достаточно упомянуть два исследования, основанных на материалах «Санкт-Петербургских ведомостей». Одно из них — дореволюционное: Брикнер А. Г. «Санкт-Петербургские Ведомости во время французской революции»⁷, другое — современное: Шаркова И.С. «Санкт-Петербургские ведомости» как источник по истории русско-скандинавской торговли во второй половине XVIII века⁸.

**«Санкт-Петербургские ведомости»
под эгидой Академии наук.
Редакторы, составители
и переводчики.**

Структура газеты. Прибавления

С 1728 года издание «Ведомостей» было поручено Академии наук, и газета получила название «Санкт-Петербургские ведомости»⁹.

П.Н. Берков отмечал, что «история возникновения «Санкт-Петербургских ведомостей», подобно истории возникновения «Ведомостей» 1702 г., недостаточно ясна»¹⁰. Т. Ю. Морозова в статье «Источниковедческие аспекты изучения русской газетной периодики XVIII в. (историография проблемы)» отметила следующее: «Сложнее обстоит дело с «Санкт-Петербургскими ведомостями» и «Московскими ведомостями», архивы которых не сохранились»¹¹, — и далее: «Архив Академии наук в основной своей массе сохранился. Лишь архив академической типографии за XVIII в., где находились материалы Ведомостной экспедиции, ведавшей изданием «Санкт-Петербургских ведомостей», был уничтожен пожаром»¹².

В старой историографии русской журналистики принято считать, что «Санкт-Петербургские ведомости» стали выходить со 2 января 1728 года.

А. Н. Неустроев в «Историческом розыскании о русских повременных издани-

ях и сборниках за 1703-1802 гг.» указывал, что «в конце 1727 года редакция первоначальных ведомостей поступила в заведование Академии наук, и право издания их на вечные времена перешло к Академии»¹³. На самом деле, издание находилось в ведении Академии наук до 1870-х годов, когда «Ведомости», с высочайшего соизволения, были переданы из Академии наук в непосредственное ведение Министерства народного просвещения¹⁴.

Неустроев полагал, что в первые годы редакцией газеты заведовали исключительно академики, куда и передавались важнейшие из официальных известий для обнародования. Первым редактором-составителем «Санкт-Петербургских ведомостей» был Г. Ф. Миллер (1705–1783), который приехал в Россию из Германии в 1725 году, был зачислен студентом Академии наук и одновременно начал преподавать латинский язык, историю и географию в академической гимназии. Миллер занимался «Санкт-Петербургскими ведомостями» с 1728 по 1733 год. Он подбирал материалы для каждого номера, переводил иностранные известия, черпая их из зарубежной прессы, вел корректуру и следил за выпуском газеты. С «Санкт-Петербургскими ведомостями» связана и биография М. В. Ломоносова, который редактировал газету с 6 мая 1748 года до 21 марта 1751 г.¹⁵, а вне штата работал в ней с 1741 года. Говоря подробнее, с 1728 года до марта 1733 года редактором «Санкт-Петербургских ведомостей» был Г. Ф. Миллер. На время отъезда Миллера за границу его заменял А. Б. Крамер в 1730-31 годах. Переводчиками в это время были М. Шванвиц, которому помогали И. П. Яхонтов, М. И. Алексеев, В. Е. Адодуров, и И. И. Тауберт. В 1733 году надзор за «Санкт-Петербургскими ведомостями» поручается А. Б. Крамеру. Переводчиком при нем был Адодуров. В 1734 году Крамер умирает, и редакцию «Санкт-Петербургских ведомостей» передают И. И. Тауберту, который занимался газетой до октября 1737 года. Переводчиками при И. И. Та-

уберте были И. Ф. Бреме и С. С. Волчков, составителем — Я. Штелин. Затем редактором был назначен И. Ф. Бреме, а переводчиком — С. С. Волчков. В 1742 году редактором вновь становится И. И. Тауберт, которого в связи со следствием над И. Д. Шумахером в 1743 на некоторое время сменяет И. Ф. Бреме. Тауберт руководит газетой до 1748 года. Переводчиками в это время были И. И. Голубцов, В. И. Лебедев, Н. И. Попов, Г. К. Фрейганг. Я. Штелин составлял статьи о событиях придворной жизни. Как уже упоминалось выше, с 1748 года редактором «Санкт-Петербургских ведомостей» был М. В. Ломоносов. Составителем при нем был Я. Штелин, а переводчиками — В. И. Лебедев, Г. К. Фрейганг, А. А. Барсов и В. Е. Теплов. После освобождения М. В. Ломоносова по собственному желанию в марте 1751 года редактором газеты был снова назначен И. И. Тауберт, в качестве переводчиков работали В. И. Лебедев, Г. К. Фрейганг и В. Е. Теплов. А. Н. Неустроев писал: «Первоначальную редакцию С.-Петербургских Академических Ведомостей принял на себя адъюнкту Миллер, первый номер доселе существующих Ведомостей был выдан 2 января 1728 г., в 4 д. листа на 4 страницах»¹⁶. На первой странице под заголовком газеты помещалась виньетка, изображавшая двуглавого орла с цепью ордена Андрея Первозванного. Ниже следовала дата издания. Содержание номера составляли известия из Гамбурга, Лондона, Вены, Берлина, Рима, Парижа и других европейских городов, а также придворная хроника: сообщения о поздравлениях государя с Новым годом, о чиновпроизводстве и награждении офицеров и штатских лиц. В конце первого номера «Санкт-Петербургских ведомостей» было помещено известие следующего содержания: «Сии ведомости будут впредь дважды в неделю, а именно: во вторник и в пятницу, на почтовом дворе и в новой Библиотеке выданы; которые охоту им имеют оные держать, и за оные половину денег наперед платить,

тем будут оные порядочно присланы»¹⁷. Кроме того, газета имела «Супплементы» (Прибавления) в 1728 году — к 12 номерам, в которых печатались разнообразные дополнительные материалы, например: парламентская речь английского короля, манифест короля шведского, указы об изъятии гривенников 1726 и 1727 годов, о вывозе товаров в Нарву и Ревель. В течение года было издано в качестве прибавлений четыре реляции — о въезде Петра II в Москву, о его коронации и о похоронах царевны Анны Петровны.

Распространение газеты.

Почтовые дни

А. Н. Неустроев писал: «Санкт-Петербургские ведомости с 1728 года стали выходить определенно по два раз в неделю: вторник и пятница; в 1729 году, вместо пятницы они выходили в субботу, а с 1730 г. — по понедельникам и четвергам. Формат их с 1728 по 1804 год в 4 д. л., а с 1805 года по настоящее время печатаются во 2 д. л.»¹⁸.

Распространение «Санкт-Петербургских ведомостей» возлагалось на Академическую книжную лавку в Петербурге, где каждый из поступивших тиражей включался в бухгалтерский учет, в том числе и те экземпляры, которые потом шли на бесплатную раздачу. Распространялась газета преимущественно по подписке. Годовой комплект на почтовой бумаге, то есть на бумаге более высокого качества, стоил на рубль дороже. При оформлении подписки на год или на полугодие плата вносилась до получения выпусков газеты. Исключения из этого правила были сделаны для тех подписчиков, которые в соответствии с ордерами Академической канцелярии получали газету бесплатно либо в кредит.

Что касается регулярности выхода газеты, Тюличев приводит архивную запись из журнала Академической канцелярии от 25 июля 1746 г.: «О позднем выходе и неисправном получении санктпетербургских ведомостей от многих персон публичные жалобы происходят. А главная сей медлен-

ности причина та, что иностранные газеты не только весною, и в осень, наибольшую часть года... понеже надлежащего приходят, а иногда никакой почты не бывает и тогда сие замедление Академии напрасно причитается. И так, для избежания сего нареkania особливо ради отвращения публичного недовольства в канцелярии Академии наук сим определено от нынешнего времени русские и немецкие печатные ведомости в продажу и в раздачу из книжной лавки выпускать по дважды в неделю, то есть в среду и в субботу с десятого часа утра до седьмого часа пополудни, а дабы всяк, о сем ведаая, служителей своих для взятия ведомостей по средам и субботам в десятом часу утра прямо в Академическую книжную лавку присылал»¹⁹.

П. Н. Берков писал: «Имела ли газета успех, сказать трудно. Миллер в своей «Истории Академии наук» говорит о большом успехе «Санкт-Петербургских ведомостей» и даже о доходах Академии от продажи газеты. Но из существующих материалов видно, что из посланных в Москву книгопродавцу Киприанову в 1728 г. двадцати экземпляров «Санкт-Петербургских ведомостей» лишь пять было продано годовым подписчикам, а на 1729 г. сверх прежних пяти подписчиков оказалось новых пять или шесть, да и те жаловались на дороговизну газеты.

Поэтому, может быть, число подписчиков не показательно, тем более, что комиссионер Академии В. В. Киприянов сообщил, что «многие желают читать [«Ведомости»] даром, нежели за деньги»²⁰.

Обратимся к тексту самой газеты: «Охотникам до ведомостей чинится чрез сие известно, что в палате при Академии, где продаются, прошлогодние ведомости все сполна с титулом и реэстром получить возможно»²¹.

Что касается распространения «Санкт-Петербургских ведомостей», Д. В. Тюличев приводит следующие данные по четвертому тому «Сводного каталога русской книги гражданской печати XVIII века: «В 1728 г. «Санкт-Петербургские ведомости» печатались тиражом 700

экз., в 1729 г. — 800 экз. Тиражи газеты в период с 1730 по 1745 г. неизвестны. Нет сведений и о тиражах «Примечаний к Ведомостям»²².

Говоря о более позднем времени, Тюличев приводит архивные данные о тиражах 1746-1753 гг., которые показывают, что тиражи второй половины 1740-х — начала 1750-х годов значительно уменьшились по сравнению с первыми двумя годами издания.

Примечания

к «Санкт-Петербургским ведомостям».

Г. Ф. Миллер

А. Н. Неустроев отмечал, что при «Санкт-Петербургских ведомостях» с апреля месяца 1728 года в виде прибавлений выдавались бесплатно по листу на каждый месяц Примечания — в 1728 году под названием «Месячные исторические, генеалогические и географические»; а в следующие годы (1729—1742), при каждом номере ведомостей — два раза в неделю, под названием «Исторические генеалогические и географические», «на Ведомости», «при Ведомостях» и «к Ведомостям». Подобные различные прибавления были и после 1802 г. В настоящее время прибавления при Санкт-Петербургских ведомостях состоят из одних казенных объявлений»²³.

Идея издания Примечаний к «Санкт-Петербургским ведомостям» принадлежала Г. Ф. Миллеру: «Адъюнкту Миллеру, по принятии на себя редакции С.-Петербургских Ведомостей в 1728 году, напал на мысль издавать к ним прибавления дидактического содержания под выше приведенным заглавием «Месячные исторические, генеалогические и географические примечания к Ведомостям»²⁴.

Для сравнения приведу текст газеты «Санкт-Петербургские ведомости»: «Охотникам Российских ведомостей чрез сие известно чинится, что по ныне на всякий месяц лист исторических, Генеалогических и Географических примечаний в ведомостях на русском языке изданы, которые в Академической конторе ведомос-

тей и на почтовом дворе получить можно, и будут оные и впредь по вся месяцы издаваны, и тем, которые Российские ведомости по всягодно держать, при окончании всякого месяца без денежно розданы»²⁵.

Это объявление было напечатано в № 30 «Санкт-Петербургских ведомостей». А. Н. Неустроев отмечал, что уже «23 февраля того же года первый номер Примечаний к ведомостям за генварь месяц в Академической типографии был уже отпечатан»²⁶.

Между тем, Г. Ф. Миллер писал:

«6. С 1728 по июль месяц 1730 года сочинял я Санкт-Петербургские ведомости, которые в 1727 году начаты были профессором Бекенштейном и Гросом.

7. В то же время начал я выдавать и примечания на Ведомости, которые печатались в 1728 году, единственно на русском языке, ежемесячно по два листа, для опыта, как такое сочинение принято будет.

8. Увидев, что примечания мои приобрели охотников, стал я с начала 1729 г. выдавать такие же примечания на немецком языке, по полулисту в каждый почтовый день, которые печатались и на русском языке. Сие продолжалось по 1742 год. Разные члены Академии подкрепляли полезное сие учреждение своими сочинениями во время моего отсутствия»²⁷.

В период 1728-1736 и 1738-1742 гг. издавались «Примечания к Ведомостям», выходявшие в качестве приложения к «Санкт-Петербургским ведомостям». Они фактически стали первым русским журналом. К каждому выпуску «Санкт-Петербургских ведомостей» и прилагалась соответствующая по нумерации часть «Примечаний к Ведомостям», имевшая 4 страницы текста. Годовой комплект «Примечаний к Ведомостям» состоял из 104 частей и имел объем 52 печатных листа. Всего же было издано 1240 частей. Их принято было считать бесплатным приложением, но это не совсем так. Что касается распространения газеты, Пекарский привел некое

извлечение, датированное 1733 годом: «Об обязательной подписке на Ведомости академики отозвались, что они «о том оставляют в воле ея императорского величества, понеже какая от того коллегиям польза быть может, того они, профессора, еще усмотреть не могли»²⁸.

Д. В. Тюличев отмечал: «Если в 30-е годы цена подписки на один годовой комплект газеты в Петербурге составляла 4 руб., то в середине 40-х годов, когда «Примечания к Ведомостям» уже не печатались, и в 50-е годы XVIII в. — лишь 2 р. 50 к. Поэтому точнее, по-видимому, было бы считать, что их цена входила в общую стоимость подписки на «Санкт-Петербургские ведомости». Таким образом, по форме издания «Примечания к Ведомостям» не стали самостоятельным журналом, чего нельзя сказать о его содержании»²⁹.

В качестве иллюстрации можно привести объявление из рубрики «Для известия»: «Понеже по требованию разных любопытных читателей намерение воспринято примечания в сих ведомостях с предбудущего 1729 г. такожде и на немецком языке в каждую неделю по дважды на половине листа издавать, того ради чинится сим всем известно; дабы те, которые оные содержать изволят, за оные деньги наперед платить изволили. Во весь год будут за оные брать по 3 рубли, так как и за ведомости, ежели кто оные одни держать намерен, но ежели кто как ведомости так и примечания вместе держать пожелает, за оба токмо по 5 рублей платить будет»³⁰.

Вообще говоря, примечания к ведомостям — особый разговор. П. Н. Берков справедливо заметил, что редакторы газеты «Санкт-Петербургские ведомости» стремились дать «сжатое истолкование иностранных слов»³¹.

В газете действительно можно выделить два типа примечаний: в тексте и под строкой в виде сносок со знаком *.

Обратимся к тексту «Санкт-Петербургских ведомостей».

Например, примечания первого типа выглядят следующим образом:

«монструм (урод)»³²,
«субсидиальные (вспомогательные)»³³,

«Гименей» (древний бог законных браков)»³⁴,

«депутованные (учрежденные)»³⁵,
— а примечания второго типа выглядят так:

«Диспензация есть освобождение и увольнение кого от какого дела, или весма или на некоторое время»³⁶,

«Трепанация есть повертление некоторым лекарским инструментом при случающихся жестоких ранах главы, а особливо главного черепа»³⁷,

«Регирада есть в знатных домах кабинет или такое место, где кому одному быть можно, дабы от других помешательства не иметь»³⁸,

«Легитимация есть (узаконение), когда незаконные, сиречь в незаконном браке рожденные дети, за законные, то есть такие, яко бы оные в супружестве родились, признаваются»³⁹,

«Факултет в академиях есть коллегиям некоторых профессоров и докторов, или Феологии (Богословия), или юриспруденции (науки прав), или медицины, или Философии»⁴⁰,

«Негрессы суть Арапы в Африке»⁴¹.

«Санкт-Петербургские ведомости» и «St. Petersburgische Zeitung»

П. Пекарский дважды на страницах «Истории императорской Академии наук» соглашается с Миллером: «В 1727 г. последние шесть месяцев Бекенштейн был занят составлением С.-Петербургских Ведомостей, которые начаты были в этом году академиком Гроссом»⁴²; «в 1727 г. при Академии начали издаваться Санктпетербургские ведомости, и, по свидетельству Мюллера, первые шесть месяцев эту газету составлял Гросс»⁴³.

По мнению П. Н. Беркова, долгое время сообщение Миллера рассматривалось, как ошибка, поскольку нигде не было отыскано академических «Ведомостей» 1727 г., как русских, так и немецких»⁴⁴.

Но это не совсем так: «В 1967 г. в Цетральном архиве древних актов Т. А. Быкова обнаружила полный годовой комплект газеты «St. Peterburgische Zeitung» за 1727 г., издававшейся Академией наук на немецком языке. Экземпляры этой газеты считались утраченными»⁴⁵.

По мнению П. Н. Беркова, путаница могла возникнуть в связи с тем, что «последний номер, июльский, текст которого был прислан из Коллегии иностранных дел, носил название «Санкт-Петербургских ведомостей»⁴⁶. Допустить же одновременное существование двух русских газет с одинаковым к тому же названием, одна из которых издается Коллегией иностранных дел, а другая Академией наук, — невозможно.

Итак, в 1727 году началось печатание немецкого издания «Санкт-Петербургских ведомостей», а с 1728 г. стали одновременно выходить немецкое и русское издания газеты.

По своей структуре газеты («Санкт-Петербургские ведомости» и «St. Peterburgische Zeitung») состояли из двух частей. В первой части печатались сообщения, заимствованные из иностранных газет, получаемых Академией наук, во второй — сообщения, отражающие внутреннюю жизнь России, и объявления. Первоначально «Санкт-Петербургские ведомости» представляли собой перевод немецкой газеты «St. Peterburgische Zeitung», при этом русский вариант отставал от немецкого на один номер, но позднее часть материала из иностранных газет переводилась сначала на русский язык, а затем использовалась для немецкой газеты. Газеты не являются идентичными. Русский вариант газеты отличается от немецкого объемом, содержанием, в русской газете информации больше. Объем одного номера «Санкт-Петербургских ведомостей» составляет от 8 до 50 страниц (с Прибавлениями). Объем одного номера «St. Peterburgische Zeitung» — всего 4 страницы.

Например: объем годового комплекта «Санкт-Петербургских ведомостей» за

1750 г. составляет 932 страниц (без Прибавлений), а «St. Peterburgische Zeitung» за 1750 г. — 426 страниц. Таким образом, в русской газете на 506 страниц больше. Если сравнивать те же газеты за 1765 и 1795 годы, то можно отметить следующее: комплект «Санкт-Петербургских ведомостей» за 1765 г. составляет 832 страницы (без Прибавлений), а «St. Peterburgische Zeitung» за 1765 г. всего 424 страницы (в русской газете на 408 страниц больше); комплект «Санкт-Петербургских ведомостей» за 1795 г. составляет 2346 страницы (без Прибавлений), а «St. Peterburgische Zeitung» за 1795 г. — 1098 страниц (в русской газете на 1248 страниц больше). С другой стороны, одни и те же материалы печатались в разных номерах «Санкт-Петербургских ведомостей» и «St. Peterburgische Zeitung».

Берков писал: «Русское издание «Санкт-Петербургских ведомостей» не являлось чем-то самостоятельным по отношению к «St.-Peterburgische Zeitung»: русский текст представлял собой точный перевод немецкого оригинала, очень точный, хотя, как и в допетровских рукописных и последующих печатных «Ведомостях» 1702-1727 гг., собственные имена и географические названия передавались часто в искаженном виде, например: «Nieder-Oesterreich» (Нижняя Австрия) переведено «Индер-Австрия» (вместо «Нидер-Австрия»), «Herr D'Usturga» — «господин Дистирга» и т. д.

При сопоставлении немецкого издания с русским выясняется, что в русском тексте некоторые корреспонденции опускаются, например в № 2 «Санкт-Петербургских ведомостей» 1728 г. отсутствует сообщение из Дрездена, имеющееся в немецком издании. По каким причинам делаются такие пропуски, сказать трудно»⁴⁷.

С. М. Томсинский отмечал ценность «Санкт-Петербургских ведомостей» как продолжения первой русской печатной газеты. Он также считал, что имеющиеся в распоряжении современных исследователей комплекты немецких газет конца

XVII — начала XVIII века «Relations Kourier» и «Norsischer Mercurius», хранящиеся в ГПБ, показывают оригинальность именно русской газеты при сравнении содержания этих газет⁴⁸.

Помимо вышеизложенного, Берков отметил, что в немецком тексте «Санкт-Петербургских ведомостей», в особенности в начальные годы издания, содержится много важных книготорговых объявлений и списков книг, продаваемых в лавке Академии наук, которые отсутствуют в русском издании «Санкт-Петербургских ведомостей».

Содержание газеты «Санкт-Петербургские ведомости». Объявления

Информация о разнообразных по характеру событиях за рубежом, составлялась сначала на немецком языке по материалам из иностранных газет, затем переводилась на русский язык. Сообщения о событиях внутренней жизни России поступали только официально из правительственных учреждений — Сената, коллегий и канцелярий. Печатались в газете и различные сообщения о деятельности самой Академии наук, публиковались объявления о книгах, продававшихся в Академической книжной лавке. Кроме того, в газете печатались разнообразные «казенные» и «партикулярные» (за особую плату) объявления: купеческая торговая реклама, сведения о подрядах, об отъезжающих за границу, списки беглых крестьян, списки должников и другие. Эти объявления содержат немалый материал для историков русской культуры, так как позволяют уточнить дату издания той или иной книги, журнала, появления новой пьесы. В середине XVIII века подборки таких объявлений стали публиковаться не только в тексте самой газеты, но и в особых прибавлениях к отдельным ее выпускам. В форме прибавлений к газете печатались и тексты различных официальных политических документов, среди которых преобладали материалы, связанные с

вопросами внешней политики русского правительства, списки награжденных и повышенных в чинах, а в периоды войн — репортажи о сражениях и боевых действиях русских войск, списки убитых и раненых офицеров.

И. С. Шаркова отмечала, например, следующий факт: «Плохая сохранность таможенной документации Санктпетербургской таможни за вторую половину XVIII в. делает «Санкт-Петербургские ведомости» одним из главных источников о числе кораблей, прибывших из Петербурга в скандинавские страны (основные порты назначения — Стокгольм, Копенгаген, Берген), о времени в пути на этих линиях, об оборачиваемости зафрахтованных судов и о их владельцах»⁴⁹.

Необходимо отметить, что объявления в газете появлялись постепенно: сначала преимущественно печатались казенные объявления, затем — частные. Позднее они накапливаются в таком количестве, что их печатали в виде особого приложения к каждому номеру газеты, со строгой классификацией по группам: подряды, объявления о книгах, продажа, отъезжающие и т. д. П. Н. Берков отмечал, что «эти приложения — ценнейший материал для разнообразных изысканий по истории XVIII века»⁵⁰.

Из вышеизложенного представляется наиболее ясным то, что объявления — наиболее оригинальная и самостоятельная часть газеты. Составителями указателей неоднократно отмечалось, что сведения, почерпнутые из объявлений, являются, порой, единственным фактическим источником.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Морозова Т.Ю. Источниковедческие аспекты изучения русской газетной периодики XVIII в. (историография проблемы) // Проблемы истории СССР. Вып. XIII. — М., 1983. — С. 82.

² Вернадский В. И. Очерки по истории естествознания в России в XVIII

столетии // Вернадский В.И. О науке. Т. 1: Научное знание. Научное творчество. Научная мысль. — Дубна, 1997. — С. 100.

³ Рабочая книга социолога / АН СССР. Ин-т социол. исслед. — 2-е изд., перераб. и доп. — М., 1983. — С. 281.

⁴ Кроме «Санкт-Петербургских ведомостей» имеются в виду еще и «Московские ведомости», издававшиеся Московским университетом с 1756 г.

⁵ *Есин Б. И.* Русская дореволюционная газета, 1702–1917 гг. — М., 1971. — С. 14.

⁶ См.: *Тынышпаев М.* Материалы к истории киргиз-казакского народа. — Ташкент, 1925. — 65 с.

⁷ См.: *Брихнер Ф. Г.* С.-Петербургские Ведомости во время французской революции.

Гл. I–III // Древняя и новая Россия. — 1876. — № 1. — С. 71–87.

Гл. IV–V // Древняя и новая Россия. — 1876. — № 2. — С. 158–173.

⁸ См.: Всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии. Ч. 1: Тез. докл. / АН СССР. Ин-т Всеобщей истории. Ин-т истории СССР. — М., 1986. — С. 113–114.

⁹ См.: Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века, 1725–1800. Т. 4. — М., 1966. — С. 51.

¹⁰ *Берков П. Н.* История русской журналистики XVIII века / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкинский дом); Под ред. Б. В. Томашевского и И. И. Любименко. — М.; Л., 1952. — С. 57.

¹¹ *Морозова Т. Ю.* Источниковедческие аспекты изучения русской газетной периодики XVIII в. ... — С. 84.

¹² Там же. — С. 94.

¹³ *Неустроев А. Н.* Историческое розыскание о русских повременных изданиях и сборниках за 1703–1802 гг. — СПб., 1874. — С. 4.

¹⁴ См., например: Энциклопедический словарь. Т. XXVIIIа: Саварни-Сахарон. — СПб., 1900. — С. 291.

¹⁵ *Толичев Д. В.* Книгоиздательская деятельность Петербургской Академии наук и М. В. Ломоносов / АН СССР. Б-ка. — Л., 1988. — С. 95.

¹⁶ *Неустроев А. Н.* Историческое розыскание ... — С. 4.

¹⁷ Санкт-Петербургские ведомости. — 1728. — 2 января. — С. 4.

¹⁸ *Неустроев А. Н.* Историческое розыскание ... — С. 4.

¹⁹ *Толичев Д. В.* Книгоиздательская деятельность ... — С. 97.

²⁰ *Берков П. Н.* История русской журналистики XVIII века ... — С. 63–64.

²¹ Санкт-Петербургские ведомости. — 1729. — 18 января. — С. 4.

²² *Толичев Д. В.* Книгоиздательская деятельность ... — С. 96. Ср.: Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. Т. 4. — М., 1966. — С. 52–53.

²³ *Неустроев А. Н.* Историческое розыскание ... — С. 4.

²⁴ Там же. — С. 6.

²⁵ Санкт-Петербургские ведомости. — 1728. — 13 апреля. — С. 4.

²⁶ *Неустроев А. Н.* Историческое розыскание ... — С. 6.

²⁷ *Голицын В. Н.* Портфели Г. Ф. Миллера. — М., 1899. — С. 137.

²⁸ *Пекарский П.* История императорской Академии наук: В 2 т. / Отд-ние рус. языка и словесности имп. Акад. наук. — Т. 1. — СПб., 1870. — С. LI.

²⁹ *Толичев Д. В.* Книгоиздательская деятельность ... — С. 93.

³⁰ Санкт-Петербургские ведомости. — 1728. — 21 января. — С. 4.

³¹ *Берков П. Н.* История русской журналистики XVIII века ... — С. 63.

³² Санкт-Петербургские ведомости. — 1728. — 27 апреля. — С. 4.

³³ Санкт-Петербургские ведомости. — 1728. — 16 марта. — С. 3.

³⁴ Санкт-Петербургские ведомости. — 1728. — 30 апреля. — С. 2.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же. — С. 4.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Санкт-Петербургские ведомости. — 1728. — 30 апреля. — С. 2.

⁴² *Пекарский П.* История императорской Академии наук ... — С. 198.

⁴³ Там же. — С. 214.

⁴⁴ *Берков П. Н.* История русской журналистики XVIII века ... — С. 57.

⁴⁵ *Альбина Л. Л., Враская О. Б.* Памяти Татьяны Александровны Быковой //

Книга: Исследования и материалы. Сб. XXXII. — М., 1976 — С. 224.

⁴⁶ Берков П. Н. История русской журналистики XVIII века ... — С. 58.

⁴⁷ Там же. — С. 60.

⁴⁸ См.: Томсинский С. М. Первая печатная газета России (1702-1727 гг.) / Перм. гос. ун-т им. А.М. Горького. — Пермь, 1959. — С. 9.

⁴⁹ Шаркова И. С. Санктпетербургские ведомости как источник по истории русско-скандинавской торговли во второй половине XVIII в. // X Всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии: Тез. докл. — М., 1986. — Ч. 1. — С. 113–114.

⁵⁰ Берков П. Н. История русской журналистики XVIII века... — С. 63.

ВЛАДЕНИЕ ПРЕДМЕТОМ КАК ФАКТОР УСПЕХА

Веса Нииникангас, Инкери Няйтсаари

Из окна кухни мы видим соседского мальчика. Он выводит из сарая велосипед, забирается на него и отправляется в школу. Школьный двор в нескольких сотнях метров отсюда. Мальчику на его недолгом пути надо многое знать и уметь. Во-первых, ему надо владеть техникой езды на велосипеде: как начать движение, сохранять равновесие, поворачивать, останавливаться. Во-вторых, ему надо знать конечную цель пути, местонахождение школы, ведущие туда маршруты и уметь выбрать лучший из них. Для такого выбора у него как минимум 3 разных точки зрения: маршрут, который быстрее и безопаснее всего ведет в школу, маршрут, который позволяет практиковаться в езде на велосипеде, или маршрут, ведущий к приключениям. Наконец, ему надо помнить, что на улице есть и другие участники движения, знать правила, быть внимательным.

Первая точка зрения исходит из ежедневно повторяющихся поездок в школу: важно, чтобы мальчик был в школе, когда зазвонит звонок. Вторая точка зрения акцентирует развитие деятельности, желание научиться лучше ездить на велосипеде. Третья точка зрения — поиск приключений — ставит на первое место погружение в неизвестное, освоение новых мест, возможность найти что-то такое, что изменит всё.

Мальчику на его пути в школу надо овладеть следующим:

- техникой действия,
- знанием конечной цели,
- знанием возможных путей и умением выбрать лучший из них,
- представлением о среде и условиях взаимодействия с ней,
- представлением о влиянии своей деятельности на окружающих,
- умением учитывать интересы других.

Как показывает наш пример, даже такое простое дело, как поездка в школу на

велосипеде, предполагает много умений, что же такое, с нашей точки зрения, умение? Это основанное на прошлом опыте представление о том, как овладеть ситуацией и как разумно действовать в ней. Таким образом, умение заключается в объединении мышления и деятельности. В умении существенно понимание и навык творчески согласовывать испытанное и усвоенное прежде. Умение не расходуется при употреблении, а развивается и с повторением преобразуется в «умение+знание», владение предметом, «ноу-хау».

А что такое владение предметом? Это нечто большее, чем требуемое для выполнения определенной задачи умение, — преодоление конкретной ситуации, овладение целым, знанием его границ и созданием места перехода.

Соседский мальчик должен овладеть целостностью, большей, чем путь из дома в школу. Ему надо знать, что, выезжая, он достигнет участия в школьном обучении. Он, таким образом, должен понять ту целостность, частью которой является он сам и в которой он тоже действует. Целостность складывается из хождения в школу и обучения. Поскольку в Финляндии действует всеобщее обязательное обучение, его дело — учиться. Это диктует ему границы выбора, так что он не может без последствий избрать приключения в это будничное утро.

Овладение целостностью прежде всего значит увидеть то, что человек делает сам, и то, на что влияют его действия. Это восприятие сферы собственной деятельности, видение ее частей и отношений между ними, а также осознание возможных и необходимых действий.

А в библиотечном деле? С каких точек зрения очерчивалась бы целостность? Когда мы говорим здесь о библиотеке, мы имеем в виду деятельность по библиотечному и информационному обслуживанию

независимо от занимающейся ею организации, клиентуры и содержания знаний. С нашей точки зрения, на деятельность библиотек влияют следующие силовые поля: побудительные условия деятельности, имеющиеся в распоряжении энергетические ресурсы, возникающие из окружающей среды вопросы и возникающие в деятельности ответы.

Условия, обуславливающие библиотечную деятельность, — это уровень развития общества, доминирующие в нем ценности, информационная политика, а также цели общества. Энергетические ресурсы, запасы сил бывают духовные и материальные. Материальные энергетические ресурсы включают персонал, помещения, технику, аппаратуру, инфраструктуру, информационный материал и бюджет деятельности. Так же и в нематериальных энергетических ресурсах есть свои направляющие деятельность факторы: традиции отрасли, «домашние» принципы деятельности, сформированные в процессе обучения взгляды и позиции, а также возникшее в обучении, работе и других сферах жизни «ноу-хау», как публично высказываемое, так и невысказываемое. Силовое поле вопросов, которые ставят личности и их коллективы, акцентирует исходный пункт обслуживающей деятельности. Помимо конкретных, лично задаваемых вопросов сюда входит также вопрос об оправданности существования библиотек. Собственно продуктом деятельности является собрание возможных ответов — определяемая часть мира знаний: документированный исходный материал, основы знаний, недокументированные знания специалистов и находящиеся у них компетентные обобщения материала (Нииникангас и Няйтсаари, 2000, 32–35). Эти знания определяют библиотечное дело, но и библиотечные работники в свою очередь и сами влияют на формирование мира знаний и его содержание.

Задача библиотек — это увеличивать понимание, их существование само по себе является ответом на стремление человека и общества к знанию. Точки сопри-

косновения силовых полей искрятся — возникает свет знания.

Распространение знаний

Задача библиотек, в конце концов, — удовлетворять вечную тягу людей к знаниям и вечное желание рассказать о них. В поле их деятельности можно выделить четыре действующие стороны: любознательный человек, рассказывающий человек, разветвленный распространитель знания, «сетевой информатор» и институционализованный распределитель знания. Два первых из них первичны, а последующие существуют лишь для того, чтобы любознательный человек и рассказывающий человек могли встретиться.

Важно признать эти стороны и увидеть свою роль в общем поле деятельности. Рассказывающий человек — это писатель, деятель искусства, исследователь или хотя бы журналист, у которого есть потребность рассказать о себе что-либо важное, выдающееся из общего хаоса: он догадывается, исследует, рассказывает и предоставляет свое знание в распоряжение любознательного человека. Любознательный человек тоже является членом этого хаоса: он интересуется, ставит вопросы, делает находки, изучает их и в результате может получить из предлагаемого материала ответы на имеющиеся у него вопросы. В этом поиске ответа, во встрече с мыслями рассказывающего человека есть, собственно, момент распространения знания. В информационном обществе любознательный человек и рассказывающий человек зачастую могут меняться ролями.

Ввиду сложности современного две этих стороны не всегда могут встретиться. Любознательного человека интересуют также мысли и сам феномен живших до него — тогда прямая встреча невозможна. Для этого требуются регулярно действующие распределители и распространители знания — организации, от издательств до книжных магазинов, кинотеатров, музеев и библиотек, а также профессионалы, которые занимаются созданием предпосылок

этих основополагающих встреч. Головокружительное развитие техники распространения знаний во многом изменило роли организаций, распространяющих знания, и в связи с этим также поставлен вопрос о полезности библиотек. Все более и более меняющаяся ситуация ставит перед организациями, распространяющими знания, в том числе и перед библиотеками, новые задачи и дает обоснование их существованию.

Сущность информационной работы

Выполняемая в библиотеке работа — это информационная работа, содержанием которой является обработка знания и предоставление или уничтожение знания. Информационная работа по своей природе абстрактна и невидима, и она может быть как рутинной, так и высокопрофессиональной (Койвула и Тейкари, 1996, прил. 2).

Информационная работа библиотеки не механическая, она акцентирует свою направленность на содержание знаний. Она подразумевает опознание содержания, его анализ, оценку и систематизацию, а также то, как пользователь применит знание для своих целей. Информационная работа библиотеки — это не только внутренняя организационная деятельность — у нее прежде всего коллективная и общественная функция.

Профессиональный библиотекарь создает знание не для себя, но для кого-то другого, к тому же для использования сейчас или в будущем. В процессе информационной работы таким образом всегда участвует кроме производителя и распространителя также и потребитель знания. Виды библиотечной деятельности и трудовых процессов детально представлены в различных аспектах, например в развитии информационных систем, проектах качества, исследовании профессии и пр. Зачастую в них центром тяжести становится анализ процессов работы и деятельности. Другой плодотворный подход к процессам — это расчленение их с точки зрения поддержания и развития способности к деятельности. Возможен взгляд на

процесс в целостности, в котором существуют параллельно много видов деятельности, или функций, библиотек. С этой точки зрения мы разделили их на три уровня: процессы поддерживающие, развивающие и создающие новое.

Поддерживающие процессы связываются с установившимися формами работы. Это деятельность преимущественно заранее определенная и предсказуемая, а также сосредоточенная на конкретном и однообразно повторяемая. Поддерживающие процессы не терпят неопределенности: они, как и обслуживание, должны вестись наилучшим образом при всех обстоятельствах. Владение предметом — это применение уже выученного к новым ситуациям. Таково, например, поддержание системы автоматической обработки информации или содержание собраний книг с их приобретением и изъятием, а также деятельность по выдаче и возврату.

Развивающие деятельность процессы по своей природе соответствуют капитальному ремонту с реконструкцией: с помощью развивающей работы организация долго остается работоспособной. На этом уровне степень предсказуемости меньше, чем в поддерживающих процессах, а степень неопределенности больше. Владение предметом в поддержании деятельности объединяется с решением проблем и развитием идей. Примером этого являются распространяющиеся в последнее время проекты улучшения качества. В них анализируются поддерживающие процессы и внимательно рассматриваются связанные с ними проблемы, потребности в развитии идей. На этой основе, например, создаются проекты развития, с помощью которых совершенствуются отдельные виды деятельности.

Создающие новые процессы подходят к современному состоянию со стороны нового. Исходным пунктом является видение чего-то особенного, такого, что существенно лучше нынешнего. Владение предметом, «ноу-хау», применяется к осознанию путей развития и поиску новых возможностей. Существующая деятельность рассматривается с точки зрения

целей, и на основе этого избираются действия и пути, с помощью которых достигается намеченное состояние. Когда видение сформировано и собственная деятельность при этом видится достаточно ясно, рождаются представления — отчетливые, совсем как воспоминания о будущем. Это влияет на нынешнюю деятельность радикально — больше, чем систематизация намеченных путей. Новая модель деятельности основывается на том, что мы видим в существующем, при этом мы приспосабливаем наше видение и выбираем способы действия.

Организация нуждается во всех этих уровнях деятельности. Самые передовые взгляды не помогут, если не ладится основная деятельность. С другой стороны, сами по себе реализация и шлифовка современных процессов сводится к деятельности по поддержке, которая больше не нужна.

Владение предметом для специалиста по информатике

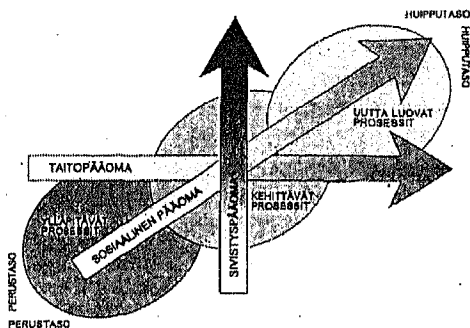
Владение предметом — важнейший ресурс в любом коллективе и любом подразделении. В информационной работе «ноу-хау» — это главное. Помимо того, что это наличный энергетический ресурс, это также основной капитал всей деятельности. При правильном отношении — это всё возрастающая собственность организации и ее работников, в противном случае этот ресурс может стареть и утрачивать ценность или рассеиваться при уходе «умельцев и знатоков» в другие места. Пестующие свои «ноу-хау» организации называют «умными» организациями.

Профессиональное «ноу-хау» — это многомерная целостность, которую надо рассматривать системно. Профессионализм возникает у библиотекаря, когда он овладевает технологиями, связанными с передачей знания, и технологиями, дополняющими библиотечную деятельность, понимает содержание своих материалов и суть процесса обучения, а также когда ему удастся работать во взаимодей-

ствии с клиентами и коллегами. Описанное выше владение предметом, «умение + знание», «ноу-хау», можно наглядно изобразить схемой, образованной тремя стрелками — весами «ноу-хау» — стрелка которых при продолжении движения вверх и вправо стремится к максимуму. Содержание стрелок мы назвали культурным капиталом, капиталом умений и социальным капиталом. Мы называем это весами потому, что весы чутко отражают изменения, происходящие в грузе, и указывают на них пользователю. Как чаши весов, которые должны быть в равновесии, так и разные составляющие капитала «ноу-хау» в информационной работе должны быть в равновесии.

Схема 1. Надписи на стрелках: снизу вверх — культурный капитал, по диагонали — социальный капитал, слева направо — капитал умения. Надписи на эллипсах, слева снизу по диагонали вверх:

поддерживающие процессы, развивающие процессы, процессы, создающие новое. Надписи в углах: внизу слева — базисный уровень, вверху справа — высший уровень. Подпись: «Весы» профессиональных библиотекарей. (С) Веса Нииникангас и Инкери Няйтсаари.

*Kirjastoammatillaisen osaamispuntari.
© Vesa Niinikangas ja Inkeri Näätsaari*

Весы, мерило «ноу-хау» — это рабочий инструмент оценки и руководства, в том числе самооценки и самообладания, с помощью которого определяется «ноу-хау» как личности, так и организации. Будем рассматривать владение предметом как дина-

мичное явление и в связи с процессами информациональной работы. Обобщая, можем сказать, что общее «ноу-хау» организации есть нечто большее, чем частные «ноу-хау» лучших личностей в отдельности.

Если информационная организация делает ставку на распространение «умения+знания», «ноу-хау» и при этом заботится о предпосылках творчества, общее «ноу-хау» развивается качественно и успешно. На это развитие влияют кроме владения информационным капиталом и литературы, касающейся обучения и «ноу-хау», прежде всего, разговоры писателей с коллегами и собственная практическая работа, направленная на овладение предметом, «ноу-хау».

Что такое культурный капитал?

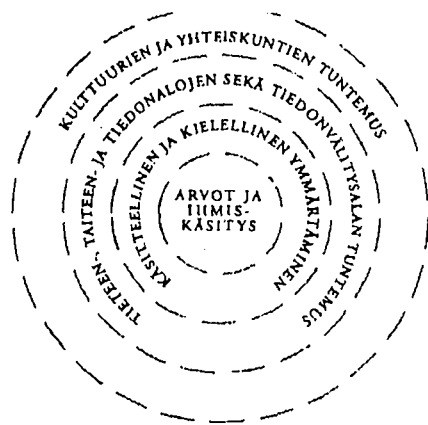
Культурный капитал мы изобразили четырьмя concentрическими окружностями. Внутренней и основной во всей деятельности является окружность «оценки и самооценки». Следующую назовём «формальным и содержательным пониманием». Третья окружность состоит из науки, искусства и знания а также просвещенности. Четвертая, внешняя окружность содержит культурную и общественную осведомленность.

Окружности по своей природе не статичны, а изменчивы. В ядре находятся человеческие, определяющие человеческое существо и объединяющие общество ценности. Они изменяются медленно. Важно идентифицировать свои личные ценности и представления о человеке, значимые в пределах малой группы, а также организации. С точки зрения передачи знания существенным становится понятие о человеке как активном деятеле, который в течение всей своей жизни преобразует их понятия, используя находящийся вокруг него строительный материал (см. напр. Хейккиля и Хольма, 1990, 24, 41). В этом отношении центральной ценностью в информациональной работе оказывается право человека и коллектива на многосторонность и многоценность, на разумным

образом расчленяемое на основе их деятельности знание.

С помощью содержательного и формального понимания можно овладеть содержаниями сфер науки, искусства и знания, увидеть черты различия и сходства между ними. Буквальное и понятийное понимание и толкование особенно необходимы в библиотечном деле, которое основывается на коммуникации, распространении содержания знания.

Схема 2. Надписи в окружностях, изнутри: оценки и самооценки человека, содержательное и формальное понимание; знакомство с наукой, искусством и знанием, а также просвещением; знакомство с культурами и обществами. Подпись: Слои культурного капитала. (С) Веса Нииникангас и Инкери Няйтсаари.

Sivistyspääoman kerrostumat.

© Vesa Niinikangas ja Inkeri Näätäsaari

Распространение знания — не распродажа штучного товара. Люди ходят в библиотеки не для того, чтобы взять на время какую-нибудь книгу или почитать какую-нибудь статью, а они ищут значимую для них информацию, нечто такое, в чем они заинтересованы именно в данной жизненной ситуации. Ставя вопросы, коллективы и индивиды ищут суть, а не формы фиксации, способы употребления или технику. Для знания содержания недостаточно знакомства только лишь с отдель-

ными документами. Чтобы быть в состоянии оценить пригодность знания или достоверность документов, надо изучить вопрос в целом и то, как именно данное знание с ним связано. Изучая любой конкретный вопрос, надо иметь представление об основах этой области знания и изучить ее основные понятия, их развитие, основные факторы и их влияние на деятельность общества. Никто не может овладеть всей сферой знаний, но ведущий просветительскую деятельность коллектив вправе ожидать, что распространитель общественного знания знает общественные явления, а распространитель научно-естественных знаний соответственно — природные явления и их использование.

Знакомство с культурами и обществами связано с общеобразовательными задачами библиотек, которые определены, например, в Законе о литературе, Законе об университете а также в национальных и международных руководствах по библиотечной и информационной политике. В сфере народного просвещения недостаточно знания только своего общества и культуры, потому что среди клиентов встречается всё больше представителей разных обществ и культур как соседей или компаньонов. Задача сферы — распространять знания о культурах через книги, поддерживать связи в случаях, когда культуры различаются или распадаются, а также противодействовать саморазрушению или дискриминации. В своих собраниях библиотека объединяет ссорящийся и разрозненный мир в единое целое.

Капитал умения

Задачей профессиональных библиотекарей является передача знания тем, кто в нем нуждается; конечно, нет необходимости передавать собственное знание, но надо как-то проявлять и эту осведомленность. Для успешно работающих существенно, на основе чего и как можно обнаруживать и оценивать знания.

Капитал умения — это свойственный определенной сфере комплекс специаль-

ных умений. В капитал умения профессиональных библиотекарей входят прежде всего умения овладевать информацией: систематизированный поиск и нахождение информации, организация, анализ содержания, переработка его и доведение до практического применения. Это важные основы, и обучение в библиотечном деле глубоко сосредоточено на них в последние десятилетия, особенно когда разрабатываются его вспомогательные средства и меняются формы работы. Об основах капитала умения, особенно умения управлять информацией и применять информационную технологию к сфере управления информацией написано много, поэтому мы не будем углубляться в это более детально.

В библиотеке всё важнее становится умение передавать свои умения и знания другим: посоветовать, ознакомить, научить. Кроме того, часто вместо этого надо владеть умением рассказать, как и где имеет смысл искать знания, как их оценивать, как пользоваться ими и как их обрабатывать. В этом отношении повысились требования, предъявляемые к специалистам по информатике. Чтобы разобраться в осколках знаний и хаосе предрассудков, человек нуждается в искусстве овладевать информацией. Задача специалистов по информатике — предоставить эти знания обществу. Они, таким образом, должны быть в состоянии передавать свое владение предметом, «ноу-хау» другим, принимая во внимание исходные позиции и потребности получающих. И наоборот, специалисты по информатике сами нуждаются в знакомстве с клиентурой также и для развития собственного знания и умения, владения предметом, «ноу-хау». Кроме того, им надо быть в курсе дела — какие люди входят в клиентуру, как организован их коллектив, по какой причине люди заинтересованы тем или иным предметом и как меняется предмет их заинтересованности.

Упрощение и визуализация запросов, а также их письменное и образное выражение возрастает с распространением информационных сетей. Кроме письменной

коммуникации и образного выражения знаний, немаловажна также визуализация информационных потребностей и ситуаций, знакомство с информационными каналами и определением содержания соответственно мышлению потребителей.

Профессиональному библиотекарю надо быть в состоянии повышать свою квалификацию и расширять область интересов. Хороший специалист по информатике может объединять в себе содержательное и коммуникативное владение предметом. Он знает в своей организации и вне ее людей, которые знают о теме больше, чем он сам, и в состоянии оценить их в меру своей квалифицированности. Он знает, что и клиенты библиотеки также являются специалистами и потенциальными источниками информации.

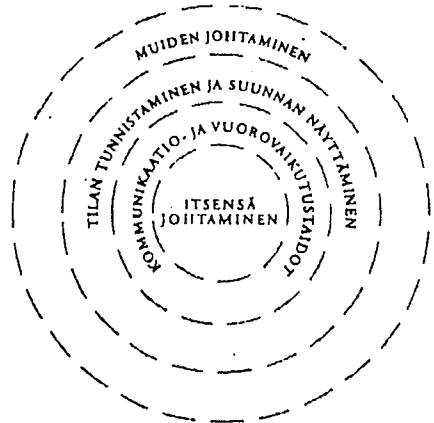
Социальный капитал

Социальный капитал — это способность адекватно воспринимать свою и другие личности и умение действовать коллективно. Важнейшее качество в социальном капитале, с точки зрения информационной работы, — самообладание. Это означает осознание понимания сути своей деятельности и умение управлять ею. На следующем уровне находятся искусства коммуникации и взаимодействия: способность выразить себя и выслушать другого, ответить взаимностью, почувствовать ситуацию и принять во внимание потребности других людей. Совместно с самообладанием они образуют ядро социального профессионализма. Без хороших способностей к коммуникации и взаимодействию не будет успеха в информационных профессиях, лишь человек с хорошей самодисциплиной может быть индивидуальным исполнителем. Важнейшее искусство — это умение чувствовать групповые связи, находить компаньонов для сотрудничества и делать совместную работу с представителями как своей профессии, так и других.

Во всех профессиях требуется ощущение места и обстоятельств, а также пред-

ставление направления развития, но особенно важно это в процессах создания нового. Недостаточно одного лишь понимания проблем и потребностей, требуется способность и желание видеть уровнем выше и находить в нем возможность развития. Без представления о направлении развития способность к развитию остается пленником обстоятельств. Лидеру, определяющему эти направления, предоставляется не только выбор средств, а поиск решений и путей. Так вырабатываются руководители, которые способны визуализировать, мотивировать, организовывать и распределять власть и ответственность, принимать решения и, прежде всего, готовить и направлять других.

Схема 3. Внутри концентрических окружностей, изнутри: самодисциплина, способность к коммуникации и взаимодействию, понимание ситуации и чувство направления, способности лидера. Подпись: Слои социального капитала. (С) Веса Нииникангас и Инкери Няйтсаари.

Sosiaalisen päädoman kerrostumat.

© Vesa Niinikangas ja Inkeri Näätäsaari

Использованное Даниелем Големаном понятие эмоционального интеллекта весьма приближается к понятию социального капитала. Эмоциональный интеллект состоит из самосознания, самообладания, заинтересованности, эмпатии и социальных способностей. Самосозна-

ние — это осведомленность о собственных чувствах и умениях, способность использовать их при принятии решения и оправданная уверенность в себе. При самообладании индивид обращается со своими чувствами так, что они не мешают ему при выполнении задач, а облегчают этот процесс. Под мотивированием Големан понимает способность добиться силы глубочайшей жизненной потребности, которая пробуждает и ведет к цели, способствует изобретательности, ободряет в усилиях по развитию а также развивает характер, упорство, стойкость. Эмпатия же — это осознание чувств ближних, способность видеть дело с их позиций, а также искусство создавать дух единения и понимания с любым человеком. Если мы неопытны, то эмпатия часто понимается неверно и описывается как направленность на несение бремени другого человека. В социальные способности Големан объединяет искусное обращение с чувствами, связываемыми с человеческими отношениями, ощущение социальных ситуаций и связей, непринужденное, свободное, беглое взаимодействие, а также использование этих способностей в руководящей, консультационной, групповой и командной работе (Големан, 1999, 361–362),

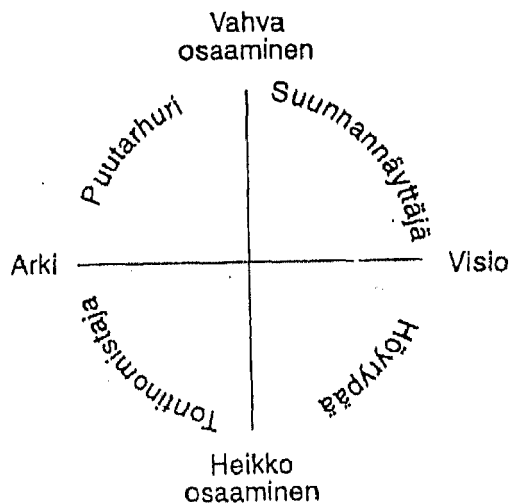
Что показывает компас владения предметом?

Владение предметом, «ноу-хау» оценивается применительно к настоящему моменту. Настоящий момент можно рассматривать применительно к будничному моменту или к парадному. Если владение предметом твердое, ориентированный на будничное специалист относится к своей работе, как садовник, для которого важно процветание сада: красота цветов и созревание плодов. Если владение предметом слабое, ориентированный на будничное относится к своей работе, как владелец участка для застройки, который отгораживается от других предостерегающими табличками и закрытыми воротами. Он пассивно встречает встающие перед ним

проблемы и оставляет невыполненными задачи, если это «не его дело».

Ориентированный на показное твердый «умелец и знаток» напоминает дорожный указатель направления, которому удастся совмещать парадную и практическую деятельность. Он чувствует ситуацию, в которой показное подчиняется целенаправленности. Он также ощущает границы и поэтому может развивать себя и готовить других. Ориентированный на показное, но слабый в умении и знании, — еще и сумасброд, всё время выдвигающий новые идеи. По существу он не заинтересован ни в их реализации, ни в превращении в «ноу-хау», овладение предметом. Он суетится в собственных мирах, совершенно оторванных от потребностей дня.

Схема 4. Надписи у линий, слева по часовой стрелке: будни, твердое владение предметом, парад, слабое владение предметом; между линиями слева по часовой стрелке: садовник, дорожный указатель, сумасброд, владелец участка. Подпись: Компас владения предметом. (С) Веса Нииникангас и Инкери Няятсаари. Исследования показали, что в библиотечной работе недостаточно даже хорошее владение лишь частью сфер капиталов, но требуется одновременное владение сферами всех капиталов. Хорошее владение одним капиталом не является препятствием для овладения другими. Много-

сторонняя работа создает предпосылки для того, чтобы различные капиталы могли обогащаться и подпитывать друг друга общим взаимовлиянием.

Коммуникативный профессионализм

Изучавший открытый профессионализм Киммо Сааристо определяет коммуникацию как «делать общим, делить с другими». Для того чтобы стать профессионалом в любой сфере деятельности, недостаточно лишь изучить ее содержание, требуется также общительность, коммуникативность. Никлас Лухманн подчеркивает в коммуникациях понимание, которое означает реагирование на сообщение, коммуникативность (см. Сааристо, 2000, с. 126–127). Специалист по библиотечному и информационному обслуживанию коммуникативен в том смысле, что он понимает содержание знаний и процессы их формирования, а кроме того, еще и влияние их на деятельность людей, которым передается информация.

Работа в группе «универсалов»

На наш взгляд, работающие со знаниями организации не имеют успеха в изучении отдельных «делянок», но работа должна быть организована так, чтобы каждый владеющий предметом находился «в общем пользовании». Термин «командная работа» уже давно возник в дискуссиях, касающихся повышения производительности труда. Всё же этот термин часто понимается неверно, во всяком случае, трояко. Полагают, что при командной работе все делают всё, что всё делается вместе, индивидуальная работа не разрешена и что командная работа должна быть беспроblemной. Командная работа обозначается также термином «групповая работа». Групповая работа приводит на память спортивную команду, у каждого из членов которой свои задачи. Стремление к достижению общей цели определяет общую деятельность. Успех основан,

с одной стороны, на индивидуальных достижениях, с другой стороны — на общей деятельности и взаимопомощи, а также на реалистическом представлении об умениях — своих и других членов группы. Группа всё время в движении и в своей деятельности принимает во внимание изменяющиеся условия. У группы также есть тренер, который помогает ей в достижении цели.

Работа по передаче знания является работой в группах из нескольких членов. Члены команды должны подбираться так, чтобы умения членов команды дополняли друг друга. Группа, состоящая только из нападающих или из вратарей, не достигнет успеха в совместной игре. Каждый член вносит в совместную работу свое реальное умение и знание — владение предметом. Разделение ответственности и полномочий основано на содержании работы и цели деятельности, общительности, владении предметом, а также желании обучаться и способности к этому. И в работе по передаче знания групповая работа основывается на индивидуальной работе, совместной работе и взаимодействии с другими. Хорошо действующая группа открыта — не беспроblemна, но проблемы решаются. Старший в ней — тренер. Его задача ни в коей мере не распределение работы и не мелочный контроль за деталями, но постановка целей, поиск решений и развертывание деятельности в сотрудничестве с другими членами команды. К задачам тренера команды относится также обеспечение взаимодействия между членами команды, одобрение и стимулирование.

Владение предметом — не статичное состояние, это весьма динамичная деятельность, нуждающаяся в постоянной тренировке. Передающие знание организации имеют успех лишь при условии приспособления к обстоятельствам также своей внутренней деятельности — обучении новому и предоставлении усвоенного другим, в развитии в качестве обучающей организации. Существенна общая картина деятельности, личная пригодность, ответственность и трудовой вклад,

сотрудничество, взаимная коммуникация и общие правила игры.

Овладение предметом как рабочий инструмент

Приведем далее два примера из нашей практики.

В Турку существует проект развития центральной библиотеки, который, кроме новостройки, включает капитальное обновление всей деятельности. Вместо традиционных отделов библиотека организует тематические отделы или отделы собраний, так что они образуют самостоятельные библиотеки со всеми их функциями и услугами. Библиотека рассматривается как центр знания в широком смысле этого слова, а библиотечная деятельность — как управление знанием. Здесь существенно расчленение знания и осмысление содержания.

С возрастанием знания, многосторонности материала и добавлением сетевой информации становится все более существенным, чтобы деятельность библиотек упорядочивалась с точки зрения нахождения и использования знания. Осколки знания надо упорядочивать так, чтобы у пользователей была возможность видеть предметы в целом и связи между предметами и таким образом выстраивать свою картину мира и строить свои догадки.

В отделах собраний персонал работает группами. Они ведают задачами всего отдела по формированию собраний и предоставлению их для внешних выставок, по предоставлению и поиску знания, по руководству пользованием, причем в сотрудничестве с другими группами, связанными со иной отраслью знания. В новых библиотечных центрах нет, например, отдела каталогов, а составление перечней материала происходит в отделах собраний. Это дает возможность библиотекарям оставаться в собственном круге материалов и распоряжаться всей его совокупностью. Предпосылкой работы в отделе является интерес к данной сфере знаний. В каждом отделе требуются спе-

циалисты по управлению информацией, ее передаче, по ознакомлению с нею и обучению, а также по управлению информационной техникой. Их подготавливают в выходящих за границы отделов группах повышения квалификации. Задачей каждого отдела собраний является забота о своей тематике, о передаче знания гражданам, но здесь действуют в тесном сотрудничестве с соседними библиотеками. Работающие в смежных библиотеках могут также принадлежать к кругу специалистов соответственно своему кругу интересов. Так они добавляют всей библиотеке компетентности и при этом приумножают свой собственный капитал. Это взаимодействие создает общий коллектив центральной библиотеки и прилегающих библиотек и поднимает их до уровня общегородской библиотечной сети.

Привыкание к коренному изменению культуры деятельности изменяет также принципы работы. Все задачи надо заново продумывать: что в библиотечной работе существенно и что ожидают от ее деятелей. В проект развития входит проект овладения предметом, «ноу-хау» персонала, центральная задача проекта — наметить предстоящие требования по «ноу-хау», овладению предметом в новой информационной обстановке, при новом делении на отделы и новой культуре деятельности.

На основе этой схемы мерил овладения предметом деятельности библиотек были конкретно определены в требованиях по владению предметом для библиотеки в целом и ее отделов. Так получилась многосторонняя и богатая картина того, какие капиталы нужны в библиотечной работе, и в каких сферах нужны новаторы и «тренеры». Отдельно определялись требуемые от каждого сотрудника основные умения. В проекте также посредством опроса сотрудников выяснялось, что каждый из них умеет делать в данный момент, какая новая подготовка по решению рабочих задач предполагается и вообще каковы их дальнейшие планы. При этом основным было намерение согласовать будущие требования организации и ожидания личности.

На вопросы об умении сотрудники отвечают совместно с начальником, и эти результаты используются для совершенствования работы отвечавшего, всего отдела и библиотеки в целом. Для достижения целей составляются личные планы обучения, о выполнении которых заботятся сами обучаемые. В личных планах обучения внимание акцентируется не только на обучении основным умениям, но и на развитии знания и умения, владения предметом, «ноу-хау» на всех его уровнях снизу доверху. При обучении используются разнообразные формы: традиционное обучение, смена заданий, наставничество и обучение других.

Библиотечная группа союза деятелей науки с середины 1990-х гг. обдумывала задачи научных библиотек и их ответственность за работу. Работа связывалась сначала с отдельными экспериментами различных платных структур, но позднее это самостоятельно и новаторски переросло в квалифицированную и многостороннюю рефлексию деятельности.

Результатом работы библиотечной рабочей группы является, в частности, брошюра «Работа специалистов по библиотечному и научному обслуживанию» (1999). В ней всеобъемлюще и детально описывается деятельность библиотеки: внутреннее устройство, работа по научному обслуживанию, обучение искусству поиска знания, каталогизация и работа по основам науки, работа с собраниями, работа с информационными сетями, коммуникативная деятельность, консультирование, маркетинг а также руководство. Группа по библиотечной работе продвинулась и в оценке повышения требований к качеству результатов труда и в определении условий, повышающих уровень его оплаты. В этой работе применен разработанный нами критерий умения и знания, владения предметом, с его помощью определены задачи специалистов в процессах поддержания, развития и создания нового и на основе этого определены критерии оплаты. Работа помогла членам рабочей группы овладеть сферой в целом, увидеть диапазон профес-

сионального умения и тем самым повлиять на соблюдение интересов профессионального сообщества.

Владение предметом как фактор успеха

В овладении предметом существенно то, что каждый член коллектива ощущает ход процессов и осознает роль своей деятельности в общем результате. Овладение предметом создает умение осознать сферы своего умения и знания и их пределы, а также понимание того, что кто-то другой это знает лучше. Следует также не бояться признаться в недостаточном знании какого-либо вопроса как коллегам, так и клиентам. Но на этом не следует останавливаться. Обучаясь новому, можно расширить границы своего владения предметом.

Когда именно благодаря овладению предметом библиотека добьется успехов, особенно очевидным станет то, что специалист в области коммуникации должен отвечать за организацию всей работы библиотеки в целом. Таким образом мы обращаем внимание на роль культурного капитала и социального капитала, подчеркивая, что компетентность в библиотечной сфере — это прежде всего коммуникативная компетентность.

Приключения записной книжки

На полке комиссионного магазина нам случайно встретилась записная книжка коммерсанта за 1935 г. В дверях магазина мы всё же отдали книжку девочке, которая в предыдущем магазине старых товаров купила две фотографии военных. Судя по одежде, фотография сделана во время зимней или второй мировой войны. Мы подумали, что интересующаяся прошлым ученица могла бы найти связь между этими свидетельствами микроистории.

Дневник оказался маленькой сокровищницей. Владелец записывал туда тщательнейшим образом ежедневные события. Со страниц записной книжки выступила

общественная активность писавшего, его общение с братишкой и с родителями, работа о них. В памятке были записаны прочитанные книги и просмотренные фильмы, а также названия кинотеатров и кафе. Чтение дневника повлекло нашу ученицу на улицу проследживать места событий и мир коммерсанта. Поскольку город с того времени очень изменился, она стала искать дополнительные сведения. История города и иллюстрированные издания давали картину общественной обстановки и городских строений.

Полученные таким образом ответы порождали новые вопросы, на которые она находила новые ответы. Собрание городской библиотеки предоставило ученице возможность путешествия во времени в 1935 г. Она нашла, к своему удивлению, в печатных документах дополнительную инфор-

мацию о владельце дневника, восстановила картину его трудового пути, последующей деятельности, связанной с его увлечениями, а также сведения о местах его жительства. В документах она находила и новые сведения, которые помогали ей понять владельца записной книжки и представить картину жизни того времени.

Дневник был утрачен его первоначальным владельцем и попал на полку комиссионного магазина. Понадобился любознательный человек, чтобы вдохнуть в него жизнь, культурный капитал, чтобы придать ему более широкий контекст, изображавшие город и время документы, а также эрудиция сотрудников местной библиотеки, чтобы безжизненная записная книжка могла подтолкнуть своего исследователя для выяснения увлекательной истории города.

Перевод *А. К. Молчанова*

ЧИТАТЕЛЬ И КНИГА: МАЛОИЗУЧЕННЫЙ АСПЕКТ ОТНОШЕНИЙ*

4 декабря 1734 года Жан Батист Симеон Шарден завершил свою картину «Философ за чтением»; в этом философе мы узнаем портрет художника Аведа, друга Шардена.

Сюжет картины и поза ее героя — мужчина или женщина, читающие раскрытую на столе книгу, — встречаются так часто, что даже образуют некую устойчивую форму художественного жанра интерьера. Композиция Шардена имеет средневековые прототипы среди иллюстраций рукописей: например, читающий святой Иероним или какой-то другой знаменитый читатель в иллюминированном тексте рукописи. Эта тема была популярна до середины XIX в., в качестве примера можно привести знаменитый этюд Г. Курбе «Читающий Бодлер» или многочисленных читателей О. Домье. Однако мотив читателя или читательницы доминирует в частной живописи в течение XVII–XVIII вв. и создает связь между великой эпохой голландских интерьеров и трактовкой домашних сюжетов классической французской живописи. Сам по себе и в своем историческом контексте философ, погруженный в чтение, является конкретным воплощением общего сюжета, осмысленного условным образом, хотя и созданного рукой мастера.

В этот распространенный сюжет художник не вносит по сравнению с общепринятой трактовкой никаких изменений. Тем не менее, картина Шардена — это «обычное» с точки зрения современности и кода нашего восприятия повествование — превосхищает революцию ценно-

стей почти каждой своей деталью и принципами построения.

Начнем с одежды. Философ, изображенный на картине, одет в официальную одежду, специально предназначенную для важных торжеств и церемоний. Мы видим на нем плащ и меховой ток (круглую шляпу с отворотами), на бархатной ткани которых мягкими матовыми переливами играет золотистый свет. Читатель напрасно пытается нам внушить, что он у себя дома: его меховой головной убор, форма и значение которого, вероятно, заимствованы у Рембрандта и представляют интерес с точки зрения истории искусства, вносит оттенок значения причастности к торжественной, почти геральдической церемонии.

Для нас, зрителей, важно то, что читающий философ общается с книгой не в обыденной одежде и небрежном виде, а одет с изысканной элегантностью и безупречностью именно для этого важного момента. Он одет специально для этого случая, чтобы своим видом привлечь наше внимание к системе ценностей и к ощущению взаимосвязанности «одежды» и «внутреннего усилия». Внутреннее усилие читателя перед актом чтения предполагает куртуазное отношение к книге. Чтение для него не является случайно или необдуманно начатым делом. Оно замышляется, планируется и рассчитывается заранее. Глядя на картину Шардена, осознаешь, что речь идет об общественно важной — почти куртуазной — встрече (читатель и книга) частного лица и одного из «великих гостей», о входе которых в жилище смертных говорит немецкий поэт И. К. Гельдерлин в своем гимне «Од-

* *Steiner George. Passions impunies. — Paris: Centre national du livre; Gallimard, 1996 (1997). — 325 p.*

нажды в мирный праздник» или о которых идет речь в одной из самых загадочных глосс С. Т. Колериджа в приложении к «Рифме старого моряка».

В тончайших оттенках заката читатель встречает книгу с почтительным восторгом в сердце (таков смысл слова куртуазия), с деликатностью, гостеприимством и с полной самоотдачей. Все говорит о том, что книга может располагать им полностью. Внешними символами этих чувств читателя являются красноватый цвет рукава из велъветина или бархата, меховые плащ и ток — атрибуты, с помощью которых художник раскрывает взаимоотношение читателя и книги средневековой эпохи.

Головной убор. То, что на философе надета шляпа, имеет особое значение. Этнографам судить, какой основной смысл между религиозными и ритуальными практиками, требующими от участника покрытия головы, и практиками, запрещающими ее покрывать. В еврейской и греко-римской традициях верующий в момент общения со священным текстом или с предсказателем (авгуром) должен покрывать свою голову. Так и у Шардена — читатель, как будто для того, чтобы лучше подчеркнуть священный характер общения с книгой или своей с ней встречи, покрывает голову. Подспудно — и в этом, без сомнения, чувствуется эхо Рембрандта — меховой головной убор заставляет вспомнить о головном уборе каббалиста или талмудиста, погруженного в поиски духовного пламени, зафиксированного в сюитинутном летучем образе слова. Меховое одеяние и головной убор читателя наполнены разными коннотациями о церемониале разума, восходящего к поиску смысла, который предписывает прорицателю одевать специальную — торжественную — одежду перед началом своих действий и который заставляет Просперо надевать свои придворные одежды перед началом толкования или написания своих непонятных текстов.

Песочные часы. На столе справа от читателя мы видим песочные часы. Еще раз

мы наблюдаем в картине традиционный мотив, настолько перегруженный значением, что исчерпывающий комментарий к нему вместил бы почти целиком всю историю западного восприятия творчества и смерти. Место, в которое помещает часы Шарден, указывает на связь времени и книги. Песок быстро скользит через узкое отверстие часов — течение, о котором Дж. Гопкинс сказал «финальный покой» в ключевом месте смертельного вихря «The Wreck of the Deutschland».

Но в то же время текст длится. Жизнь читателя измеряется часами, жизнь книги — тысячелетиями. Таков первый скандальный триумф, который провозглашает Пиндар: «Когда город, основание которого я праздную, погибнет, когда люди, для которых я пою, погрузятся в тень забвения, мои слова будут жить». Таков благоприятный суд времени, которому *exegi monumentum* Горация придал каноническое выражение, нашедшее свою кульминацию в гиперболе Малларме, предположившего, что объект универсума есть ничто иное как Книга, Книга в высшем смысле слова, Текст, который трансцендирует Время. Мрамор стирается, бронза деформируется, а письменное слово — на первый взгляд самое хрупкое из всех средств выражения — продолжает жить. Оно, письменное слово, живет дольше своего автора.

Г. Флобер также говорил о парадоксе: «В то время как я умираю, как собака, эта «шлюха» Эмма Бовари, мое создание, нацарапанное безжизненными буквами на клочке бумаги, будет жить». Доныне одни только книги превозмогли смерть и аккумуляровали главный импульс, движущий любым художником, любым артистом и нашедший точное определение в словах Поля Элюара «жестокое желание жить» («жестокое желание продлиться»).

На самом деле, книги могут переживать сами себя, вырываясь из смертной тени своего первичного существования (к примеру, переводы текстов живут, а оригиналов давно уже нет). В картине Шардена песочные часы имеют двойное

значение: иконическое изображение торы или цифра восемь — символ бесконечности, — точно и иронично характеризует отношения между краткостью жизнью (*vita brevis*) читателя и высшим искусством вечности (*ars longa*) книги. Пока читатель читает, его жизнь проходит. Его чтение является звеном в цепи перформативной последовательности, которая в буквальном смысле слова связывает — это слово заслуживает того, чтобы к нему вернуться, — момент соприкосновения читателя с материальной формой воплощенного слова и перехода этого материального слова в вечность посредством читательского восприятия (здесь: восприятие как понимание, толкование и передача последующим поколениям).

Так как форма песочных часов имеет двойное прочтение, их значение диалектично. Песок, текущий в стекле, говорит одновременно о природе письменного слова, бросающего вызов времени, и о небольшом временном промежутке, требующемся для его прочтения. Даже самый усидчивый из книжников может прочесть только малую часть из всей совокупности текстов мира. Тот не настоящий читатель, не «*философ, погруженный в чтение*», кто не знал ощущения бессильного раздражения и гипнотической зачарованности перед вереницей стеллажей с книгами и целыми библиотеками, погруженными в ночь, певцом которых был Х. Л. Борхес. И нет такого читателя, который бы не слышал в глубине души зова сотен тысяч, миллионов томов, спящих на полках Британской библиотеки и библиотеки Виденера (Widener) и требующих прочтения. Каждая книга хранит свою часть вызова, бросаемого молчанию, свою часть ставки в игре против забвения, которая может быть выиграна только тогда, когда книга прочитывается снова, но в отличие от человека, книга может ждать веками своего гипотетического воскресения. Всякий истинный читатель, следуя идее полотна Шардена, несет в себе повергающий в отчаяние груз «скольжения мимо» — удручающего воспоминания о стеллажах, торопливо пройденных, и о книгах, чьих корешков

пальцы лишь слегка коснулись в слепой спешке.

Добрую дюжину раз тайком проходил я мимо чудовищной истории Совета тридцати, написанной итальянским историком Паоло Сарпи в 1619 году (одного из основополагающих произведений для понимания эволюции политико-религиозного спора на Западе) или мимо многотомного собрания сочинений немецкого философа, представителя неокантианства Николая Гартманна в роскошном переплете. Никогда я не смог бы переварить 16 тысяч чрезвычайно интересных страниц дневника Анри Фредерико Амьеля, швейцарского философа и поэта XIX в. Его «Фрагменты из дневника» (Fragments d'un journal intime) были опубликованы в двух томах в 1883 году. Как мало времени в «библиотеке, которая является универсумом, олицетворением космологического представления о мире», следуя выражению в духе С. Малларме Х. Л. Борхеса.

Но закрытые книги вызывают к нам не меньше в своем таком же приглушенном, но настойчивом призыве, как и песок, который течет в часах. Пусть песочные часы являются традиционным символом Смерти, ее атрибутом в искусстве и аллегории на Западе; они подчеркивают двойное значение композиции Шардена: жизнь книги после жизни (после смерти автора), краткость жизни человека, без которой книга остается как бы погруженной во тьму. Здесь еще раз смыслы, заключенные в песочных часах и книге, взаимопересекаются таким образом, что в их взаимодействии отражается значительная часть нашей внутренней истории.

Теперь обратим внимание на три металлических диска, лежащих перед книгой. С полной уверенностью можно утверждать, что это — медали или бронзовые медальоны, которыми пользовались в качестве груза (противовеса) для удерживания страницы при чтении — в книгах большого формата страницы легко сминаются, а уголки поднимаются. Не будет надуманным, я полагаю, вообразить, что на этих медальонах изображены пор-

третью, гербы или девизы, потому что это всегда было естественной функцией нумизматического искусства начиная с Античности до монет или памятных медалей, которые выбивают в наши дни.

В XVIII веке, как и в эпоху Возрождения, скульптор или гравер использовали эти маленькие кружочки для того, чтобы сжать до миниатюрной формы и сделать выпуклым — в буквальном смысле слова — воспевание гражданской или военной славы, чтобы придать морально-мифологической аллегории выражение бессмертия в значении вечности и лапидарности.

В полотне Шардена мы также ощущаем присутствие второго основного семантического кода. До этого мы рассмотрели медальон с точки зрения взгляда на него, как на вещь, предмет, но он является также и текстом. Он восходит порой к самой древней Античности, которая как бы раскладывается в нем на слова и образы. Он не менее наполнен смыслом, чем книга, и может быть извлечен на свет, как и надписи, папирусы, свитки Мертвого моря, вырванные из долгого пребывания во тьме.

Одиннадцатый из «Гимнов торговле» (*Mercian Hymns*) английского поэта и писателя Дж. Хилла в совершенстве передает эту лаконичную текстуальность:

Монеты, такие же прекрасные, как монеты
Нерона;

доброй пробы и доброго веса.

Дар царя из звонкого серебра и имена их
монетчиков;

Они выбивали их с расчетливой
осторожностью

и могли изменить лицо короля.

Точность рисунка должна была бросать вызов подражанию — искажение в случае неудачи. Металлический эталон, созревший для торговли. Ценность немногочисленного народа, скребки грязи и подлости. Но «металлический эталон», весомость которого (в буквальном смысле слова) удерживает хрупкую, готовую смяться страницу, сам по себе, как говорит Овидий, эфемерен и недолговечен по сравнению со словами на странице.

Exigi monumentum: «Я воздвиг памятник, более долговечный, чем бронза», — говорит поэт (посмотрите, как А. С. Пушкин неподражаемо подхватил форму Горация) и, помещая медали перед книгой, Шарден вызывает ассоциации удивления первобытных людей перед парадоксом продолжительности жизни в слове. Эта живучесть, воплощением и утверждением которой является сама книга, есть одновременно центр композиции и источник света.

Переплетенный фолиант в его «одежде» (создает ощущение неуловимого со звуками с одеждой читателя. Об этом свидетельствуют формат книги и ее внешний вид. (Во времена Шардена, более чем вероятно, что in-folio был переплетен для своего владельца, девиз которого стоял на этом переплете.) В любом случае, это не предмет, который можно сунуть в карман, забыть его там или вытащить в зале ожидания аэропорта.

Расположение позади песочных часов другого in-folio позволяет думать, что философ погружен в чтение многотомного труда (8 томов непрочтенной обширной истории дипломатии Европы и французской революции Сореля меня преследуют). За правым плечом читателя можно заметить и еще одно многотомное издание.

Основные ценности, которые выражаются внешним видом и внешними признаками книги — массивность формата, принадлежность к частной библиотеке, великолепная сохранность переплета, — дают представление о жизни книги в священных одеждах.

Перо. На первом плане, рядом с песочными часами и медальоном мы видим перо, принадлежащее философу. Вертикальное положение пера и игра света на его оперении подчеркивают автономную функцию этого объекта и его роль в композиции. Гусиное перо вызывает в первую очередь ассоциации необходимости ответа, оно определяет чтение, как акт, как действие. Читать полноценно — значит отвечать на текст, войти с ним во взаимное общение, где ответ и ответственность являются взаимопересекающимися эле-

ментами. Читать полноценно — это значит войти в отношения взаимности, взаимного счета с прочитанной книгой, в отношении общего обмена (по словам Дж. Хилла — быть «созревшим для коммерции»).

Двойная фокусировка света на странице и на щеке читателя иллюстрирует восприятие, которое Шарден получает от первого факта: читать полноценно — это значит быть прочитанным тем, что мы читаем, это значит, вести особый счет. Респонзивность — этот устаревший термин — обозначал и продолжает обозначать в Оксфордском университете двойной процесс экзамена: вопросы преподавателя и ответы студента. Он в наивысшей степени подходит для обозначения комплексного единства различных этапов активного чтения, внутренне, на смысловом уровне, присущих перу.

Маргиналии. Перо служит для письменной фиксации сиюминутных откликов читателя на текст, знаком диалога, имеющего место между читателем и книгой. Активные маркеры непрекращающейся внутренней речи читателя — похвала, ирония, отрицание, преувеличение — сопровождают процесс чтения. По своей обширности и плотности организации маргиналии могут соперничать с самим текстом и иногда занимают не только поля, но и внутреннюю и внешнюю части страницы и пространство между строчками. В наших крупных библиотеках существуют контр-библиотеки, состоящие из маргиналий и маргиналий на маргиналиях, которые последовательные поколения читателей, то есть те, кто умеет читать, застенографировали, закодировали, нацарапали или каллиграфически, со множеством утонченных росчерков, старательно вывели над текстом, под ним и между строк. Маргиналии являются часто местами соединения эстетической доктрины и истории интеллекта (например, экземпляр Эврипида с пометами Ж. Расина). По правде говоря, иногда они составляют основной творческий акт автора, как, например, маргиналии С. Т. Колериджа.

Аннотация. Аннотация может также занимать внешние и внутренние поля страницы, но их природа отличается от природы маргиналий. Маргиналии соответствуют спору, диспуту как видам ученой беседы и импульсивной речи, порывистой и эмоциональной, они могут носить обвинительный характер по отношению к тексту. Аннотации, чаще всего пронумерованные, носят более общий характер, более формальный (организованный по форме), но не вспомогательный. При малейшей возможности они располагаются внизу страницы. Они освещают тот или иной пункт текста, параллельно или последовательно приводят мнения авторитетных авторов по данному предмету. В исходном положении автор маргиналий чаще всего является соперником читаемого текста, его оппонентом, а автор аннотации напротив, является служителем этого текста. Это служение находит свое самое непосредственное и необходимое выражение в использовании читателем гусиного пера для грамматико-орфографических исправлений и исправлений по сути.

Кто скользит по изъянам печатного текста (опечатки, неточности), не исправляя их, есть лишь обыватель; разумом и сердцем он нарушает основной закон чтения. В вековой традиции полноценного чтения заложена необходимость исправления читаемого текста — для того, чтобы последующий читатель не был введен в заблуждение. Такой процесс можно охарактеризовать как акт милосердия со стороны исправляющего текст: последующий читатель не должен страдать, «спотыкаясь» о текст. Если Господь, как утверждал Аби Варбург (*Aby Warburg*), «живет в деталях», вера гнездится в исправлении неточностей (опечаток).

Исправления по сути (исправления, относящиеся к содержанию) представляют собой процесс реконструкции подлинного текста — эпиграфической, просодической или пунктуационной, стилистической. Их цель состоит в отделении настоящей смысловой части текста от общего запутанного представления мысли,

в том, чтобы дать подлинник вместо апокрифа. Как проповедовал в своей статье от 1922 г. «Применение мысли к критике текста» А. Е. Гусман: «Наука и искусство приобретают больше от того, кто изучает, чем от просто впитывающего разума: *criticus nascitur, non fit*; и, в действительности, истина состоит в том, что они нам не преподаются». «Слияние обучения и чувственного восприятия, слияние с оригиналом и скрупулезная работа воображения, соответствующие истинному направлению, — утверждает Гусман, — встречается исключительно редко».

Ставки велики и двусмысленны: Теобальд смог получить — заработать — бесмертие, подсказав мысль, что Фальстаф умер: «*babbling of green fields*» — но правильно ли исправление? Издатель XX в., который заменил «*brightness fell from her hair*» на «*brightness falls from the air*» в тексте английского памфлетиста, поэта и драматурга Томаса Наппа (*T. Nash*), возможно, был и прав, но, без сомнения, он — в числе проклятых.

Картина Ж. -Б. Шардена представляет философа в тот самый момент, когда он намеревается переписать отрывки из книги, которую читает. Отрывки, которые он собирает выписать, могут представлять собой самые короткие цитаты или объемные пассажи. Умножение и распространение книг (письменных носителей) после изобретения И. Гутенберга придало больший количественный объем и разнообразие личным выпискам читателя. Клерк или дворянин XVI—XVII вв. зубрит свой алфавит, повешенный на стену, свой сборник цитат, личные «цветочки» (ассоциации с «цветочками» Франциска Ассизского), свой сборник максим (*formules de taffetas* — шелковые формы), нравоучений (сентенций), образцов красноречия или стилистических приемов классических мастеров и современных авторов. «Эссе» М. Монтеня являются вышивкой по живой ткани цитат, мысли которых — живое эхо прочитанного. Вплоть до конца XIX в. — свидетельством тому служат воспоминания мужчин и женщин, таких

разных, как Д. Г. Ньюмэн, А. Линкольн, Дж. Элиот, Карлейль, — молодые читатели и читатели со стажем имели обычаем выписывать в течение всей своей жизни длинные высказывания политиков, клятвы, страницы со стихами и прозой, энциклопедические статьи и повествовательные исторические главы. Это переписывание служило многим целям: усовершенствовать свой собственный стиль, наилучшим образом уложить в своей голове совершенно готовые примеры аргументации и убеждения, отточить точность памяти (кардинальный пункт!).

Но кроме всего этого, переписывание имело и сверхзадачу, пронизывающую все общение читателя с текстом, а именно, динамическое взаимодействие читателя и книги. Полное самопогружение в текст книги имеет результатом сумму всех разнообразных форм ответа читателя на книгу, на ее содержание: маргиналии, аннотации, исправления орфографии и исправления по сути излагаемого текста, переписывание (извлечения).

Взятые в целом эти виды ответа порождают продолжение прочитанного текста, порождают *стихиту* на тему прочитанной книги. Активное перо читателя пишет *книгу ответов*, реплику. Корень английского слова *reply* имеет два значения: 1) *response* — ответ и 2) *replication* — список. Этот ответ происходит от факсимиле — являющимся полным принятием текста — до его отрицания и контрпропозиции. (Многие книги служат как бы антителами по отношению к другим книгам.) Но основная истина заключается в следующем: в любом акте полного чтения дремлет идея дать письменный ответ на книгу, дать справку, комментарий к тексту. Интеллектуал (это совершенно просто) — это человеческое существо, которое читает с пером в руке.

Читатель Шардена, его in-folio, его песочные часы, его гравированные медальоны, его перо наготове — весь сюжет разворачивается в тишине. Как его предшественники и современники по художественной школе интерьеров, ноكتورнов и

натюрмортов, в частности на севере и востоке Франции, Шарден является виртуозом тишины. Ее присутствие в картине передается осязаемостью полноты и объема: посредством игры разнообразных тонов и полутонов света и текстуры материи художник придает тишине осязаемый вес. Тишина осязаема — плотная ткань скатерти и занавеса, толстая кладка стены, поглощающая звуки меховая опушка плаща и шляпы. Чтение у Шардена — это акт, происходящий в тишине и одиночестве. Тишина вибрирует, а одиночество наполнено жизнью мира. Между читателем и миром повседневной жизни, миром действительности (мир — ключевое, но размытое слово) как бы задернут занавес.

Необходимо было бы дать комментарий и к другим элементам живописи: перегонный куб и реторта, ко всему тому, что они привносят в понятие научного исследования, не считая их очевидной роли в композиции картины, — череп на полке, который является одновременно и классической принадлежностью кабинета ученого или философа, и, возможно, дополнительным образом, служащим для воплощения идеи человеческой смертности и длительности существования текста. Возможно взаимодействие (но у меня нет никакой уверенности на этот счет) между гусиным пером и песком песочных часов — песок как средство для высушивания чернил на только что написанной странице. Но даже беглый взгляд на основные элементы картины «Философ, погруженный в чтение» дает классическое видение акта чтения, которое мы можем проследить черта за чертой в искусстве Запада, начиная от средневековых изображений Святого Иеронима до конца XIX века, от Эразма Роттердамского (у аналоя или в певческом хоре) до апофеоза книги у Малларме.

Так что же такое акт чтения? Какие связи имеются между способами действия и ценностями, внутренне присущими конкретному полотну Шардена 1734 года? Мотив куртуазии, мотив церемониальной встречи читателя и книги, имплицитные

мый костюмом, в который одет философ Шардена, ныне столь удален от нас по времени, что почти невозможно его уловить. Если когда-либо в нашей современной жизни нам и удастся встретиться с подобным отношением, то это происходит именно в таких неизбежно архаичных ритуализованных действиях, как чтение священных текстов в церкви или торжественный — с покрытой головой — подход к Торе в синагоге. Ключ к пониманию нашего времени — это отсутствие формальности при подходе к книге, и потому чрезвычайно удачной представляется острога Менкена (Mencken): «Многие считают себя эмансипированными, в то время как они просто растегнуты», раскрывающая деритуализацию современного чтения. Изменения, касающиеся ценностей времени, имплицитных отведенным на картине Шардена местом для песочных часов, фолианта и черепа, гораздо более радикальны и гораздо более значимы, так что весьма затруднительно найти для них подходящее объяснение. Взаимоотношение между временем и словом, между смертью человека и парадоксом сверхжизни письменной речи, которое было основополагающим для великой культуры от Пиндара до Малларме (и как нельзя более ясно выраженным — центральным — в живописи Шардена), изменилось. Это изменение касается двух основных нитей классической связи — с одной стороны, автора и времени и, с другой стороны, читателя и текста. Вероятно, что современные авторы продолжают питать скандальную надежду на бессмертие, что они продолжают писать слова в надежде пережить не только свою персональную кончину, но и будущие века. Данный концепт — в своем столь же распространенном, как и техническом смысле — еще находит некий отзвук, хотя и с характерной переменной направления. Но даже если такие надежды и существуют, о них не говорят публично, а еще менее — объявляют о них на всех углах.

В наши дни демонстрация литературного бессмертия, связанного с именами

Пиндара, Горация и Овидия — в его бесчисленных повторениях в западных текстах — удручает. Само понятие славы («fama»), понятие литературной славы, приобретенной как вызов смерти или как отказ, смущает не большей дистанцией, чем та, которая отделяет стихи *exigui monumentum* от открытия Ф. Кафки о том, что умение писать — это проказа, это болезнь сродни раку, которую нужно скрывать от людей и света.

Однако именно пропозиция Ф. Кафки, какой бы амбивалентной и стратегической она ни была, характеризует наше восприятие происхождения и статуса (таких нестабильных, даже, может быть, патологических) произведений современного искусства. Когда Ж. П. Сартр заявляет, что самый живой из его литературных персонажей есть ничто иное, как набор семантических маркеров, набор произвольно подобранных букв на странице, он стремится навсегда демифологизировать убийственную мечту Г. Флобера об автономии жизни, жизни Эммы Бовари после его смерти. *Monumentum*: концепт и его коннотация («монументальность» как набор признаков, свойственных монументу) переходит в иронию. Этот пассаж, отмеченный лейтмотивом грусти в «This Scribe, My Hand» Бена Белитта, — навеян размышлениями автора над могилами Китса и Шелли в Риме «Пирамида Гестиуса» (*Pyramide de Cestius*):

Я пишу на посмертной дороге,
на поверхности могильной плиты
чернилами из карьера —
как и ты;
дата антологиста и астериск,
знак скорби в газе строителей пирамид,
obelisk,
вызывающий вихри Весп,
в отравленном параде машин.

Отметим верность выражения «посмертная дорога»: не — священная дорога к Парнасу, которую поэт-классик наносит на карту своих произведений и — в виде экзальтированного заключения — обозначает на ней место для себя самого. «Газ строителей пирамид (допускает вуль-

гарное толкование и как бы побуждает к нему — «теплый воздух строителей пирамид» — и... красноречивая бесплотность. Не пчелы Платона, несущие божественную риторику и помогающие поэту, а блестящие и мокрые от пота Веспы («осы»), чей ядовитый укус разрушает памятник поэта, в то время как технические ценности массовой культуры, которые осы воплощают собой, разрушают ауру его произведений. — Мы не рассматриваем больше тексты как отрицание личной смерти или как искусство мандарина. Все непредсказуемо, — как бы говорит Белитт.

Маньяк поджидает на улицах.

Никто не слышит.

Что мне делать?

Я пишу на воде.

Эта формула отчаяния заимствована Белиттом у Китса. Но она тут же будет им отвергнута посредством утверждения бессмертия Шелли в Адонае (*Adonais*) — отрицание, на которое надеялся Китс и которое некоторым образом предвосхитил. В наши дни эти отрицания или опровержения звучат приглушенно («газ строителей пирамид»). Читатель расплачивается за возвращение этого иронически окрашенного употребления слова отчаяния. Его не оставляет равнодушным идея о том, что книга, которая лежит перед его глазами, переживет его, что она одерживает победу над песочными часами и мертвой головой (*caput mortuum*) на полке, эта идея потеряла свою импедатность. Потеря охватывает всю тему предписания (*auctoritas*), диктующего норму правила, все, что вмещает в себя письменное слово.

Отнюдь не упрощенной представляется возможность идентификации классического идеала культуры и цивилизации с идеалом трансляции некоего текста (*syllabus*), с идеалом изучения сивиллиных или канонических текстов, властью которых последовательные поколения испытывали и оздоравливали свое поведение в жизни («краеугольные камни» М. Арнольда).

Греческий полис воспринимал себя в качестве органического передающего по-

средника принципов и воздействий, впитанных из предшествующего героико-политического наследия Гомера.

Ни в одном соединяющем его узле основной нерв истории и культуры Англии не может быть отделен от вездесущности в этой культуре и в этой истории Королевской Библии Джеймса (*King James Bible*), молитвенника *Book of Common Prayer* и У. Шекспира.

Коллективный и индивидуальный опыт нашел в гирлянде текстов свое отражение, зеркало (имеющее обязательный для исполнения характер). Исполнение норм, диктуемых текстом, было в полном смысле слова «книжным» (в картине Шардена свет падает на раскрытую книгу, и в то же время книга сама излучает свет).

Современные *literacies* имеют диффузный характер и выходят за рамки нашего исследования. Искать в книге директивы, указания предсказательного свойства — не более чем естественный рефлекс. Мы не доверяем предписанию (*autoritas*) — письменное слово или письменность его нам навязывают, поскольку ядром классического понятия «автор» является именно авторитарность, — как раз потому, что оно стремится к неподвижности. Не мы написали книгу, и даже самая интенсивная и трогательная встреча с ней есть лишь опыт другого человека. Именно здесь находится сердцевина проблемы. Наследие романтизма, отталкиваясь от непосредственных впечатлений, как бы пронизано яростным расцветом «Я».

Единственное и аналогичное предыдущему кредо жизненной спонтанности бытует со времени утверждения Вордсворта (*Wordsworth*) о том, что «порыв весеннего леса» значит больше, чем совокупность пыльных библиотек — по лозунгу возмущенных студентов Франкфуртского университета во время беспорядков 1968 г.: «Долой цитаты!».

Суть полемики времен заключается в борьбе двух идей — «жизнь жизни» против «жизни буквы», примата личного опыта и производности литературных эмоций, даже прочувственных самым глубоким об-

разом. Для нас выражение «книга жизни» — софистическая антиномия или клише. Для Мартина Лютера, который его употреблял в решающий момент своего перевода «Апокалипсиса», и, как мы это предугадываем, для читателя Ж. -Б. Шардена — это конкретная реальность.

Книга, как объект изучения, также изменилась. Редкий читатель, за исключением читателей библиотек крупных университетов или букинистов, имеет дело с фолиантами, над которыми размышляет читатель в картине Шардена. И еще реже встречаются те, для которых чтение этих книг — привычка. Кто в наши дни отдает в переплет свои книги? В самом формате и внушительном виде старинной книги — такой, какую мы видим на этой картине, — имплицитно задается идея частной библиотеки, стеллажей с книгами, пюпитров для чтения книг — в целом всего функционального пространства частной жизни Монтеня, Эвелина, Монтескье и Джефферсона. Это пространство, в свою очередь, создает четкий образ экономических и социальных отношений: между домашними (теми, кто стирает пыль с книг и натирает воском кожу переплета) и хозяином (который книги читает), между интимным святилищем философа — его кабинетом — и общей территорией (на которой семья и представители внешнего мира ведут свою обычную шумную жизнь «филистимлян»).

Ныне мы знаем очень мало примеров таких библиотек и еще в меньшей степени мы ими обладаем. Чаше — вообще не имеем. Ныне ушли далеко в прошлое вся экономика, вся архитектура привилегированных слоев общества — все, что вписывалось в акт чтения классической эпохи. Для того, чтобы увидеть бледный образец такой обстановки, который был когда-то действительным фоном великой книжной культуры, мы должны отправиться в Моргановскую библиотеку (*Morgan Library*) в Нью-Йорке или в одну из крупных библиотек Англии. В современном жилище, особенно у молодых людей, просто отсутствует место,

свободные стены для того, чтобы поставить в ряд на полке все эти in-folio, in-quarto или octavo omnia — тома, среди которых читатель Шардена делал свой выбор и которые составляли круг чтения философов прошлого. Действительно, приходится удивляться тому, что место, отводившееся раньше книгам, теперь занято полками с дисками и кассетами (замена чтения музыкой является одним из основных факторов и одним из самых сложных проявлений современного изменения западного мировосприятия). Если у кого-нибудь и есть — случайно — книги в доме в более или менее большом количестве, то это книги карманного формата. Вне всякого сомнения, «революция карманной книги» стала освобождающей и созидающей техникой, расширившей рамки доступа к литературе и сделавшей вновь доступными огромные поля материалов, иногда даже эзотерические. Но этот процесс имеет обратную сторону медали, и именно: карманное издание в материальном смысле эфемерно.

Собирать карманные книги не значит создавать библиотеку. По самой своей природе, карманное издание перед появлением на прилавке предполагает осуществление предварительного отбора из всего объема произведений, фиксирующего состояние литературы и мысли. Издание полного собрания сочинений одного автора в карманном формате либо совсем не встречается, либо имеет место чрезвычайно редко. Чаще всего среди этих книг можно найти лишь то, что диктует мода дня. Однако лишь тогда мы можем полностью узнать автора, — что и составляет подлинный акт чтения, — когда в нашем уединении мы склоняемся над его «неудачами» для того, чтобы создать свое личное впечатление, пусть и горестное, о его творчестве. Свернутая и засунутая в наш карман, затерявшаяся среди шума шагов в зале ожидания аэропорта карманная книга является, с одной стороны, чудом «упаковки», а с другой стороны, полным отрицанием широты формы и содержания того, что так ярко воплощено в картине

Ж.-Б. Шардена. «И я увидел в правой руке того, кто сидит на троне, свиток, запечатанный семью печатями». Можно ли вообразить карманную книгу, запечатанную семью печатями?

Следы чтения. Очень часто мы подчеркиваем фрагменты текста, особенно если мы исследователи или торопливые критики. Иногда мы выцарапываем условный знак на полях, но маргиналии к тексту (в смысле Эразма или Колериджа) пишем очень редко, а уж полно и тщательно его аннотировать перестали совсем. В наши дни лишь эпиграф или пометка опытного библиографа могут дать направление в осмыслении текста.

Специалист по текстологии смотрит на текст, как на живое присутствие, чья способность к жизни продолжается. Блеск содержания книги и ее понимание зависят от активного взаимодействия с читателем.

Кто в прежние времена не взялся бы за перо, чтобы исправить самую невинную ошибку в старой книге! Ныне же неправильности, погрешности стиля и просто орфографические ошибки, изобилующие в известных современных изданиях, не выправляются, увы, никем. А кто из нас даст себе труд переписать для личного пользования или для тренировки памяти целые страницы текста?

Память — это стержень и основа культуры. Ответственность по отношению к тексту, его понимание и критический ответ автору — так, как они понимались в классическую эпоху, когда составляли «акт чтения», — целиком зависят от «искусства памяти». Представители культуры прошлого — люди, образованные в соответствии с традицией классической античности, вплоть до Первой мировой войны заучивали целые тексты на память. Они знали наизусть значительные по величине фрагменты из Священного Писания, церковной службы, отрывки из исторических сочинений и произведений лирической поэзии. Способность цитировать Священное Писание, приводить по памяти большие отрывки из Гомера, Вергилия или Овидия, немедленно откли-

каться на цитату из Шекспира, Милтона или Попа породила разделенную текстовую культуру — культуру-эхо, культуру узнавания и интеллектуального и эмоционального отклика на известные тексты. На этом строится язык политической жизни, юриспруденции и художественной литературы Великобритании, всей Европы. Знание наизусть латинских источников, Лафонтена или Расина, звонкой поэзии Гюго создало ткань французской общественной жизни с ее риторическим акцентом.

Классический читатель, как, например, у Шардена, помещает читаемый текст в сеть резонансов. Эхо отвечает на эхо, аналогии точны и сопряжены, исправления написания и содержания направлены предшествующим опытом чтения, о котором читатель хранит точное воспоминание. Читатель отвечает на прочитанный текст, постоянно работая в насыщенном и хорошо организованном пространстве своих референций и своей памяти. Не удивительно, что древние соотносили память и способность к открытию и изобретению с одной музой.

Атрофия памяти — признак современной культуры. Она — доминирующая черта воспитания, образования и культуры второй половины XX века в целом. Большинство из нас более не способно идентифицировать, а еще менее — цитировать центральные отрывки из Библии или классических произведений, которые являлись не только подтекстом всей западной литературы (от Кекстона до Роберта Лоуля вся английская поэзия несла в себе имплицитное эхо предшествующей лирики), но и основой наших законов и общественных учреждений. Ныне для нас закрыты самые элементарные аллюзии на греческую мифологию, на Ветхий и Новый Заветы, на произведения классиков, на древнюю и европейскую историю...

Элементы текста несут, как минимум, жизнь, отягощенную бесконечными сносками внизу страницы. Идентификация фауны и флоры, литургические тексты,

понимание символики времен года — как это продемонстрировал К. С. Леви — в значительной степени обуславливают самое элементарное понимание поэзии, драмы и западного романа от Боккаччо до Теннисона, но все это доступно отныне только специализированному знанию.

Мы больше не заучиваем наизусть. Внутренние пространства текста стали немыми или их загромоздили всевозможные пустяки с трескучими голосами. Не требуется больше от студента, даже хорошо подготовленного, отклика на название «Lucidas» Милтона, объяснения, что такое эклога, узнавания у Вергилия и Спенсера хотя бы одной из аллюзий и реплик на Горация, придающих первым четырем спискам поэмы их смысл и смысл их смысла.

Чтение — это тишина. Усилия памяти могут быть плодотворными только тогда, когда царит тишина, столь ощутимо выраженная в картине Шардена. Учить наизусть, старательно переписывать, читать, погружившись в книгу полностью, означает хранить молчание и быть погруженным в тишину. На той ступени цивилизации, на которой ныне находится западное общество, такая тишина неизбежно обречена стать роскошью.

Будущим историкам развития человеческой мысли (историкам менталитетов) предстоит измерить колебания поля нашего внимания, степень рассеяния и концентрации, связанных с простым и неизбежным фактом «перерубания» мыслительного процесса телефонным звонком. Лишь очень немногие среди нас принимают в ответ стоическое решение не откликаться на навязываемую чужую волю. Большинство предпочитает эфемерную связь по телефону работе мысли.

Совершенно необходима история шумовых уровней воздействия, история уменьшения естественного количества тишины — и не только ночной, а той, которая окружала философов прошлого. Недавние исследования в США выявили, что около 75% подростков читают на фоне звукового шума (радио, кассетники, телевизор за спиной или в соседней комнате).

Все чаще и чаще молодые — и даже взрослые — люди признают себя неспособными к чтению более или менее серьезного текста без организованного звукового фона.

Мы еще слишком мало знаем о том способе, с помощью которого мозг интерпретирует и интегрирует одновременные противоречивые стимулы, чтобы дать объяснение действительному воздействию такого электронного сопровождения на центры внимания и концептуализации, задействованные во время чтения. Но и то, что мы знаем, достойно по крайней мере сожаления и достаточно для выдвижения предположения о том, что способность к точному пониманию, воспроизведению и энергичному ответу, которые связывают наше существо с книгой, в значительной степени ослабла. Мы имеем тенденцию — в совокупности с тенденцией к дальнейшему уменьшению систематического чтения — стать теми, кем никогда не был философ Шардена — читателями по случаю.

Современное общество — это система, в которой определенное число ценностей или форм имплицитного восприятия, запечатленного на полотне Шардена, еще играет свою роль; здесь продолжают читать классиков со страшным (пугающим) вниманием; здесь средствами массовой информации оспаривается приоритет у письменного слова; здесь школьное образование и цензурный диктат приводят к постоянному забыванию и передаче текстов от памяти к памяти.

Раньше книжное общество — в изначальном смысле этого слова — строило свою судьбу, постоянно опираясь на канонические тексты, исторический смысл которых был одновременно столь доказателен и столь волнителен, что общество мобилизовывало всю действующую индустрию на историческую фальсификацию. Стремление представителей Ренессанса, эпох классицизма и романтизма копировать античные образцы не давало полно-

го воплощения античных идеалов, а было лишь их фальсификацией...

Суть полного акта чтения заключается, как мы видели, в динамическом взаимодействии читателя и текста, в ответе читателя на текст и в его ответственности за жизнь текста. Каким бы вдохновенным ни был текст, он не имеет значения, если он не прочитан. (Есть ли хоть искра жизни в молчащей скрипке Антонио Страдивари, если она больше не играет?) Истинный читатель поддерживает с книгой отношения созидания. Книга нуждается в читателе, как и он в книге: равенство доверия составляет точную суть композиции Шардена.

Именно в самом конкретном смысле слова каждый акт подлинного чтения, каждое «завершенное чтение» — это формула, с помощью которой Ш. Пеги в своих «Диалогах об истории и языческой душе» (1913 г.) определяет истинную книжную культуру. «Завершенное чтение» — это по меньшей мере истинное, настоящее, действительное завершение текста, реальное завершение произведения, как коронация, как главная и особенная милость. Это некое сотрудничество, имплицитное сотрудничество, а также внутренняя, самая высокая — высшая — ответственность. Это чудесная и почти пугающая судьба — еще сегодня столько великих людей прошлого могут найти свое завершение, окончание и коронование в нашем акте чтения! Какая пугающая ответственность для нас! Действительно, какая пугающая ответственность, но также — какая неизмеримая привилегия знать, что продолжение жизни литературы, даже самой великой, зависит от «завершенного чтения», от «честного чтения», знать, что этот акт чтения ты не сможешь оставить в удел специалистам, напоминающим китайских мандаринов.

Но где же мы найдем истинных читателей, читателей, умеющих читать? Выход только один — их нужно формировать.

ПРОГРАММА «ОТКРЫТЫЙ МИР» — ДЛЯ РОССИЙСКИХ БИБЛИОТЕКАРЕЙ

Наталья Владимировна Колтакова — зам. директора по науке, БАН

Программа «Открытый мир», финансируемая конгрессом США, начала осуществляться совсем недавно, но имеет уже свою историю. Первоначально она была известна как Российская программа лидерства, целью которой явилась поддержка российского лидерства и российско-американского сотрудничества. Идея создания программы принадлежит директору Библиотеки конгресса США доктору Джеймсу Биллингтону. С 1999 г. более 4000 тысяч российских лидеров различных сфер деятельности посетили США в качестве участников программы.

В 2003 г. в рамках этой программы запланировано участие около двухсот российских библиотекарей. Первая группа, в количестве 40 человек, принимала участие в программе с 22 января по 3 февраля. Все участники были распределены в малые группы по 4 человека. Программа пребывания была поделена на 3 этапа: 2 дня (Вашингтон) семинар в Библиотеке конгресса; 4 дня (Филадельфия) зимняя конференция Американской библиотечной ассоциации; 4 дня — индивидуальная программа в разных городах.

Посещение Библиотеки конгресса, а также участие в работе Американской библиотечной ассоциации (АБА) — это значительные события в жизни любого американского библиотекаря, а тем более библиотекаря из России.

Основная цель семинара, проходившего в Библиотеке конгресса, — знакомство с основными направлениями деятельности и программами американских библиотек. Большую озабоченность американских библиотекарей в настоящее время вызывает проблема доступа к информации. Эта тема являлась одной из основных и в работе АБА в Филадельфии. Позицию американской библиотечной общественности доложила на семинаре в Библиоте-

ке конгресса Дж. Жайа Бэрретт, заместитель исполнительного директора Ассоциации исследовательских библиотек. В ее сообщении «Информированное общество: доступ к информации» определены принципы «равного» доступа к информации. Один из основных постулатов — доступ к информационным ресурсам должен быть беспрепятственным, независимым от формата представления и расположения оборудования, библиотеки должны обеспечивать альтернативные подходы, методы и средства доступа к информации. На первый взгляд — здесь и нет особой проблемы. Но после 11 сентября взгляд на информацию, а вернее, на беспрепятственный доступ к ней, изменился. Американским библиотекам пытаются навязать критерии доступа к информации, что, несомненно, подрывает демократические свободы. Одним из действенных способов отстаивания демократических прав американские библиотекари считают общение с представителями власти. В течение 26 лет один раз в год библиотекари приезжают в Вашингтон и имеют возможность непосредственного общения с конгрессменами. На таких встречах удается решать вопросы не только библиотечного строительства, но и демократизации жизни. Такое взаимодействие — несомненный успех библиотечной общественности США.

На семинаре в Библиотеке конгресса нас познакомили с одной из самых передовых и динамично развивающихся программ — виртуальной программой «Спроси библиотекаря». Координатор цифрового проекта Библиотеки конгресса Линда Вайт рассказала о больших успехах, а также больших надеждах этого проекта. С 1990 г. Библиотека конгресса предоставляет читателям доступ в Интернет, ежедневно регистрируется боль-

шое количество новых читателей, которые могут получать информацию виртуально. На сайт «Спроси библиотекаря» ежедневно заходят 2 млн. человек. В США фактически функционирует распределенная виртуальная справочная служба. Причем чаще всего ответы библиотекарей в этой службе носят фактографический характер. Мнение о том, что библиотекарь в Америке — человек, который может найти ответы на все вопросы, — подтверждается ежедневной библиотечной практикой и огромной активностью американских библиотекарей. Успешную работу программы «Спроси библиотекаря» нам удалось наблюдать в различных библиотеках разных штатов, где мы проходили стажировку.

В Филадельфию на конференцию Американской библиотечной ассоциации прибыло более 15 000 библиотечных специалистов из различных штатов Америки. На протяжении четырех дней мы участвовали в работе ряда секций. Для меня был очень полезен и интересен семинар активно развивающейся компании «J Store». Огромное впечатление произвела на всех нас выставка. Информация, которую мы там получили, действительно бесценна.

После Филадельфии мы разъехались группами по различным городам и штатам. Группа, в которую я входила, в основном состояла из организаторов научной и библиотечной деятельности в крупных научных библиотеках. Для нас специально была составлена программа стажировки в Rutgers Университете, г. Нью-Брансвик, штат Нью-Джерси. Библиотечная школа в Rutgers в рейтинге научных школ США занимает первое место. Руководила нашей стажировкой Бетти Турок — личность легендарная в библиотечном мире США, бывший президент Американской библиотечной ассоциации, ныне активно действующий член правления АЛА, а также профессор в Rutgers. Место стажировки также было выбрано не случайно. Rutgers Университет по праву считается одним из лучших в США.

В нем обучаются более 48 000 студентов. Университет включает двадцать девять факультетов: пять расположены в Камдене, восемь в Ньюарке и шестнадцать в Нью-Брансвике.

Rutgers имеет уникальную историю. Дипломированная в 1766 г. как Колледж Королевы школа открыла двери в Нью-Брансвике в 1771 г. В течение этого раннего периода колледж развивался как классическое либеральное учреждение искусств. В 1825 г. название колледжа было изменено на Rutgers в честь прежнего опекуна и Ветерана гражданской войны полковника Генри Ратгерса.

Колледжу Rutgers присвоили университетский статус в 1924 г., а законодательные акты 1945 и 1956 гг. закрепили за ним статус Государственного университета Нью-Джерси. Сегодня Rutgers продолжает развиваться в направлении разнообразия и глубины образовательных программ и исследований. Цель Университета — подготовка молодых специалистов самого высокого уровня, а также поддержка дипломированных специалистов для выполнения выдающихся исследований.

Школа коммуникаций, информации и библиотечных исследований в Rutgers была создана в 1982 г. в результате слияния Высшей школы библиотечных и информационных исследований (основана в 1953 г. как Высшая школа библиотечного обслуживания) и Школы исследования коммуникаций, включающей отделения коммуникаций, журналистики и масс-медиа. В настоящее время Школа является лидером среди университетов США в развитии и внедрении новых информационных технологий, в сфере получения и передачи информации. Школа предлагает несколько программ обучения — от бакалавра до получения докторской степени, а также по различным специализациям. Получение, как мы бы сказали, базового высшего образования сначала происходит на одном из трех факультетов: 1) коммуникаций, 2) журналистики и медиа-исследований, 3) информационных технологий и информатики. Студенты, а также специалисты с высокой

мотивацией в профессиональном развитии и карьерном росте продолжают свое обучение на другой ступени по следующим программам: «Исследования в области коммуникаций и информации»; «Исследования в области библиотечного дела и информации»; «Профессиональное развитие».

Нас познакомили со всеми учебными программами и с рядом научных исследований, которые ведутся в библиотечной Школе коммуникаций и информации. Мы приняли участие в нескольких семинарах, посвященных:

- развитию новых информационных технологий,
- развитию средств связи и коммуникаций,
- поиску и обработке информации,
- созданию электронных библиотек.

Во время пребывания в Rutgers мы посетили несколько библиотек различного уровня: Венгерского фонда, университета Rutgers, штата Нью-Джерси, Вустбриджа штата Нью-Джерси.

В каждой из библиотек проходили встречи с руководством и членами попечительских советов и ассоциаций, знакомство с технологией работы библиотеки, были организованы специальные семинары, а в городской библиотеке штата Нью-Джерси прошел обучающий тренинг. Кроме того, всем были предоставлены различные дополнительные материалы о библиотеках, их структуре, бюджетах, штатах и планах по развитию. Более подробные материалы о библиотечных программах и исследованиях нам обещали прислать ведущие библиотечные специалисты Rutgers, их мы обязательно опубликуем на страницах нашего журнала.

Поездка в США познакомила и объединила специалистов библиотечного дела из различных регионов России. Я надеюсь, что кто-то еще из участников программы «Открытый мир» поделится с нами своими впечатлениями о поездке на страницах журнала «Петербургская библиотечная школа».

ФИЛАДЕЛЬФИЯ: ВПЕЧАТЛЕНИЯ О ГОРОДЕ И ЗИМНЕЙ КОНФЕРЕНЦИИ АМЕРИКАНСКОЙ БИБЛИОТЕЧНОЙ АССОЦИАЦИИ

Ирина Викторовна Филаткина — зам. директора
Дальневосточной государственной научной библиотеки

В январе 2003 г. в качестве участников программы «Открытый мир» нам посчастливилось принять участие в зимней конференции Американской библиотечной ассоциации (АБА), которая проходила в Филадельфии.

Филадельфия — один из крупнейших промышленных, торговых, транспортных, финансовых и культурных центров США. Город был основан в 1682 г. У. Пенном как поселение квакеров. В XVIII веке в нем была сосредоточена культурная жизнь английских

колоний в Северной Америке. Жители Филадельфии активно участвовали в войне за независимость 1775–1783 гг. Именно здесь проходили заседания I и II Континентальных конгрессов, приняты Декларация независимости 1776 г. и Конституция США 1787 г. Интересно, что до 1800 г. Филадельфия была столицей США. Сегодня Филадельфия — второй по величине город на восточном побережье и пятый по величине в США. В городе 5 университетов, в одном из них есть библиотечное отделение. Город сейчас на-

ходится на новом этапе своего развития. Открываются магазины, рестораны, реставрируются памятники, и он становится притягательным для туристов, так как в нем сплошь встречается с настоящими.

Наша уютная гостиница находилась в исторической части города, план которого был разработан при участии У. Пенна. Строго прямоугольная сеть улиц, квадратные площади. В центре — здание ратуши. Вокруг нее высотные дома. Старый город сохранил здания XVIII в. Выкроив пару часов свободного времени, мы проехали по этому действительно замечательному городу на маленьком экскурсионном автобусе, который целый день ездит по специальному маршруту, предлагающему осмотр наиболее привлекательных мест города. Купив билет за 4 доллара, можно выходить на любой остановке, не спеша знакомиться с достопримечательностями и продолжать поездку на другом автобусе. Интервал движения между ними 10–15 минут.

Нам удалось познакомиться с Музеем искусств и его уникальной коллекцией картин. Из-за нехватки времени мы пробыли там всего один час, получили лишь общее представление, но каждый мог выбрать для себя то, что ему действительно хотелось посмотреть. С удовольствием рассматривали картины импрессионистов, в том числе знаменитые подсолнухи Ван Гога. Любопытно было познакомиться и с современным искусством Америки. В воскресенье вход в музей бесплатный, но принято оказывать благотворительную помощь музею. Всем, кто эту помощь оказывал, выдавали специальный значок, который можно было прикрепить к одежде. Нашей группе было приятно осознать, что и мы, российские граждане, внесли свой посильный вклад в поддержание и развитие культуры США, оказав благотворительную помощь музею.

В Филадельфии много красивых мест: мост через реку, самая узкая улочка, по которой можно ходить только пешком, морские корабли и парусник на приколе без парусов. Китайский квартал с настоящими китайскими воротами, магазинами сувениров и китайскими рестораничками, в которых мож-

но хорошо и недорого пообедать и не только попробовать традиционные китайские блюда, но и получить мудрое наставление на маленьком листочке бумаге, запеченном в тесто. Нам, например, попались такие: «Будешь спотыкаться, прежде чем научишься ходить», «Вас не найдут», «Просветление наступает медленно, будьте терпеливы», «Самое важное заключается в мелочах».

Главным событием культурной и научной жизни города в эти дни была зимняя конференция Американской Библиотечной Ассоциации и выставка. Конференция проходила в здании Центра конференций «Пенсильвания», расположенном в самом центре города и занимающем огромную площадь. В течение четырех дней оперативно издавалась специальная многостраничная газета, в которой освещались события каждого дня. В первом номере была помещена статья, в которой сообщалось о том, что 62 русских библиотекаря с пользой для себя могут провести время своего визита в США, 50 из них (фактически 48 — это мы) — участники программы «Открытый мир», 12 — другая группа, которая приехала познакомиться с электронными технологиями. В статье было обращение ко всем участникам конференции: «Пожалуйста, поприветствуйте своих русских коллег, если вы их увидите». Общее число участников поражало воображение — 14 тысяч, и многие из них тепло нас приветствовали.

Некоторые мероприятия конференции проводились также в специальных помещениях при гостиницах, между которыми постоянно курсировали специальные автобусы, и участники конференции могли с максимальными для себя удобствами посетить несколько мероприятий. А их действительно было много: собрания, симпозиумы, авторские форумы, дискуссии, встречи, презентация программ и технологий, пресс-конференция. Остановимся на некоторых событиях конференции. Интересно, что она началась с собрания, посвященного сохранению американских библиотек. Американские библиотекари постоянно привлекают внимание правительства и общественности к этой проблеме (например, на выставке

были представлены значки с надписью «Сохраним американские библиотеки»).

Был проведен симпозиум OCLC (Онлайн-новый компьютерный библиотечный центр), на котором рассматривались перспективы развития электронной библиотеки: от проектов к программам. Эта проблема обсуждалась не один день, в частности ей были посвящены дискуссия «Сотрудничество и электронные технологии. Применение в реальном мире» и сессия «Пользователи поисковой системы FirstSearch при OCLC», особое внимание на которой уделялось WorldCat.

Специально для нашей делегации была устроена встреча с библиотекарями-славистами. Одна из сессий конференции была посвящена проблеме «Частная жизнь и конфиденциальность в современной библиотеке».

Интерес участников привлек авторский форум, в рамках которого прошли встречи с известными писателями. Одна из них — Дава Собел — обладательница различных престижных премий, таких, как премия Американской академии искусств и литературы, «Книга года» в Англии, французской и итальянской премий. Ее книги «Письма отцу» и «Дочь Галилея» стали бестселлерами и переведены на 20 языков мира. Известная писательница читала лекции в Клубе исследователей, в Центре космических полетов NASA, в библиотеке Шекспира и Нью-Йоркской публичной библиотеке, в Королевском географическом обществе в Лондоне. Она принимала участие в многочисленных радио- и телепрограммах.

Большой зал не смог вместить всех желающих, когда президент АБА М. Фридман представлял свою президентскую программу. Были также проведены дискуссии «Интеллектуальная свобода», «Мир ценностей», прошло награждение за лучшие детские книги.

Специально для новых членов АБА в гостинице Мэрриот был проведен ориентационный семинар, на котором нас познакомили с деятельностью этой организации, был проведен круглый стол новых членов АБА, с приветственным словом выступил президент М. Фридман. Американская библиотечная ассоциация — первое в мире профессиональное объединение библиотекарей, старейшая ассоциация мира. Она была создана в 1876 г. Ассоциация имеет высокий авторитет, который является результатом ее активной деятельности во всех областях библиотечного дела.

Выставка объединила 800 выставочных павильонов, 425 продавцов воспользовались удобным случаем, чтобы не только показать свои товары, но и продавать их участникам конференции. На огромной площади выставочного зала участники могли познакомиться с новыми технологиями, продукцией многочисленных издательств, производителей компьютерной техники, канцелярских товаров, мебели, программного обеспечения.

Участие в программе «Открытый мир» дало нам возможность установить профессиональные и дружеские контакты, обменяться опытом, найти точки соприкосновения в решении профессиональных проблем.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПАРИТЕТ»

ИЗДАТЕЛЬ И ЧИТАТЕЛЬ

Римский писатель Теренций Мавр еще в III веке заметил: «Книги имеют свою судьбу, смотря по тому, как их примет читатель». Действительно, среди множества книг, изданных на протяжении всей истории человечества, случались и «однодневки», написанные на злобу дня, были книги, отвечавшие умонастроениям лишь одного поколения, и только некоторые из них пережили века. Но все они имели своего читателя.

Об этом невольно задумываешься, разглядывая многоцветье обложек на книжных прилавках. Чего здесь только нет! Детективы и фантастика, «женские» романы и философские трактаты, сказки и поэтические сборники, научные труды, учебники, кулинарные рецепты и т. д. и т. п. И за каждой из этих книг — будущий читатель со своими вкусами, потребностями, ожиданиями...

Издатель — это посредник между автором и читателем. Он может пойти на поводу у покупателя своих книг, приспособившись к меняющимся читательским запросам, а может, наоборот, предложить читателю свою программу, опирающуюся на знание реальных читательских потребностей и собственное представление о некоей просветительской, воспитательной задаче, которую он, издатель, берется решить. Что лучше? Что, если угодно, выгоднее в перспективе?

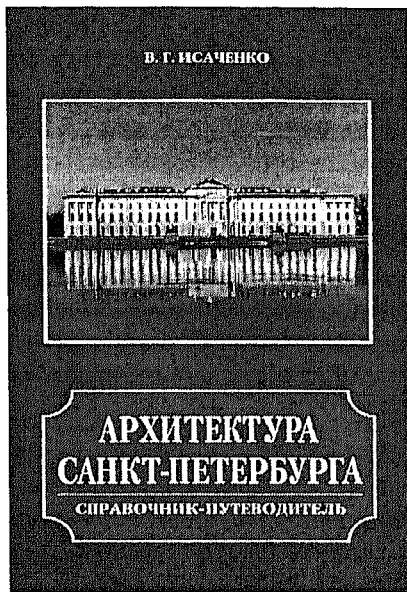
В первые годы издательского бума (начало 90-х годов прошлого века) многие издатели в поисках своего пути, своей ниши на книжном рынке брались за выпуск книг самой разной тематики. Такая «универсализация» нередко отрицательно сказывалась на уровне редакционной подготовки и художественного оформления изданий. Со временем, однако, этот первоначальный издательский «бульон» отстоялся, приняв

более организованные формы. Многие издательства стали специализироваться на выпуске книг определенной тематики, адресованных «своему», хорошо изученному читателю. Это придает книгоиздательскому процессу определенную стабильность, позволяет привлекать к сотрудничеству квалифицированных авторов, редакторов, оформителей, разрабатывать перспективные планы на несколько лет вперед.

Примерно такой путь прошло издательство «Паритет», основанное в 1992 году. Начинало оно с выпуска переводных «женских» романов, которые расходились достаточно быстро, имели широкую читательскую аудиторию. Наряду с этим издавалась русская классика — книги, к оформлению которых привлекались известные петербургские художники. Именно работа с классической литературой, недостаток которой остро ощущали библиотеки, в первую очередь школьные, с одной стороны, и насыщенности книжного рынка переводными изданиями — с другой, подтолкнули руководство «Паритета» к мысли о необходимости выбора нового курса.

Уже в середине 90-х годов издательство начало разрабатывать свою программу выпуска учебной и научно-популярной литературы, ориентированной на школьников. И хотя в тематическом плане «Паритета» и ныне существуют книги различной тематики (прикладного характера, по искусству, разговорники на разных языках, исторические исследования и т. д.), все большее место в нем занимают учебные пособия, справочники и словари, научно-популярные издания, адресованные школьникам, учителям, школьным методистам, родителям.

Темы многих книг появились в результате деловых встреч со школьными пре-

подавателями, библиотекарями, методистами, учащимися школ, лицеев, гимназий. В частности, именно по просьбе учителей-предметников появилась серия пособий «Поурочное планирование», рабочие тетради для школьников по различным учебным дисциплинам и ряд других изданий.

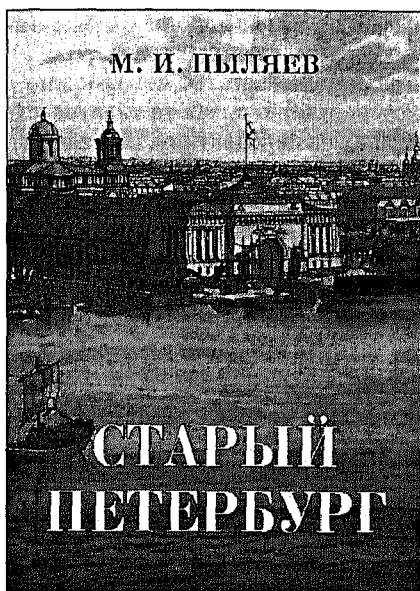
С выходом книги работа над ней не заканчивается. В читательских откликах, во время обсуждений в педагогических коллективах, на презентациях новинки звучат замечания, пожелания, предложения, которые, как правило, учитываются при подготовке переиздания или новых книг, в развитие затронутой темы. Такая обратная связь позволяет издательству «держатъ руку на пульсе» своего читателя, чутко реагировать на его запросы и потребности.

Приступая к разработке какой-либо темы, издательство стремится выпустить не одну, а серию книг, составляющих единый завершённый цикл. Так создавались учебные пособия «Русская литература XIX века», «Русская литература. Конец XX века», охватывающие практически весь школьный курс литературы. К этим книгам относится и пособие «Образ Петербурга на уроках литературы», в кото-

рое включен не только анализ произведений, посвященных городу на Неве, но и различные формы проведения уроков, которые развивают у ребят умение при разборе литературных текстов сопоставлять их с личными впечатлениями, давать самостоятельную оценку творчеству писателей.

Особое место в репертуаре издательства «Паритет» занимают книги по краеведению: о Санкт-Петербурге и пригородах; памятниках архитектуры, садово-паркового искусства и монументальной скульптуры; об истории города и его современной жизни; путеводители, в том числе: Г. Бунатян. «Петербург за 3 дня»; Г. Бунатян, В. Лавров. «Пригороды Санкт-Петербурга» и др. К 300-летию города будет высока востребованность подобных изданий.

В этом ряду наиболее удачными оказались книги, составившие своеобразную трилогию: «Санкт-Петербург. Занимательные вопросы и ответы», «Санкт-Петербург. XX век. Что? Где? Когда?» и «Пригороды Санкт-Петербурга. Вопросы и ответы». В подготовке сборников принимали участие профессиональные литераторы, архитекторы, искусствоведы, ис-

торики, краеведы, работники музеев и коммунальных служб города. Книги построены в форме викторин, что позволяет пробудить в читателе интерес неожиданной постановкой вопроса, заострить его внимание на той или иной детали, показать в обычном, примелькавшемся, необычное и т. д.

Как особую заслугу издательства читатели отмечают включение в эти книги информации о современном городе, которая практически отсутствует в других изданиях. То же относится и к справочнику-путеводителю В. Г. Исаченко «Архитектура Санкт-Петербурга», где наряду с исторической частью города значительное место уделяется архитектуре XX века, в течение которого были возведены новые районы, по территории в пять раз превышающие площадь «традиционного» Петербурга.

Подготовка подобных изданий требует прежде всего большой организационной работы на предварительном этапе, изучения запросов будущих читателей, но затраты окупаются сторицей.

В 2002 г. издательство поддержало экспериментальный проект «Ребенок в социокультурном пространстве района ме-

гаполиса», выпустив подготовленное группой учителей качественно новое учебное пособие для начальной школы «Прикосновение к вечности». В нем изучение учебных программ по основным предметам строится на основе культурологического подхода. Совершая на страницах книги экскурсию по залам Кунсткамеры, читатели-школьники знакомятся с историей и культурой разных народов мира, решают занимательные задачи, разгадывают загадки, ребусы, вспоминают правила русского языка и т. д.

Не прошло издательство и мимо литературного наследия прошлого. В конце XIX века в издательстве А. С. Суворина вышли в свет книги журналиста и бытописателя М. И. Пыляева «Старый Петербург» (1887), «Забывтое прошлое окрестностей Петербурга» (1889), «Старая Москва» (1891), «Старое жительство» (1892), «Замечательные чудачки и оригиналы» (1898). Через сто лет уже современные издатели делали попытки вернуть жизнь этим книгам, ставшим почти раритетными. Пыляевские очерки издавались репринтным способом, переводились в новую орфографию и стилистику. Однако при этом либо авторский текст настолько «осовременивался» редакторами, что утрачивались своеобразный аромат эпохи и авторская индивидуальность, либо соблюдался чисто механистический, копировальный подход, при котором в «новых-старых» книгах сохранялись все ошибки, допущенные в первых изданиях.

В издательстве «Паритет» при подготовке пыляевских книг многое было сделано впервые: тщательно выверены тексты и устранены ошибки первоизданий, многие слова, вышедшие сегодня из употребления или изменившие свое первоначальное значение, снабжены примечаниями, иностранные слова и выражения, встречающиеся в тексте, переведены на русский язык, добавлены иллюстрации и т. д. Результат не замедлил сказаться: книги сразу были замечены читателем, выделены из общего ряда изданий, стали пользоваться повышенным спросом.

Итоги работы «Паритета», пожалуй, нагляднее всего можно увидеть в ассортиментном зале отдела реализации, где в постоянном обороте находятся свыше 7 тысяч названий книг, в том числе и других издательских фирм. Сюда постоянно приходят представители книготоргующих организаций, учителя и библиотекари. Комплектование библиотек, работа с библиотекарями — особый вид делового партнерства, т. к. издательство предоставляет им специальные скидки, помогает подобрать необходимые книги и т. д. Здесь же

можно получить информацию о новых книгах, подготовленных к изданию.

В небольшой статье невозможно рассказать подробно о работе издательства и его планах на перспективу. Во всяком случае, учебная литература и книги по краеведению останутся в ближайшие годы доминирующим направлением, как наиболее востребованные нашим читателем, а маркетинговая работа в этом секторе рынка будет вестись постоянно для прогнозирования покупательской конъюнктуры и уточнения тематических планов.

ШТРИХИ К ТВОРЧЕСКОМУ ПОРТРЕТУ ПРОФЕССОРА И. В. ГУДОВЩИКОВОЙ*

И. Эскиз

(окончание, начало в № 1 2001)

Александра Куманова — докт. пед. наук, Болгария

«Жатвы много, а делателей мало».

От Матфея (9, 37)

«Прежде чем двигаться дальше, нужно,

чтобы сознание человечества вместило то, что уже дано».

Е. И. Перих (Письма Елены Перих, Т. II, 1929–1938.

Riga, 1940. С.120.)

Под эгидой этих организаций были разработаны и введены в действие глобальные информационно-библиографические (точнее, информационно-библиотечные) программы. К ним относятся: «Международная программа сотрудничества в области научной и технической информации» (UNISIST) (62) и включающая ее «Общая информационная программа» (GIP) UNESCO, а также стержневые программы IFLA: «Универсальный библиографический учет» (UBG, в настоящее время — UBCIM) (63), «Всеобщая доступность изданий» (UAP), «Сохранность и консервация», «Универсальная передача данных и телекоммуникации», «Развитие библиотечного дела в странах "третьего мира"».

— Не могли бы Вы коснуться содержания этих программ?

— Названия программ достаточно отчетливо обозначают их содержание. Следует, быть может, пояснить лишь содержание программ. Она ставит своей задачей обеспечить полное и адекватное описание документов в странах их публикации с целью многообразового и многоцелевого использования полученной библиографической информации в национальном и международном масштабах путем обмена машиночитаемыми данными.

Программы в своей совокупности должны стимулировать, на основе сотрудничества, успешное развитие библиотечного дела, библиографии и научно-информа-

ционной деятельности в странах-участниках, причем особое внимание обращается на развивающиеся страны Азии, Африки и Латинской Америки. В конечном итоге любая страна может рассчитывать не только на получение полной и оперативной информации о нужном документе, вне зависимости от даты и места его публикации, но и на безотказное предоставление самого документа.

Программы не имеют четкого организационного оформления, а являются гибкими и децентрализованными. В задачи постоянно действующих структур (с очень малочисленным составом сотрудников) входят организационные вопросы, подготовка публикаций в профессиональной печати, создание инструктивно-методических документов (в первую очередь стандартов) и т. д. В рамках различных программ определяются общие направления, проводятся конгрессы, конференции, совещания, симпозиумы и семинары, оказывается (через UNESCO) финансовая помощь для стимулирования исследований и экспериментов, для поддержки отдельных проектов и мероприятий в странах и регионах. Реальная конкретная работа осуществляется на местах библиотечными ассоциациями, органами информации и — особенно — библиотеками.

Библиотеки в конце 60-х гг. стали объединяться в особые сети, которые способны успешно функционировать в усло-

* Рукопись книги хранится в фондах БАН.

виях автоматизации и нарождающегося информационного рынка. Речь идет об автоматизированных информационных библиотечных системах (АИБС; не путать с АИПС!). Национальные АИБС представляют собой совокупность автоматизированных сводных каталогов, отражающих как национальную печатную продукцию на основе баз данных национальной библиографии отечественных и зарубежных, так и всех документов, имеющих в стране, на базе сводных каталогов библиотеки. Чаще всего, но не всегда, национальные библиотеки предоставляют базы данных с описанием новых документов библиотекам-участницам, избавляя их от каталогизации новых поступлений. Они помогают друг другу в комплектовании и докомплектовании, обеспечивают доступ к своему банку данных, повышают эффективность межбиблиотечного абонементов (МБА) и справочно-библиографического обслуживания.

Помимо национальных АИБС, существуют локальные (краеведческие), региональные, международные. Они составляют важнейший элемент международного сотрудничества, поскольку в процессе сбора и распространения информации связываются с зарубежными сетями для получения баз данных с описаниями иностранных документов.

Масштабы АИБС ранжируются от небольших объединений из нескольких библиотек до многосервисных организаций с большим штатом сотрудников и сложной структурой, в которую входят сотни или даже тысячи библиотек и библиотечных сетей нескольких стран.

— На какие АИБС, на Ваш взгляд, следует в первую очередь обратить внимание?

— К таким гигантским сетям относится Онлайнный компьютерный библиотечный центр (OCLC) (64) в США, который имеет прямую онлайнную связь с Европой и Австралией и объединяет более 4 тыс. американских библиотек. Его услугами пользуется более 8 тыс. отечественных и зарубежных библиотек и библиотечных сетей. Банк данных 1988 г. насчитывал

более 17 млн. записей, ежегодный прирост составляет 1 млн каждые 5–7 месяцев. Как и другие АИБС, этот центр широко использует чужие базы данных, служит посредником, передавая их другим сетям. Кстати, около 1/3 банка данных OCLC составляют записи из баз данных системы MARK, которая представляет собой не что иное, как АИБС, меньшую по объему, чем OCLC, но не уступающую ему по влиянию, а может быть, и превосходящую его в этом отношении.

Продукты и услуги OCLC приносят ему немалую прибыль, и в этом плане крупные АИБС являются достойными участниками борьбы на информационном рынке. Вместе с тем, отношения внутри каждой АИБС определяется не платой, а взаимным обменом данными и услугами. А это ставит рядовые библиотеки в условия, позволяющие «выжить» в рыночной гонке.

АИБС, возникнув в США и Канаде, все больше распространяются в Европе, Азии, Африке (ЮАР) и Австралии. Причем, наряду с общенациональными АИБС, появляются и другие, с аналогичными задачами, чаще всего охватывающие определенные регионы или типы библиотек. Это явление, первоначально рассматривающиеся как положительное, постепенно стало вызывать негативную реакцию: деятельность сетей зачастую пересекается, происходит неоправданное дублирование и вытекающие отсюда напрасные траты средств и человеческих усилий. Встал вопрос о централизации работы в единых национальных сетях и последующем создании международной «сети сетей». Однако углубленное исследование этого вопроса обнаружило, что жесткая централизация крайне нежелательна, что необходимо объединить усилия частного сектора и властей (локальных, штатов, федеральных), а также библиотек всех типов, и получить гибкую децентрализованную структуру, способную обеспечить каждому человеку в США возможность доступа к информационным ресурсам, как отечественным, так и зарубежным. В поисках такой структуры разрабатывались различные

проекты. Последним из них является проект «Взаимодействие открытых систем» (OSI) (65). Взаимодействие здесь означает не только соединение систем и возможность поиска в одной системе с помощью терминала другой, но и равные права всех участвующих библиотек, соединенных друг с другом каналами коммуникации (любими, начиная с телефонных). Причем каждая библиотека имеет участок работы, за который она отвечает. Некоторые специалисты видят в развитии АИБС следующие этапы: середина 70-х гг. — создание сводных, середина 80-х гг. — их автоматизация, середина 90-х гг. — взаимодействие открытых систем. Однако, и централизованные АИБС не потеряли своей привлекательности, и пример OCLC для многих библиотек представляется недостижимым идеалом.

Все это позволяет утверждать, что АИБС и ее составляющие — национальная библиография и сводный каталог — в настоящее время являются главными фигурами единого библиографического процесса, контуры которого я пыталась наметить. Я оставила в стороне только отраслевые информационные службы и проблемы, с ними связанные, но они нашли достаточно широкое освещение в литературе.

— Решает ли автоматизация все проблемы, стоящие перед библиографией?

— Автоматизация — не самоцель и не панацея. Автоматизация — средство, помогающее библиографии выполнять свою извечную задачу — быть посредником между документом и потребителем, в том числе и между книгой и читателем. Задачи библиографии и определяют место автоматизации в библиографических процессах. Часто она имеет решающее значение — например, в информационной библиографии.

Однако и здесь не все просто. Например, ведутся эксперименты по автоматизированному реферированию в области естественных наук и техники через экстрагирование с помощью словесных клише. Естественно, что специалист-ученый делает реферат «в ручной технике» гораздо лучше. Полноценный автоматизи-

рованный реферат будет получен только тогда, когда появится возможность автоматизированного распознавания смыслового образа, т. е. по существу тогда, когда появится искусственный интеллект. (Но ведь и человеческий интеллект к тому времени поднимется на новую ступень!). Тем не менее, автоматизация в информационной библиографии в этих областях необходима, ибо обеспечивает оперативное массовое информационное обслуживание.

Что касается общественных и гуманитарных наук, то в этом случае нередко имеет значение не только содержание, не только что сказано, но и как сказано! Читателя интересует не только факт, но и интонация.

Автоматизация не может решить всех вопросов в справочно-библиографической работе. Она занимает весьма ограниченное место в рекомендательной библиографии, если не считать первичного, предварительного отбора литературы.

Наконец, на всех участках библиотечной работы, в том числе и не библиографической, личный контакт читателей с библиотекарем имеет колоссальное, еще не вполне нами осознанное значение.

— Книга! Каково Ваше видение ее будущности в связи с перспективой распространения безбумажной информации?

— С книгой человечество не расстанется никогда!.. Я допускаю, что бумага может быть заменена экономически и экологически более удовлетворяющим продуктом. Но мы не можем заменить книгу компьютером! Для нормального развития второй сигнальной системы человек должен общаться с книгой (так же, как при развитии киноискусства и телевидения ему необходим театр).

— Что нужно делать в первую очередь тем странам, в которых автоматизация библиотечно-библиографических процессов только зарождается? С чего следует начинать?

— Необходимым условием для этого является информатизация страны, о чем я уже говорила, — создание большого ко-

личества дешевых ЭВМ, общедоступных баз данных, а также телекоммуникационных связей, что требует немалых капиталовложений.

Автоматизация библиотечно-библиографических процессов должна быть признана государственным делом первостепенного значения. В США, где достигнуты наибольшие успехи в этой области, в 1979 г. в Белом доме (!) была созвана первая конференция («по библиотечному делу и информации»), в 1987 г. — вторая («по библиотечному делу и информационному обслуживанию»), третья назначена на 1990 г. (возможно, она уже состоялась), создан специальный Федеральный комитет по библиотекам и информационным центрам... Комментарии излишни.

Наконец, библиотечное сообщество должно быть подготовлено к восприятию новой технологии. Прежде всего, требуется изучение и освоение передового зарубежного опыта, для чего следует: 1) ориентировать на это преподавание библиотечно-библиографических дисциплин в средних и высших специальных учебных заведениях, 2) стимулировать развитие научных исследований в данном заведении — в том числе (а может быть, в первую очередь) через аспирантуру, 3) приучать библиотекарей к работе в автоматизированном режиме, внедряя в библиотеки персональные компьютеры для создания автоматизированных рабочих мест, а также CD-ROM.

Без интеллектуальной и психологической подготовки кадров дело не пойдет, и, вероятно, с нее и следует начинать!

— Что нового появилось в развитии библиографии в связи с автоматизацией?

— Произошло новое расширение спектра документов, учитываемых в пособиях по библиографии библиографии: наряду с печатными материалами в них начали проникать и библиографические базы данных. У этого явления широкая перспектива.

Одновременно имеет место и неоправданное увлечение автоматизацией: некоторые авторы предлагают создавать осо-

бые банки только библиографических пособий. Если бы такие предложения осуществились (надеюсь, что этого не случится), то библиотекарь (или другой потребитель), обнаружив в банке нужный печатный библиографический указатель, в дальнейшем был бы обречен только на ручной поиск.

Вернее всего, как мне кажется, включать в банки данных источники первичной и вторичной информации вместе, в одном массиве. Тогда потребитель будет вынужден переходить к ручному поиску только в необходимых случаях (т. е. тогда, когда первичные документы, учтенные в печатном пособии, отсутствуют в данной АИПС).

— Как реализуются в настоящее время функции библиографии библиографии, о которых Вы неоднократно писали, — моделирующая и программирующая?

— Моделирующая функция заключается в том, что система библиографии библиографии, воспроизводя в свернутой форме библиографический поток, моделирует его. Это свойство библиографии, выявленное и сформулированное сравнительно недавно, издавна стихийно и неосознанно используется в библиографической работе: библиография библиографии служит ориентиром в библиографической литературе, является исходным материалом для составителей и фактическим каркасом при создании учебников, а также трудов по истории библиографии и, в известной мере, по ее теории и методике.

— Программирующая функция вытекает из моделирующей и заключается в том, что библиография библиографии создает возможность управлять библиографическим процессом: выявлять и анализировать состояние библиографического процесса (в стране, регионе, в определенной области науки или практической деятельности и проч.) и на основе полученных результатов прогнозировать и программировать его дальнейшее развитие. Значение этой функции в настоящее время ясно осознано исследователями, о чем, в частности, свидетельствуют материалы сборников статей по

библиографии библиографии, которые ежегодно издаются ГПБ под различными названиями. Однако, насколько мне известно, эта возможность не превращается в реальность нигде — ни у нас, ни за рубежом.

Еще десять лет тому назад мне представлялось, что достаточно создать единый центр, располагающий квалифицированными научными силами, способными производить многоаспектный анализ и выявлять научно обоснованные рекомендации по совершенствованию библиографического процесса, и большими полномочиями для проведения этих рекомендаций в жизнь.

Но такие центры не появляются...

Более того, жизнь показывает, что жесткая централизация неприемлема в библиографии. Вспомним хотя бы об идее «открытых взаимодействующих систем», о которой я упоминала в начале нашего разговора. По-видимому, предстоит искать иные пути, чтобы использовать библиографию библиографии для оптимизации библиографической деятельности.

— Выдвигаемым Вами подходом в работе «Функции национальной библиографии и функциональная структура библиографии» (1979 г.) впервые в библиографоведческой мысли раскрывается взаимосвязь разноранговых функций: библиографии, ее видов, видов библиографических пособий, отдельных пособий и, тем самым, методологически выстраивается диалектическое представление о функциональной структуре библиографии, позволяющее определить проявления каждой ее разновидности в системе библиографии по горизонтали и вертикали. Насколько и при каких условиях возможно выстраивание единого системного представления о библиографии в целом?

— Единственного единого системного представления о библиографии нет, существуют разные...

— Каково Ваше представление о системе библиографии, ее видовой дифференциации?

— Вопрос может вовлечь меня в гущу взаимосвязанных теоретических проблем.

А если говорить коротко, то обзор и критический анализ существующих точек зрения (в том числе и моей) можно найти в литературе.

Когда речь идет о пособиях, в отношении их дифференциации используется принцип, который кажется правильным: многоаспектный, фасетный принцип. Конечно, применяя его, каждый раз можно менять фасеты или их, элементы и т. д. Что касается дифференциации видов библиографии, то здесь идут поиски. Большинство современных авторов рассматривает систему библиографии в рамках метасистемы документальных коммуникаций. Быть может, выявление и дефинирование других метасистем, в которых функционирует библиографическая информация, составит следующий этап развития теории библиографии, который приведет к новой парадигме.

— «Концепция явлений духовной и материальной культуры как знаковых образований» позволяет открывать отношения между явлениями, чей принцип связанности ускользает от простого взгляда на вещи» (Ю. М. Лотман). Опишите, пожалуйста, информационно-библиографическую парадигму культуры за время существования русского советского общества, исходя из общего состава, уровня и качества имеющейся библиографической продукции.

— Мы историю не знаем. Мы смутно сталкиваемся с тем, что было сделано. В течение многих десятилетий советская библиография была изолирована. Конечно, наши ведущие специалисты несли информацию о том, что делается за рубежом. У нас были и имена, вершины, но все это было «вопреки». Предстоит в первую очередь историю изучать...

— Каковы тенденции изменения формирующейся системы библиографической информации в Советском Союзе, исходя из современных культурологических процессов?

— Не берусь оценивать. Мы можем фиксировать огромное отставание. — В какой мере отражена в научных трудах

Вселенная мировой библиографии в многообразии ее языковых, пространственных и временных характеристик и, одновременно, — в ее единстве?

— Фрагменты истории библиографии, ограниченные отдельной страной, видом библиографии, отраслью обслуживаемой ею науки и т. д., имеются — и в немалом количестве. Время от времени появляются и появляются общие очерки исторического характера. В середине 30-х гг. вышла книга М. Н. Куфаева «Иностранная библиография», значительно большая по объему, чем опыты его предшественников, но и она была справедливо квалифицирована автором в подзаголовке, как «краткий очерк».

Всем известно, что, чем больше масштаб явления, и чем оно труднее для восприятия, тем меньше оно анализируется и объясняется.

Написать историю мировой библиографии было трудно даже в XIX в. Ведь для этого автору следовало настолько овладеть огромным материалом, чтобы высоко подняться над ним и, отбросив мелочи, вычленив главное, определить тенденции и найти им объяснение. В XX в. мировой библиографический процесс так динамически развивается, разветвляется и усложняется, так много нового появляется каждые несколько лет, что создать историю мировой библиографии одному человеку практически невозможно.

Тем не менее, два автора отважились приступить к истории библиографии всерьез. Ими были великие Луиза-Ноэль Мальклес и Константин Романович Симон.

— Л.-Н Мальклес в 1956 г. опубликовала работу под заглавием «Библиография» (66), в которой, в соответствии с выдвинутой ею периодизацией, дала свое видение этапов развития библиографии, видов библиографических пособий, работы библиографических учреждений — в отдельных странах и в международном масштабе. Все это дано во взаимосвязях, с расстановкой акцентов, с компактными подытоживающими таблицами. Эта небольшая книжка, переве-

денная на английский и испанский языки, вышла в популярной серии «Что я знаю» и открывалась словами: «История библиографии еще никогда не была написана или была написана лишь частично».

В 1963 г. увидела свет монография К. Р. Симона «История иностранной библиографии» (67), о которой один французский рецензент впоследствии напишет, что именно эта книга восполняет пробел, на который указывала Л.-Н. Мальклес. Фундаментальный труд К. Р. Симона поражает своей масштабностью. Если Мальклес объектом изучения избрала практически только государства Западной Европы и, насколько помнится, США, то в книге Симона исследованы все европейские страны и страны американского континента, в которых велась библиографическая работа.

Как историк — а Константин Романович и был историком, — он рассматривал все важные библиографические явления в тесной связи с развитием истории, науки, культуры и общества в целом. Глубокий и вдумчивый анализ библиографической работы — во многих странах и во всех областях знания в различные исторические эпохи — и последующий синтез полученных результатов позволили К. Р. Симону дать свою периодизацию истории библиографии, определить основные ее направления, сделать прогностические предложения. Все это пронизано единой концепцией, специально не сформулированной, но проходящей через весь текст. Несмотря на замечания, которые можно высказать по поводу этой книги (и которые неоднократно высказывались в критической литературе — так же, кстати, как и по поводу книги Мальклес), она остается уникальной по своему масштабу и содержанию до сих пор.

Единственный серьезный упрек, который следует сделать сейчас, — это исключение из книги библиографии нашей страны, исключение, которое противоречит концепции Симона о единстве мирового библиографического потока. Сам Константин Романович в предисловии объясняет это тем, что имеется книга

Н. В. Здобнова «История русской библиографии до XX века». Но эти две «Истории» написаны в разных ключах и друг с другом не стыкуются.

На самом деле, суть заключается в другом, в нашей стране после Октября сложилась печальная традиция, последовательно проводившаяся не только в библиографии, — изолировать все советское от зарубежного: «у нас одно, у них — совсем другое», как поется в одной оперетте.

— В связи с этим, как Вы считаете, знания библиотекарей и библиографов в области иностранной библиографии — особый раздел или неотъемлемая часть современного библиотечно-библиографического образования?

— Отечественная библиография — будь то советская, болгарская, китайская или какая-нибудь еще, всегда является составной частью мирового библиографического процесса. Поэтому преподавать библиографию следует в едином курсе или курсах (теория библиографии, история библиографии, организация и методика библиографии, как это принято в настоящее время в СССР), где одновременно давать отечественный и зарубежный материал. Естественно, с преимущественным вниманием к отечественному.

К сожалению, согласно вышеуказанной традиции, имевшей силу закона, я преподавала курс иностранной библиографии, хотя при всякой возможности старалась (в статьях, учебниках, учебных пособиях) увязывать явления отечественной и зарубежной библиографии друг с другом. Этому же учила аспирантов.

— История библиографии предстает в Вашей концепции как история не только библиографических трудов, но и история деятелей. Кроме статей в энциклопедических изданиях, Вы написали несколько персональных очерков: о Т. Бестермене, А. Джозефсоне и В. Грундтвиге, Л.-Н. Мальклес, К. Р. Симоне и М. В. Машковой. Эти деятели библиографии привлекли Вас, наряду с ключевой позицией, которую они занимают в мировом библиографическом процессе, возможно, и чем-то другим?..

— Названные Вами библиографы, естественно, привлекли мое внимание в процессе изучения мною тех или иных вопросов. Кроме того, должна сознаться, к некоторым из них я испытываю чувство глубокой личной симпатии. Речь идет о К. Р. Симоне, М. В. Машковой, Л.-Н. Мальклес.

— А Вы лично знали Мальклес?

— Мы с ней переписывались...

— Разрешите обратить Ваш взгляд к Болгарии. Библиография в этой стране входит в круг Ваших интересов и отмечена пристальным вниманием (68).

— Болгарская библиография отличается высоким уровнем. Это в значительной степени объясняется тем, что в ее создании и развитии принимали участие лучшие представители национальной культуры. У истоков библиографии стояло «блестящее созвездие» академиков: Александр Теодоров-Балан, Никола Михов и Никола Начов. Эстафету у них приняли выдающиеся специалисты «второго поколения», к которому принадлежат Тодор Боров и Христо Тренков. Сегодня дело продолжают их прямые и косвенные ученики, среди которых в первую очередь следует назвать Кремену Зотову и Зорницу Петкову.

В результате деятельности этих библиографов и их соратников Болгария достигла значительных успехов. В этой стране издан ряд прекрасных ретроспективных указателей. Еще в конце прошлого века возникла текущая национальная библиография (ТНБ), основанная на обязательном экземпляре (да и в наши дни система болгарской ТНБ является одной из наиболее развитых в мире, а по широте охвата видов учитываемых документов она занимает первое место). В истории Болгарии имеется поучительный для всех стран опыт многоаспектной и так трагически прерванной деятельности Библиографического института им. Элина Пелина. Девять томов «Ежегодника», издававшегося институтом, до сих пор являются источником ценнейшей информации... Болгарскими библиографами создан большой массив серьезной исследовательской литературы, в частно-

сти, и по вопросам библиографии библиографии и национальной библиографии — я называю области, наиболее мне близкие.

С рядом болгарских библиографов я переписываюсь, мы обмениваемся печатными работами, а с некоторыми, смею надеяться, связаны и узлами дружбы. Болгарские студенты и аспиранты учились и учатся на библиотечном факультете ЛГИК, и связь с ними после их отъезда на родину во многих случаях не теряется. Всем этим и вызван мой живой интерес к библиографии Болгарии и к ее библиографам.

Что же касается пожеланий, то желаю болгарской библиографии того же, чего и советской: быстрее выйти на современный технологический уровень.

— Интересно, какой вид библиографической работы наиболее притягателен для Вас?

— Справочно-библиографическое обслуживание! Я с удовольствием вспоминаю годы работы в справочно-библиографическом отделе БАН.

— Личный вкус библиографов в литературе оказывает сильное влияние на их сущностно-библиографическую деятельность. Насколько мне известно Вы любите детективную литературу...

Кажется уместным вопрос: рассматриваете ли вы этот жанр, как имеющий отношение к феномену «библиографический поиск»? Есть ли что-либо общее в методах детективного расследования и библиографического разыскания?

— Безусловно, есть; и в единстве цели (установление истины), и в порядке действий (выдвижение гипотезы, определение стратегии поиска, отработка версий), и в применяемых методах (дедукция и индукция, анализ и синтез и т. д.). Но я не стала бы отделять поиск в уголовном розыске и в библиотеке от тех поисков, которые ведутся в научных институтах и лабораториях. Общность с ними подтверждает и терминологическая родственность: «следствие» — «исследование», «следователь» — «исследователь», «поиск» — «розыск», «изыскания» — «разыскание»... — Для того, чтобы быть мастером

в любой профессии требуется определенный дар. Без какого Божьего дара не может библиограф справочного отдела быть Мастером?

— Если верить исследованиям в области библиотечной профессии библиографии (например, многочисленным публикациям А. С. Чачко) и высказываниям библиотечкарей-практиков, то к библиографу — «справочнику» предъявляются повышенные требования: он должен сочетать в себе интеллектуальный потенциал академика с психофизиологической выносливостью космонавта. И самое удивительное, что эти требования справедливы! Но, кроме таких высоких качеств, нужно еще что-то. А бывает, что это «что-то» — сильнее, чем прекрасная профессиональная подготовка, в этом я убедилась на опыте. Я более 20 лет вела курс библиографической эвристики. В разные годы были два случая, когда студенты, не имевшие никаких данных для такой сложной работы, прекрасно с ней справились. До сих пор помню, как один из них, тугодум, с трудом учившийся, практически не знавший иностранных языков, однажды надолго потерялся в стеллажах справочного отдела БАН, а в конце дня принес мне очень старую религиозную энциклопедию на немецком языке (да еще с готическим шрифтом!), ткнул пальцем в страницу и торжественно сказал: «По-моему, об этом сказано здесь». С трудом разобравшись в тексте, я убедилась, что «это» было действительно там.

Вероятно, для справочно-библиографической работы тоже нужен Божий дар, но в чем он заключается — тайна...

— В чем все-таки проявляется это ЧТО-ТО (— ТАЙНА!), делающее библиографа Мастером?

— Это проявляется в том, что читатель, приходя в справочный отдел и видя, кто дежурит, не говорит: «Я приду завтра...»...

— Из медицинской практики известно право пациента на выбор врача, определяемое психологами как существенный феномен, воздействующий положительно на процесс и результат лечения... Богатый

опыт Вашей работы с целым рядом студентов и аспирантов вызывает желание узнать Ваше представление об оптимально полезном проявлении структуры «Учитель — Ученик» в научно-исследовательской сфере: ученик «выбирает» учителя или наоборот?

—...Счастье для обоих, когда они оба находят друг друга!

ПРИМЕЧАНИЯ*

64. OCLC — Online computer library center. До 1981 г. — Ohio college library center (аббревиатура та же).

65. OSI — Open systems interconnection.

66. *Malcles L.-N.* La bibliographie. Paris: Presses unibersitaires de France, 1956. 136 p. (Coll. «Que sais-je?» 708).

67. *Симон К. Р.* История иностранной библиографии / АН СССР. Фондaмент. б-ка обществ. наук. М.: Изд. Кн. П., 1963. 756 с.

68. Указатель болгарской библиографической литературы за 25 лет. — Информ. о библиограф. за рубежом. 1973, Вып. 2(55), 35–37. — Рец. на кн.: Петкова З. М. Библиография на българската библиография. 1944–1969. С.: Нар. б-ка «Кирил и Методий», 1971. 602 с.; Ценное издание болгарских библиографов. — Сов. библиогр., 1982, № 6, 82–84. — Рец. на кн.: Библиография на българската библиография. 1852–1944. С.: Нар. б-ка «Кирил и Методий». С., 1986. 129–137. — Рец. на кн.: В чест на 80-годишната на проф. Тодор Боров / Соф. ун-т «Климент Охридски». Истор. фак. С.: Изд-во БАН, 1984. 390 с.; Памяти Христо Йорданова Тренкова. — Сов. библиогр., 1972, №2(132), 82–84. — Совм. с Д. В. Лебедевым. и др.

* Библиографические записи даны в соответствии с принятой техникой описания изданий Центральной библиотеки Болгарской академии наук.

Александр Данилович Ноздрачев

По материалам статьи Л. А. Вербицкой, Д. П. Дворецкого, В. А. Багаева и др. «Вклад академика Александра Даниловича Ноздрачева в развитие физиологии вегетативной нервной системы (к 70-летию со дня рождения)»

В Библиотеке Академии наук издан библиографический указатель научных трудов и публикации академика Российской академии наук А. Д. Ноздрачева.

А. Д. Ноздрачев — один из выдающихся российских физиологов, заведующий кафедрой общей физиологии Санкт-Петербургского государственного университета и лабораторией физиологии рецепции Института физиологии им. И. П. Павлова РАН.

Александр Данилович родился 25 октября 1931 г. в старинном русском городе Карачеве, Орловской (ныне Брянской) области, в семье инженера-землеустроителя Даниила Федоровича и Елены Алексеевны. Не успел Александр встретить свой десятый год рождения, как 5 октября 1941 г., на 106-й день войны, немецкие танки вошли в его родной город. Началась трудная жизнь в оккупации. Школу закрыли. Привычка учиться самостоятельно, выработанная в эти годы, пригодилась ему и потом. По окончании школы в 1949 г. он пытался поступить в Военно-морскую медицинскую академию в Ленинграде и получил отказ с мотивировкой: «в связи с пребыванием на оккупированной территории». Так Александр Ноздрачев оказался студентом Витебского ветеринарного института. Здесь, благодаря превосходно по тому времени поставленному преподаванию, он получил основательные знания по фундаментальным биологическим дисциплинам — морфологии, биохимии, физиологии животных и человека. В 1954 г. он окончил институт с отличием и рекомендацией для поступления в аспирантуру. Аспирантские годы прошли в Ленинграде, где в 1957 г. А. Д. Ноздрачев защитил кандидатскую диссертацию, посвященную структуре вегетативной (автономной) нервной системы.

Большое влияние на формирование его научных интересов и выбор творческого

пути оказали труды К. Бернара, И. П. Павлова, Дж. Ленгли, Л. А. Орбели, В. Н. Черниговского. В конце 50-х годов Александр Данилович приходит в Институт экспериментальной медицины, где под руководством и при дружеском внимании академика АМН СССР Д. А. Бирюкова начинает исследования в области физиологии нервной системы. Результаты не заставили себя долго ждать. Они стали основой для публикаций в Докладах АН СССР и других изданиях серии статей и первого в стране обзора по физиологическим свойствам и механизмам действия серотонина. Работа высокопрофессионального и энергичного специалиста не осталась незамеченной. Он получает предложения перейти в другие институты и лаборатории, работать в других областях физиологии, однако остается верен раз и навсегда избранному направлению.

В 50–60-е годы в нашей стране в связи с бурным развитием космонавтики создаются новые учреждения соответствующего профиля. В Колтушах, недалеко от Ленинграда, в научном городке Института физиологии им. И. П. Павлова АН СССР, был построен специальный лабораторный корпус и созданы условия для изучения проблем космической физиологии и медицины. Там был организован целый ряд лабораторий, которые, по мысли акад. В. Н. Черниговского, должны были стать центром фундаментальных исследований в этой области. К работе привлекались талантливые молодые специалисты. Александр Данилович переходит в Институт физиологии им. И. П. Павлова, и становится сотрудником Лаборатории экспериментальной эндокринологии.

В этот период его интересы полностью сконцентрировались на изучении структурно-функциональной организации симпатической части автономной (вегетатив-

ной) нервной системы. Здесь он успешно выполняет большой цикл экспериментальных электрофизиологических исследований по изучению роли кортикостероидов в функциях симпатической нервной системы. Именно эти работы легли в основу докторской диссертации, которую А. Д. Ноздрачев блестяще защитил в январе 1968 г., а через год — и его первой монографии. Исследования этого периода стали весомым вкладом в развитие физиологии нервной системы. Им, в частности, было доказано, что гормоны могут активировать афферентные волокна симпатической нервной системы, инициируя тем самым осуществление висцеро-висцеральных рефлексов. Удалось выявить некоторые механизмы адаптивного действия глюкокортикоидов и определить точки приложения гормонов в вегетативном синапсе. В это же время А. Д. Ноздрачев выдвигает и экспериментально обосновывает важное для физиологии висцеральных систем и нейроэндокринологии представление об общих и специфических формах адаптации, которые осуществляются совместно, при участии симпатической нервной и гормональной регуляторных систем.

В ходе этой работы А. Д. Ноздрачев столкнулся с необходимостью изучения потоков импульсов в афферентных и эфферентных волокнах вегетативных нервов у бодрствующих животных. К началу 60-х годов соответствующие методики уже были широко известны и применялись в практике физиологического эксперимента. Однако, использовались они лишь в условиях острых опытов, что ограничивало применение электрофизиологических подходов для изучения действия широкого спектра биологически активных веществ, включая и кортикостероидные гормоны.

А. Д. Ноздрачеву удалось создать комплекс специальных методических приемов для имплантации электродов в периферические нервные проводники и разработать технику локального обратимого выключения проводимости в нервных волокнах без каких-либо последствий для их функциональной целостно-

сти. Все это позволило выборочно изучать изменения афферентной или, в нужных случаях, эфферентной импульсации в основных вегетативных нервах бодрствующих животных без наркоза, в условиях, максимально приближенных к естественным. В результате применения этого, ставшего сейчас уже классическим, метода были подробно изучены и описаны электрофизиологические показатели функционирования автономной нервной системы у бодрствующих животных.

Под руководством А. Д. Ноздрачева был проведен анализ изменений импульсации в афферентных проводниках основных симпатических и парасимпатических нервов при одновременной регистрации ряда показателей работы внутренних органов, таких как желудок с его моторной (перистальтической) и секреторной функциями. Надо отметить, что, как и каждое крупное достижение в методике физиологического эксперимента, эта работа повлекла за собой развитие соответствующей электрофизиологической техники.

Александром Даниловичем и его сотрудниками были предложены новые схемы ряда сложных технических устройств, разработаны способы обработки получаемых данных. Эти методы и выполненный позже с их применением большой цикл исследований явились существенным вкладом в теорию и практику создания имплантируемых устройств.

Александром Даниловичем проведены и специальные принципиально важные исследования транзитных и синаптически прерывающихся путей автономных пара- и превертебральных ганглиев. На примере каудального брыжеечного симпатического узла эти работы позволили в деталях представить общую систему организации периферического рефлекторного центра. Планируя и выполняя эти работы, А. Д. Ноздрачев ориентируется на представления о том, что ганглионарные нейроны автономной нервной системы способны осуществлять «элементарные» регуляторные акты по отношению к тем или иным проявлениям деятельности

внутренних органов. Уже в то время он соотносит получаемые факты с казалась бы прочно устоявшейся точкой зрения Дж. Н. Ленгли, который полагал, что автономные нейроны и волокна выполняют лишь «эфферентную» функцию, связывая мозговые структуры с органами-мишенями. Оказалось, что это не так. Вначале морфологами, а позже физиологами, особенно учителем Александра Даниловича — В. Н. Черниговским, было показано наличие в периферических структурах автономной нервной системы собственного сенсорного звена. Но положение это в свою очередь требовало экспериментальной проверки, особенно у бодрствующих ненаркотизированных животных в условиях естественных отправлений ими висцеральных функций.

Начало и середина 60-х годов были временем, когда окончательно сформировалось положение об автономном ганглии как о рефлекторном центре, в пределах которого могут замыкаться дуги некоторых висцеральных рефлексов. И, конечно же, чрезвычайно существенный вклад в экспериментальное обоснование этой идеи, безусловно, первостепенной важности и для развития теории физиологии, и для развития практической медицины, внес А. Д. Ноздрачев. Пожалуй, итоги именно этих исследований в определенной мере послужили стимулом для его дальнейшей многолетней работы.

Основываясь на результатах своих исследований, а также анализируя данные мировой литературы, он постепенно приходит к пониманию того, что автономная нервная система «по составу нейронных звеньев дуги рефлекса, нисколько не отличающемуся от соматической, совершенно не характеризуется «чисто эфферентной природой», как это ей приписывалось». Он также утверждает, что не имеет смысла поддерживать точку зрения о двухнейронной организации ее эфферентной части. Так, преганглионарные симпатические нейроны боковых рогов спинного мозга, считает Александр Данилович, соответствуют не моторным,

а вставочным клеткам соматической рефлекторной дуги. В качестве же моторных в системе симпатической дуги следует рассматривать клетки экстрамуральных периферических ганглиев. И тогда окончание преганглионарного волокна на моторном ганглионарном нейроне является аналогом внутримозгового синапса между ассоциативным и двигательным (соматическим) нейронами и отличается от него лишь топографически.

Логическим продолжением этих представлений должно было стать рассмотрение структурно-функциональной организации интрамуральной нервной сети (обобщено названной Ленгли энтеральной, т. е. кишечной, хотя речь идет в данном случае и о сердце, бронхах, почке и других объектах), ее роли в механизмах регуляции функций висцеральных систем и органов и, наконец, ее места в общей конструкции автономной нервной системы.

В начале 70-х годов развитие электроники и новой экспериментальной техники открыло, наконец, возможности для изучения функциональной организации интрамуральной нервной системы — ганглионарных образований и проводящих путей, находящихся в стенках внутренних органов. Соответствующие исследования развернулись в лабораториях США и Японии.

В нашей стране впервые эта работа была начата А. Д. Ноздрачевым в организованной им в Институте физиологии им. И. П. Павлова АН СССР Лаборатории физиологии вегетативной нервной системы. За относительно короткое время ему удалось создать эффективный исследовательский комплекс, не уступавший по своим возможностям западным аналогам. Результаты, полученные А. Д. Ноздрачевым, его учениками и последователями в ходе нейрофизиологического, нейрохимического, гистоморфологического изучения интрамуральных ганглионарных образований внутренних органов, широко известны; они публиковались ведущими международными журналами и были не раз с успехом представлены на самых крупных и авторитетных конференциях и симпозиумах.

Опираясь на собственные исследования, анализируя публикации других специалистов, Александр Данилович обосновывает и вводит в литературу совершенно новое для физиологии понятие об интрамуральных нервных структурах, назвав их специальным термином «метасимпатическая нервная система». По его мнению — это самостоятельный, третий (наряду с симпатическим и парасимпатическим) отдел автономной нервной системы.

Александром Даниловичем сформулированы основные элементы построения теории этой системы, в сфере управления которой находится практически вся текущая деятельность полых внутренних органов. Согласно этому взгляду, группы нейронов метасимпатической нервной системы способны (без вмешательства центрифугальных импульсов) регулировать моторную активность висцеральных органов, контролировать секреторные и экскреторные процессы, динамику капиллярной проницаемости и осуществлять регуляцию деятельности местных (внутриорганных) эндокринных и иммунных элементов. По мнению А. Д. Ноздрачева, метасимпатическая нервная система имеет, например, непосредственное отношение и к организации регулирующих влияний на такую исключительно важную функцию, как мембранное пищеварение.

Позже работа по изучению нейрофизиологических характеристик интрамуральных метасимпатических нейронов разворачивается и на других объектах. Были получены данные об особенностях активности клеток, находящихся в стенке сердца. Большой цикл исследований выполнен по изучению взаимодействия нейронов, обеспечивающих протекание местных рефлекторных реакций в пределах нижних путей дыхательной системы.

Итак, теперь уже на нейронах внутриорганный метасимпатической нервной сети А. Д. Ноздрачев доказывает, что вегетативный ганглий содержит все необходимые элементы для реализации функций местных рефлекторных дуг. Следовательно,

но, гипотетические представления начала XX века о возможных функциях нейронов I и II типов Догеля, которые на протяжении десятков лет активно обсуждались в литературе, получают четкие нейрофизиологические подтверждения.

Собственные исследования структурно-функциональной организации внутриорганный нервной сети, выполненные вначале на фрагментах пищеварительного тракта, результаты работы других специалистов приводят А. Д. Ноздрачева к необходимости пересмотра представлений, состоявшихся в физиологии автономной нервной системы. Он полагает, что нервная регуляция всего многообразия деятельности висцеральных систем и органов осуществляется симпатическими и парасимпатическими нейронами и волокнами, но, кроме того, существует собственный, базовый, механизм регуляции. Он реализуется в основном метасимпатическими нейрональными элементами, сосредоточенными в ганглиях стенок внутренних органов.

Как показано экспериментально, метасимпатическая нервная система имеет весь необходимый набор функциональных элементов: сенсорные клетки,водители ритма, интернейронный аппарат, тонические нейроны, наконец эффекторные нейроны. Метасимпатическая нервная система обладает и сложнейшей нейрохимической организацией. Помимо уже упомянутых «традиционных» медиаторных систем, ее нейроны содержат большое число нейропептидов и других физиологически активных веществ (сейчас их количество исчисляется десятками). По структурной организации, считает Александр Данилович, метасимпатические ганглии подобны ядерным и субъядерным образованиям центральной нервной системы. Их функции рассматриваются им по крайней мере в двух аспектах. Во-первых, это самостоятельные интегративные образования, которые способны функционировать при полной децентрализации органа и обеспечивать в этих условиях осуществление местных рефлекторных реакций. Во-вторых, имен-

но они являются «мишенями» для эфферентных импульсов, поступающих по волокнам симпатических и парасимпатических нервов к внутренним органам. И в этом, последнем, случае нейроны метасимпатических ганглиев не следует оценивать лишь в качестве простых трансляторов центральных команд к мышечным и секреторным клеткам. Центрифугальные импульсы, в частности, попадая через Н-холинергический синапс на нейрон миентерального или подслизистого сплетения, модулируют его текущую активность, не изменяя функции этого нейрона в системе местных рефлекторных дуг.

Что же является функциональной единицей метасимпатической нервной системы? А. Д. Ноздрачев считает, что в пределах нескольких соседних узлов нервные клетки объединены при помощи межнейронных связей в единый ансамбль. Этот ансамбль Александр Данилович предлагает рассматривать в качестве функционального модуля. Остроумные опыты с применением ганглиоблокаторов и последовательных перерезок межганглионарных связей дали основания полагать, что в состав такого модуля входят 5–7 нервных узлов.

Анализируя работу нейронов ганглиев кишечной трубки, А. Д. Ноздрачев, в частности, предлагает строгую схему функциональной организации всей этой части метасимпатической нервной системы. По его мнению, основу нейрональной сети составляют чрезвычайно устойчивые так называемые клетки-осцилляторы, функция которых не меняется при действии медиаторов или ганглиоблокаторов. Импульс от этой клетки через интернейрон и затем через холинергический синапс запускает ведомые клетки, которые по своей конструкции представляют последовательно организованные цепочки. Входящие в нейронный ансамбль сенсорные элементы активируют специальные тонические нейроны, вызывая в них появление длительного разряда. В свою очередь тонические нейроны формируют возбуждающий или тормозный синапти-

ческий вход к ведомым клеткам. В зависимости от характера связи длительная активация тонического нейрона может создавать либо поддерживающее возбуждение, либо, напротив, торможение, что и определяет направленность ответных реакций гладких мышц, эпителиальных клеток, эндокринных и других элементов, находящихся в «зоне ответственности» данного модуля.

Многолетние исследования А. Д. Ноздрачева структурно-функциональной организации автономной нервной системы получили высокую оценку. В 1991 г. он был избран членом-корреспондентом, а в 1997 г. — действительным членом Российской академии наук. Заслуженный деятель науки РФ А. Д. Ноздрачев в 1994 г. персонально удостоен Государственной премии Российской Федерации. Он является также лауреатом премии АН СССР (1987 г.), министерских и ряда иных премий. В 2002 г. Международный астрономический союз решением Комитета по наименованию малых тел Солнечной системы присвоил малой планете N 18288 имя «Nozdrachev».

Следует, хотя бы кратко, упомянуть еще об одной области, в которой сейчас с успехом работает А. Д. Ноздрачев и возглавляемые им коллективы. Речь идет об актуальных исследованиях некоторых проблем нейроиммунологии. Оригинальным, на наш взгляд, в этих его работах является развитие представлений о том, что в процессы вегетативной регуляции, инициации висцеральных рефлексов могут включаться и продукты деятельности иммунной системы. Таким образом, утверждается положение о том, что активация афферентного звена в системе реализации висцеро-висцеральных рефлексов может быть следствием комплексного воздействия на интероцепторы адекватных стимулов, а также эндокринных и иммунных факторов.

А. Д. Ноздрачев всегда окружен учениками и сотрудниками. Под его руководством защищено около 60 диссертаций, из которых 22 — докторских. В своих публичных выступлениях, лекциях, докладах

он стремится к ясному и четкому изложению материала, будь то результаты экспериментальной работы, традиционный университетский курс физиологии или нетривиальные исторические очерки о деятелях отечественной науки. Он великолепно владеет хирургической техникой и многими физиологическими методиками. Поэтому представляется совершенно естественным заведование им кафедрой общей физиологии Санкт-Петербургского государственного университета.

А. Д. Ноздрачев был приглашен на эту должность в 1980 г. И, соответственно, центр исследований структурно-функциональной организации метасимпатической нервной системы переместился из Колтушей на стрелку Васильевского острова, в Университет. Параллельно напряженной преподавательской деятельности А. Д. Ноздрачев создает условия для продолжения и расширения экспериментальной работы. К изучению различных сторон организации внутриорганный нервной сети привлекаются не только сотрудники возглавляемых им кафедры и отдела Института физиологии им. А. А. Ухтомского, но, что чрезвычайно важно, и студенты.

Получаемые новые результаты широко публикуются в отечественной и зарубежной печати, они включаются в соответствующие разделы читаемого А. Д. Ноздрачевым курса лекций по физиологии человека и животных. Со временем он вновь возглавляет одну из лабораторий Института физиологии им. И. П. Павлова РАН, с которым никогда не прерывал творческих связей. Так проявляется еще одно качество ученого — стремление к реальной интеграции преподавательского процесса в университете и фундаментальных исследований в академическом институте. Нужно заметить, что такая интеграция требует больших усилий и активной творческой работы на протяжении длительного времени. По-видимому, реальные результаты этого процесса появятся не сегодня и не завтра. Но они обязательно будут, и мы искренне поддерживаем усилия А. Д. Ноздрачева в этом направлении.

Нельзя не сказать еще об одном аспекте его деятельности. Александр Данилович — автор и соавтор более 750 публикаций, в т. ч. 30 монографий. Среди его книг, хорошо известных научной общественности, не только работы, освещающие современные проблемы физиологии автономной нервной системы и смежных дисциплин, но и ряд учебных пособий и учебников по физиологии. Трижды соросовский профессор, он считает одинаково важным и написание учебника для средней школы (за один из них А. Д. Ноздрачев и соавторы удостоены в 2000 г. премии Правительства Российской Федерации), а также двухтомного общего курса для студентов и аспирантов высших учебных заведений и большого однотомного учебника «Начала физиологии» (2001 г.). В этих изданиях большой раздел посвящен физиологии автономной нервной системы, куда вошли все значимые достижения последних лет в этой области. Следует отметить, что к работе над учебниками он привлек университетских преподавателей и ведущих сотрудников академических институтов. В 2002 г. Александр Данилович с коллективом авторов выпустил юбилейное издание «Нобелевские премии по физиологии или медицине за 100 лет», подводящее итог наиболее ярких биологических исследований XX века.

В 1973 г. в предисловии к ставшей уже классической монографии «Анатомия кошки» академик В. Н. Черниговский написал: «Читатель, взявший в руки эту книгу, неизбежно должен проникнуться чувством благодарности к ее автору... — Александру Даниловичу Ноздрачеву». Мы думаем, что эти слова были бы справедливы и в отношении нового проекта А. Д. Ноздрачева.

В последние годы он собрал творческий коллектив, который реализует идею создания своего рода энциклопедии анатомии лабораторных животных. Уже выпущено несколько монографий («Анатомия лягушки», «Анатомия кошки», «Анатомия беспозвоночных», «Анатомия крысы»), другие — в работе. И в этой серии определенный акцент сделан на анатомии автономной нервной системы. Для

всех лабораторных позвоночных с исключительной скрупулезностью и точностью в абсолютном соответствии с правилами международной анатомической номенклатуры приводится полное описание анатомического строения лабораторных животных, и часто это описание дается впервые. Книги этой серии активно используют студенты, аспиранты, да и научные сотрудники. Здесь уместным будет добавить, что в знак исключительного уважения в какой-то мере покаяния по инициативе и прямом участии академика А. Д. Ноздрачева на исторической территории Санкт-Петербургского университета в 2002 г. поставлен памятник кошке как экспериментальному животному.

К сожалению, нет возможности подробно рассказать о всех вопросах, которые находятся в сфере внимания А. Д. Ноздрачева. Энергичный и деятельный человек, он привлекает к себе и молодежь, и уже состоявшихся ученых. Он многое де-

лает для поддержания и развития физиологических исследований на кафедрах и в лабораториях ряда университетов и институтов страны. Хорошо известны его усилия по организации конференции и симпозиумов.

Много времени он уделял научно-организационной работе в рамках Бюро отделения физиологии РАН до реорганизации структуры Академии наук, и сейчас активно работает в Центральном совете физиологического общества им. И. П. Павлова, в правлении Санкт-Петербургского общества физиологов, биохимиков, фармакологов им. И. М. Сеченова, председателем которого он является. Он — член Международной организации по изучению мозга (IBRO), действительный член РАЕН и других общественных академий. Хорошо известна его активная работа в качестве председателя президиума Санкт-Петербургского дома ученых РАН, члена президиума СПбНЦ РАН.

